

Дети, которые хотят
и мереть

Григорий Гад

18+

Школьники достают ножи и режут одноклассников и учителей.

В детских приютах шаловливые дети бросают в общий бидон с супом горсть мышьяка или битого стекла.

Психованные подростки расстреливают толпы на автобусных остановках.

Бесчеловечная среда порождает чудовищ или чудовища разрушают среду? Что возникло первым: яйцо или курица?

Безжалостные дети, безумные дети, жестокие дети! Добро пожаловать в специальную школу для столь чудесных созданий!

Здесь для игр каждому из вас подарят настоящий самурайский меч. Из острой, отточенной стали.

Здесь на уроках расскажут, что смерть нужно почитать, а жизнь — ненавидеть.

Здесь вы сможете исполнить самые дерзкие мечты, и никто, никто не нарушает вас.

Густые вишневые рощи, длинные темные коридоры, просторные подвалы — вот ваша новая игровая площадка. Ваша тюрьма. Ваша могила.

Милые славные дети! Добро пожаловать в Школу Катаны!

1

«Зомби, оборотни, вампиры, дед бабай...»

Зачем выдумывать монстров, когда мы сами их рождаем?»

Сошин-сенсей, глава медицинского персонала

Кодзилькинской школы Катаны

Монстр громко тарахтел и мчался в рассвет, когда восьмиклассник Михеевской школы Катаны проснулся внутри огромного брюха.

Иногда черные круглые лапы монстра подпрыгивали на ухабах, тогда его квадратное туловище резко дергалось вверх, монотонный рев менялся, и железный зверь глухо ухал. Восьмиклассника швыряло тряской, костлявое тело в черной одежде каталось по металлическому дну темной утробы. После трех прыжков монстра восьмиклассник остался стоять на коленях. Он ждал и не боялся.

Истинный Путь ученика школы Катаны — это смерть.

Только когда ученик школы Катаны достойно умрет, он докажет чистоту умыслов и искренность намерений. Бывает, ученики сами обрывают свои жизни. Достоинство умереть легко. Нужен лишь меч.

Худая спина восьмиклассника вжалась в угол между двумя твердыми стенками брюха. Мозолистые ладони уперлись в вибрировавший пол. Тонкий луч дневного света проникал в щель между закрытыми дверями, маленький светло-серый кружок выхватывал из темноты растрепанный черный хвостик на макушке ученика. Взгляд синих глаз опустился на измятое черное кимоно и красное шелковое оби. Когда ученика усыпили уколom и заперли в брюхе монстра, его катану с ножнами забрали.

Восьмиклассник не мог достойно умереть.

Снаружи по бокам монстра хлестали ветви голых деревьев. Грохот металла отдавался в ушах восьмиклассника, голову разрезала боль острее лезвия катаны после заточки. Тра-та-та-та. Ветви стучали яростно и часто, как вчерашние очереди свинцовых плевков.

Тра-та-та-та. Длинные дудки черных плевалок сверкают быстрыми всполохами огня в окна Михеевской школы. Горячие свинцовые плевки летят быстро и неотвратно, стекла звонко лопаются и разлетаются прозрачными брызгами. Тра-та-та-та. Тела одноклассников смешно дергаются, извиваются, кто-то кричит, кто-то плачет, кто-то шипит, затем все оседают на пол, валяются друг на друга и больше не двигаются. Лишь красные узоры разукрашивают черные кимоно и хакама.

Ученики школы Катаны выбирают смерть, когда в их чести сомневаются. Так они доказывают миру свою безупречность. Но если честь твоя не опорочена, выбор смерти преждевременен. Даже если сильно хочется сбежать.

Монстр резко подпрыгнул на очередном ухабе. Восьмиклассника подбросило вверх и вправо, лохматая голова дернулась и впечаталась виском в стену. В глазах потемнело, и в этой черноте закачались цветные качели.

Пять лет назад. Цветные качели раскачиваются в центре круглого дворика. Ярко-оранжевые сидушки стремительно летят вверх, в голубое небо с облаками в форме кудрявых детских головок, пока цепи из маленьких звеньев не натягиваются, затем сидушки несутся

обратно к рамам качелей, затем — мимо, снова в небо с облаками.

Летний воздух наполняется нежными цветочными запахами, исходящими от розовых, голубых, желтых, сиреневых клумб за оградой дворика. Маленький восьмиклассник еще не носит кимоно. Пухленький и маленький, намного меньше, чем сейчас, мальчик крепко держится за цепи качелей и поддает ногами каждый раз, когда они возвращаются к земле. Вот качели взлетели достаточно высоко, и маленький восьмиклассник прыгает вперед к золотисто-желтой скамейке. Шлеп. И не долетает до скамейки. И падает на траву. Кругом собираются дети и все вместе поднимают маленького восьмиклассника, пухленькие ручки стряхивают с него сор, маленькие лица смеются. И маленький восьмиклассник тоже смеется. Ни у кого из детей нет катаны.

Ученик снова забился в угол брюха и потер ушибленный висок. Острый подбородок прижался к груди, тощие руки охватили голову, прикрывая от новых ударов отвердые стенки.

Ученик школы Катаны всегда видит цель и идет к ней, несмотря ни на что, пока смерть не заберет его. Даже если его цель — просто еще раз увидеть оранжевые качели.

2

Монстр резко остановился и заглох. Снаружи заскрежетало. Обе двери в противоположной стенке монстрового брюха раскрылись. Внутрь железной утробы ворвался серый свет пасмурного октябрьского дня, загнал темноту в углы и уколол глаза восьмиклассника. Ученик заморгал.

На улице стройный человек в сиреновом кимоно учителя и теплой накидке приветливо помахал рукой.

Восьмиклассник встал и выпрыгнул из брюха монстра на расколотый асфальт. Боль в виске прошла, словно вытекла через уколы света в глазах.

Учитель молча смотрел на него. Восьмиклассник поклонился в пояс.

— Сейчас день, сенсей, — приветствовал он учителя, — Сингенин Андрей внимает вам.

Учитель кивнул, вежливая улыбка осветила молодое щетинистое лицо с живыми голубыми глазами.

— Мы ждали тебя, Сингенин-кун, — весело сказал учитель, — сегодня удивительный день! До тебя в Кодзилькинскую школу Катаны никогда не переводили учеников из других школ Катаны. Нам оказали большую честь! Вдобавок ты будешь единственным нашим учащимся, который побывал за стеной школы.

Скулы Андрея Сингенина слегка порозовели.

— Сенсей, меня заперли в брюхе монстра, всю дорогу я ничего не видел, — сказал Андрей и пристыженно опустил голову.

— Конечно, ведь ты ученик и тебе нечего делать во внешнем мире до выпуска, — улыбнулся учитель. — Меня зовут Зенин, я проведу тебя к нашему завучу Буглаку-сенсею.

От уснувшего монстра учитель повел Андрея по асфальтовой дороге к дымчатым прямоугольникам зданий. Высоко над их головами черные мазки перелетных птиц неслись сквозь плотные пласты мутного неба навстречу девятиэтажной бетонной громаде. Перед самой громадой птицы вдруг бросались в стороны, с клекотом наталкиваясь друг на друга, и беспорядочно огибали здание. Зенин указал рукой на громаду с сотнями окон. Учитель сказал: «Общежитие учеников».

У подножия здания лежала широкая площадь, асфальт на ней мелко потрескался, словно покрылся нитями густой паутины. В центре площади высилась стойка с повисшим флагом. «Здесь проходят утренние построения учеников», — сказал Зенин, когда он и

Андрей прошли мимо стойки. Учитель добавил, что ровно в семь тридцать утра ученики строятся рядами, проводят переключку и кричат лозунг школы. Каждое утро ученики кричат: «Жизнь — ничто, правое дело — все».

По площади пронесся холодный ветер, ледяной порыв насквозь продрал тонкое кимоно Андрея. Не переставая улыбаться, Зенин спрятал шею и подбородок в воротник накидки. Клеткотптиц стал громче, кусок бело-черной ткани с резким хлопком вытянулся на ветру. На белоснежном полотне развернулся густой черный круг. Колодец в пустыне.

Площадь рвано обрывалась у широкого крыльца низкого здания — слепка из трех облезлых корпусов. Старшая школа. Сразу за нейтянулась сетка забора с тремя рядами колючей проволоки, на столбах ограды через каждые десять локтей тускло блестели круглые стекляшки гляделок. На той стороне серела начальная школа — точная копия старшей, широкие кирпичные бараки торчали из зарослей. Зенин сказал, что за забором служат ученики с первого по четвертый класс.

— Ученикам старшей школы, — серьезно произнес молодой учитель, — запрещается пересекать забор.

— Но, — учитель мягко улыбнулся, — старшеклассники могут звать малышей в гости.

Забор тянулся вдоль заросшего травой двора, пока не терялся в полынном поле и роще клена и вишни. А далее стальное небо держали остроконечные вышки, охранявшие стену, что ограждала территорию школы от внешнего мира.

Андрей, пока учитель вел его к крыльцу школы, смотрел на кусок серой стены в просвете далеких зарослей. «На переменах на улице довольно шумно», — сказал Зенин.

Сейчас во дворах обеих школ господствовала мертвая тишина. Не было ни души. Шли уроки.

Хилые кустарники спрятали стену школы под широкими окнами первого этажа. За окнами шел урок. Ученики в серых кимоно парами сидели за партами, выпрямив худые спины. Мечистояли на полу у входа в класс. Больше десятка катан и два коротких вакидзаси в деревянных ножнах. Прямые рукояти с резиновой обтяжкой под одинаковым углом упирались в стену.

Ученики внимательно слушали учителя. Все, кроме одной. Маленькое лицо с вздернутым носиком было поднято к окну, белая с россыпью персиковых веснушек кожа натянулась на лбу, не давая сонным зеленым глазам девочки закрыться.

Вялый взгляд наткнулся на Андрея и ожил, воспрянул, маленькая грудь под кимоно дрогнула, зеленые глаза раскрылись, захлопали черно-рыжими ресницами. Ученик посмотрел в белое лицо за окном, и сердце его застучало быстрее, а волк во внутренней клетке дернул лапой во сне. Андрей тут же отвел взгляд, слегка напрягся, и зачистивший пульс пришел в норму, кровяной насос замедлил ритм. Не поднимая глаз, Андрей поспешил за Зениным.

Учитель и ученик поднялись на крыльцо, вошли внутрь старшей школы.

В школе пахло так, как и ожидал Андрей: химией, чистящими средствами. Во всех школах Катаны использовали одинаковые освежители воздуха. В туалетах и душах морская свежесть перекрывала вонь мочи. В классах и зале кендо пот учеников не ощущался из — за цветущего ландыша и сирени. В коридорах и холле всегда стоял аромат зеленого яблока, который лучше всего прятал металлический запах крови. Когда в столовой Михеевской школы Катаны выдавали на завтрак яблоки, Андрей ел их, задержав дыхание и почти не жуя.

Волк во внутренней клетке сонно засопел. Андрей задышал ртом.

Широкий холл перед стеклянной будкой разветвлялся на три коридора. Из-под дверей в темно-зеленых стенах боковых коридоров звучали требовательные голоса учителей. «Там учебные классы», — сказал очевидное Зенин.

Самый узкий средний коридор вел в столовую, протискиваясь между гардеробной и стеклянной конурой. В конуре страж в черной обтягивающей форме, сидя на стуле, листал пестрый журнал. На плечевом ремне стража висела плевалка с ртом-дудкой и двумя короткими лапами. В непробиваемом стекле зияло небольшое прямоугольное отверстие — на случай бунта, чтобы через него харкать свинцом в учеников.

Чтобы нарисовать красные узоры на серой школьной форме.

Волк внутри Андрея шевельнул веками.

Учитель указал рукой на красную доску на стене у гардероба. Половина доски спряталась за белыми листами.

— Слушайся красной доски, — сказал Зенин, — на ней написаны все запреты и наставления, а также расписание уроков.

Он ободряюще улыбнулся и поднял рукук круглым часам на арочной балке рядом с гляделкой.

— Такие же часы висят в холле общежития, они помогут тебе не опаздывать на уроки. — Учитель вдруг спохватился: — Ты же понимаешь, что значат стрелки часов?

Стрелки отмеряли время внутри мира иллюзий, продолжительность драного спектакля кукол. Андрей сказал, что понимает.

Один шаг самой медленной стрелки, сказал учитель, местные ученики называют урочным, так как один урок длится столько же. Шаг стрелки потоньше местные ученики называют столовкой.

— Сам не пойму почему, — пожал плечами учитель, — ведь обеденная перемена длится целый час.

Шаг тонкой красной стрелки ученики зовут вытяжкой — столько им нужно, чтобы вытянуть катану из ножен. Андрей вцепился взглядом в красную стрелку, дождался, когда она сделает движение, и стал быстро считать про себя: раз, два, три, четыре. Стрелка шагнула.

— Слишком долго, — прошептал Андрей. Зенин услышал, с любопытством посмотрел на него.

— Неужели?

Учитель повел его к лестничной площадке в правом боковом коридоре. У лестницы они отошли в сторону, пропуская двух уборщиков в белых комбинезонах, белых ботинках, белых перчатках и белых же повязках на лицах. Уборщики несли носилки с мертвым мальчиком, пятиклассником или шестиклассником.

Хвост вырванных рыжих волос бросили на носилки рядом с телом, кимоно без obi распахнулось, на тонкой бледной груди пылали красные полосы засохшего мяса без кожи. Треугольное лицо превратилось в отбивную: нос разбили, щеки и губы усеяли рваными ранами. Настолько рваными, что их можно было сделать только зубами. Только кусая. Зубы выбиты.

Пока уборщики проходили мимо, учитель Зенин смотрел поверх носилок на круглые часы в холле. И вежливо улыбался.

Волк приоткрыл глаз.

Андрей шел по пустому коридору в кабинет номер три на первом этаже. Там проходил урок литературы для учеников 8-го «Б».

Новая катана в деревянных ножнах высывалась из-за красного оби клинком вверх — чтоб никто не определил длину меча. Кулак правой руки держал перекинутую через плечо сетку с двумя наборами серой формы и теплой накидкой, толстой тетрадкой и ручкой, футляром со смазкой и полировочным камнем для чистки и заточки меча, зубной щеткой и мылом. В другой руке Андрей сжимал измазанный жиром листок с постулатами бусидо. Андрей смотрел в листок, пульс не превышал пятидесяти в столовку, но волк все равно не спал. Красные глаза зверя внутри наблюдали.

За несколько столовок до этого катану, вещевую сетку и памятку Андрей получил в кабинете завуча. Завуч и учитель бусидо Буглак, широкий и грузный, ел хлеб с курицей за заваленным бумагами столом. На Андрея он не посмотрел. Только указал ему на катану и сетку с вещами в углу и бросил в лицо что-то блестящее — ключ от комнаты в общежитии. Андрей поймал ключ на лету и спрятал в складке оби. Буглак глубоко вздохнул и спросил, не переставая жевать, сколько Андрею лет.

Андрей покраснел. Он не знал. Ученики школ Катаны жили, чтобы поступить на службу сегуну в отряд Катаны, стать личным гвардейцем господина господ. Только цифра класса измеряла рост их опыта и близость к сегуну. На возраст все плевали.

Буглак опустил глаза на кучу бумаг.

— Тут написано, — сказал он, — будешь учиться в 8 «Б».

Рука завуча бросила хлеб с курицей на стол и вырвала из белой кучи один листок бумаги.

— Это бусидо, — сказал учитель и протянул лист Андрею, — нарушишь что-нибудь важное — тебя *отчислят*.

Андрей почтительно взял лист за чистый край и пробежался по черным строчкам. На листке было пять разделов: Должное место ученика школы Катаны, Долг службы сегуну, Долг послушания учителям школы Катаны, Долг чести перед именем и Преступление против Вечного долга. Листок содержал часть постулатов кодекса чести самурая, которому Андрея учили в Михеевской школе Катаны. Небольшая памятка.

— Кое-что ты уже нарушил, — усмехнулся завуч, глядя на мятую одежду Андрея, и снова взял в руки хлеб с курицей.

Долг чести перед именем. Постулат седьмой: «Ученик следит, чтобы его лицо всегда было умытым, тело — чистым, одежда — опрятной, а меч — острым».

— Сенсей, вы сказали: отчислят? — Андрей опустил голову.

— Красная доска в холле. — Массивные челюсти завуча снова задвигались. Кусок жесткой курицы, который он не смог разжевать, свис ему на губу. Буглак тряхнул головой и выплюнул кусок в корзину для мусора. — Мухой к Чушкину на урок в третий кабинет!

Руки Андрея привычным движением убрали катану за оби, пальцы сжали тонкую ручку сетки, бечевка впилась в кожу между твердыми фалангами. Ученик склонил голову в прощальном поклоне перед завучем, степенным шагом вышел из кабинета, и тут же ноги бегом понесли его к красной доске.

От красной доски на урок Андрей шел медленно.

На тверди доски, выше расписания, черным по красному были выведены запреты и наказания.

Ученикам ЗАПРЕЩАЕТСЯ:

*опаздывать на урок;
носить грязную форму.*

НАКАЗАНИЕ: замечание учителя.

Рядом темнела синяя дверь с серебристым номерком «1». Шаги Андрея стали короче. Волк облизался длинным красным языком.

Ниже первых двух запретов на доске чернели другие, с более тяжелым наказанием.

Ученикам ЗАПРЕЩАЕТСЯ:

иметь пять замечаний учителя;

прогуливать день уроков, если ученики не больны или больны не настолько, что не могут ходить;

лгать;

перечить или прерывать учителя;

убивать ученика на уроке.

НАКАЗАНИЕ: выговор директора.

Дополнительное НАКАЗАНИЕ за прогул дня уроков (независимо от того, пропущен один или больше уроков): выселение в коридор общежития.

Андрей не замечал возбуждения волка. Номерок с цифрой «2» блеснул в тусклом свете ламп. Ученик сделал усилие, чтобы поднять окаменевшую ногу.

Одному учащемуся не пережить ночь в коридоре общежития. Острые катаны его настигнут. Перечить учителю? Немыслимо. Солгать? Самураи не врут. Остается последнее. Остается убивать.

На красной доске самое серьезное наказание было и самым последним.

Ученикам ЗАПРЕЩАЕТСЯ:

иметь три выговора директора.

НАКАЗАНИЕ: отчисление.

Три выговора. Три убитых ученика. Нет, ВСЕГО три убитых ученика. А дальше что? Изгнание за стену, где нет плевалок и катан, нет учеников и смертей. Гдесть оранжевые качели.

Номерок с цифрой «3». Андрей глубоко вдохнул. Легкие наполнились ароматом зеленого яблока. Волк возбужденно рыкнул.

Кулак Андрея ударил в дверь.

Учитель литературы Чушкин присел на край учительского стола. Ученики 8 «Б» неподвижно сидели за партами и не отрывали глаз от учителя. Пухлые ладошки сенсей лежали на круглом пузе, глазки за круглыми стеклами смотрели вверх, мимо черной гляделки на сером потолке. Учитель декламировал Песню смерти великого Оримы:

И упадем мы,

И обратимся в пепел...

Стук в дверь прервал учителя. В класс вошел ученик с растрепанным хвостиком на макушке и в мятом черном кимоно.

— Простите, сенсей. Сингенин Андрей из Михеевской школы Катаны. — Ученик согнул талию в низком поклоне. — Буглак-сенсей велел пчелой на урок в третий кабинет.

— Пчелой? — Чушкин прищурился на ученика.

— Пчелой или мухой, сенсей. — Андрей покраснел и стыдливо опустил глаза. — Или шмелем.

Ученики 8 «Б», двенадцать мальчиков и три девочки, глядели на новичка. Блеклый равнодушный свет, любопытные огоньки и хищные искры мелькали в карих, зеленых, голубых и черных глазах.

— Сингенин-кун, поставь катану у стены и сядь на свободный стул, — сказал учитель и снова поднял глаза к потолку.

Андрей сжал рукоять катаны, боковым зрением следя за учителем. Чушкин-сенсей забыл, что не досказал Песню смерти Оримы, самого первого камикадзе, и начал хвалить ее ученикам, словно прочитал стих полностью:

— Орима-сан понимал, — сказал учитель, крепко сцепив пальцы на животе, — что не нужно дожидаться своего цветения — зенита славы, чтобы обратиться в пепел.

Ученики больше не обращали внимания на новичка, глаза сидящих смотрели только на учителя, ловили каждое слово, многие записывали мудрые изречения в тетрадку. Андрей опустил сетку с плеча, прижал объемный груз к бедру. Ворох с формой и накидкой закрыл оби с катаной.

— Вы стремитесь служить сегуну, — сказал учитель, — но Вечный долг потребует вашей смерти намного раньше.

Андрей вглядывался в серьезные лица перед собой. Волк поднялся на лапы.

— Песня смерти всегда звучит в ваших головах, вы шепчете ее во сне и наяву. Вы может забыть поднять катану, забыть отбить удар, но забыть Песню смерти вы не смеете.

Взгляд синих глаз скользил по глазам, скулам, губам, нежной и обветренной коже учеников. Глаза Андрея не могли ни за кого зацепиться: все лица были ему незнакомы, безразличны. Кого же, думал он?

— Держите Песню смерти в голове, служите ей верно, и позор не коснется вас.

Взгляд Андрея вдруг споткнулся и утонул в зеленых камнях. Круглое личико почувствовало острый взгляд и повернулось к Андрею. Медные волосы шелохнулись. Волк облизнулся.

«Нет, только не ее», — подумал Андрей, не в силах отвернуться от зеленых глаз с волосами цвета расплавленной меди.

Красный огонь резко заслонило нежное лицо. Здоровый парень с кудрявым ярко-рыжим хвостиком прижался грудью к парте, сидевшая рядом с ним зеленоглазая ученица скрылась за широкой спиной. Свиные черные глаза тяжело уставились на Андрея. Волк рыкнул.

«Его».

Андрей стремительно двинулся вдоль ряда парт у окон.

— Песня смерти неразрывна с вашими мыслями, с вашими действиями...

Марина Ягодка сидела у окна за второй партой. Когда идущий новичок заслонило ей учителя, она скучающе посмотрела черное кимоно и сетку. И тотчас прозрачные волоски на ее спине встали дыбом. Девочка дернулась назад, больно прижав к спинке стула белокурые волосы. Но боль она не заметила, ее вмиг пересохшее горло тихо прохрипело: «Чушкин-хенхей!»

— ...Ибо смерть — это Истина, а жизнь — подлый обман, — говорил учитель, не заметив зова ученицы.

Голубоглазая Ягодка смотрела, не отрываясь, на торчащий из-за сетки новичка кончик резиновой рукоятки. Новичок приближался к ней, взгляд тоньше иголок вонзился в Марину.

Марина сквозь вяжущий спазм в горле крикнула:

— Чушх-х-хин-хенхей!

Новичок прошел мимо Марины, не обратив внимания на ее вскрик. Остальные ученики обернулись на девочку. Учитель опустил взгляд с потолка и недовольно сказал:

— Ягодка-кун, ты только что прервала учителя. Ты хочешь получить выговор от директора?

Марина вскочила со стула и бросилась кланяться до колен....Простите, простите, простите. Белые волосы мели пол при каждом слове.

Сзади Марины что-то булькнуло и захрипело.

— Сингенин-кун! — взвизгнул учитель. — Как ты посмел!

Этот безумный новичок! Он что-то натворил!

Визг учителя резанул по ушам Марины:

— Нельзя убивать на уроках!

Марина бросилась к учительскому столу, под защиту мудрого сенсея, и только там обернулась.

Новичок нависал над медноволосой Амуровой. Плечи девочки мелко дрожали, ладони закрыли бледное лицо. Возле ног новичка валялся Охотников, рыжие кудри ученика разметались по вытертому желтому линолеуму, крепкая рука с оранжевой повязкой на запястье вцепилась в собственную шею. Чуть выше руки на горле краснел аккуратный тонкий порез.

— Для убийств есть перемены! — визжал сзади учитель.

Идеально ровная красная рана. Учитель Гниломяс похвалил бы такой удар.

Новичок взглянул на Амурову, отошел и резким взмахом от плеча стряхнул кровь склинка. Капли крови упали на окно, то самое, через которое он впервые увидел сонные зеленые глаза.

Андрей убрал меч в ножны, подошел к учителю и поклонился.

— Простите, сенсей, — сказал новичок.

— Это скажи директору, — взвизгнул побагровевший учитель, короткие пальцы на животе мелко дрожали, — живо к нему!

Андрей еще раз поклонился, вернулся к Амуровой. Руки убийцы подняли с пола сетку, разноцветные глаза учеников обжигали взглядами его спину до двери. Волк внутри истощно выл и грыз прутья клетки. Зверье наелся.

1

— Сингенин-кун, тебя что-то смущает? — спросил директор, внимательно наблюдая за Андреем. В кабинете директора на четвертом этаже почти всю комнату занимал стол из непрозрачного толстого стекла. Мутная поверхность, голая, ни одной бумажки, ничего сверху — только черная пластмассовая коробка рядом с директором.

Когда Андрей постучался, директор велел ему войти и сесть, но больше ничего не сказал — пока Андрей не задержал взгляд на портретах, висевших над окном позади директора. Между портретами в середине втиснулась черная гляделка.

Директор был огромен. Обширное тело, тучная шея и грубое недвижимое лицо нависли над Андреем. Директор не улыбался, никакая улыбка не пробила бы твердую негибкую жесть вокруг ротовой трещины под широким выступом носа. Глаза на грозном лице влекли и подчиняли. Глубокие линии на толстых щеках подбородке словно угрожали: «Знай место», — а мягкие глаза, наоборот, успокаивали: «Ничего. Выстоим».

Щеки Андрея порозовели.

— Баюнов-сенсей, я не знаю людей, чьи лица вы повесили на почетное место сзади себя, — со стыдом признался Андрей.

Баюнов кивнул.

— Эти уважаемые господа физиологи: Павлов, Вернадский, Менделеев и Мечников, — сказал директор, — из другой учебной программы — не школы Катаны. Их книги многому меня научили. В благодарность я повесил здесь их портреты. Эти люди — мои духовные наставники. У тебя был наставник, Сингенин-кун?

Андрей опустил голову. Щеки его пылали. Если бы Амида Сугияма-сенсей узнал, что Андрей нарушил школьные правила, то избил бы его. Или хуже: запер бы в темной комнате без окон. Навсегда. А ключ бы выбросил.

— Был, — прошептал Андрей.

— Не слышу!

— Был, сенсей! — крикнул Андрей и дернул головой.

Директор внимательно смотрел на переведенного ученика. Жестяные губы разомкнулись и спросили:

— Сингенин-кун, скольких еще учеников ты убьешь на уроках?

Памятка бусидо. Раздел четвертый: Долг чести перед именем. Постулат первый: «Ученик взвешивает каждое слово и, прежде чем открыть рот, убедится сотню раз, что скажет правду».

Андрей сказал:

— Я этого не знаю, сенсей.

— Скольких учеников ты хочешь убить на уроках?

— Двоих.

— Зачем?

— Чтобы отчислиться из школы Катаны.

Директор не мигая смотрел на Андрея, затем побарабанил пальцами по столу.

— Хм, — сказал Баюнов, — в твоей прежней школе учеников отчисляли?

— Нет, сенсей. В Михеевской школе не было такого наказания.

Директор придвинулся к черной плоской коробке на столе и нажал несколько клавиш на ней. Затем повернул коробку широкой стеклянной стороной к Андрею.

В пространстве за стеклом мелькали быстрые картинки.

— Ты правильно заметил, что это наказание, — сказал директор, — посмотри же на него.

Быстрые картинки перенесли Андрея в незнакомый большой актовый зал. Толпа учеников в серых кимоно бурлила перед пустой сценой. Деревянный помост приблизился к Андрею так резко, что его чуть не стошнило, и ученик увидел: сцена не пуста. На лакированных досках сидел на коленях поникший невысокий ученик шестого-седьмого класса. Руки и ноги ученика так крепко связали разлохмаченной веревкой, что и пяткой не двинуть.

— Этого ученика звали Косолап-кун, — сказал директор, не глядя в коробку, — он три раза прервал учителя.

Красная доска.

Ученикам ЗАПРЕЩАЕТСЯ: перечить или прерывать учителя. НАКАЗАНИЕ: выговор директора.

Ученики широко раскрывали рты и тянули к связанному шестикласснику руки. Коробка лаяла на Андрея тонкими голосами, орала и визжала. Сотни согнутых, дрожащих от злости пальцев не дотягивались до края сцены и бессильно стучали по вертикальным доскам. Дробный стук легиона рук сотрясал черную коробку на столе. Тук-тук-тук.

Почти как грохот плевалок. Почти как «Гра-та-та-та».

— Вся школа ненавидела Косолапа-кун, — тихо, не перекрывая шума толпы из коробки, сказал директор, — он опозорил себя перед учителем, а значит, опозорил их всех. Так здесь учат.

На сцену вышли завуч Буглак и долговязый страж в черном. Ученики замерли, ор оборвался. Завуч Буглак держал в руках голый вакидзаси.

Внутренний волк прижался черной мордой к прутьям клетки. Зверь тоже наблюдал.

Завуч и страж подошли к Косолапу. Буглак что-то сказал мальчику, ученик согласно кивнул.

— На самом деле Косолап-кун нарушил запреты школы ненамеренно, — вдруг сказал директор. И посмотрел в окно на застывшие в небе испарения воды.

Страж вынул из-за пояса короткий нож, наклонился над учеником и разрезал путы. Мальчик стряхнул лохматые веревки с рук.

— У Косолапа-кун с рождения плохой слух, а у Сухого-сенсей голосовые связки с годами постарели и размякли. Как ученик и учитель они не подошли друг к другу.

Мальчик был свободен. Бывший узник поклонился завучу, не вставая с колен.

Андрей удивленно обернулся к директору. Впервые за многие годы переведенный восьмиклассник улыбнулся.

Теперь директор смотрел неотрывно в черную коробку. Пластина лица была как всегда без выражения, но темные глаза вдруг сузились, и мягкость в них превратилась в усталость.

Андрей повернулся обратно к быстрым картинкам. Улыбка сошла с губ.

Мальчик не поднимался с колен. Буглак протянул вакидзаси Косолапу. Небольшие ладошки крепко обхватили длинную прямую рукоять.

— Никакое упущение, ни физическое, ни духовное, — тихо сказал директор, — никакая тяжелая ноша не может оправдать бегство от позора. Так здесь учат.

Мальчик высоко поднял вакидзаси над головой. Короткий меч завис в воздухе на одну вытянку. Взжик.

Резко опустился.

Директор нажал клавишу на коробке.

— Из школы Катаны отчисляются одним путем, — сказал директор, — и это Истинный Путь.

Быстрая картинка замерла. Актальный зал окаменел.

Косолап-кун застыл с размазанным в воздухе возле живота клинком. Застыл на границе жизни и смерти.

— И все же, Сингенин-кун, скольких учеников еще ты убьешь на уроках?

Лицо Андрея превратилось в маску-забрало на самурайском шлеме, его глаза и губы, нос и щеки застыли, как охлажденная в воде кузни жечь.

— Ни одного, — прошептали губы маски, — сенсей.

2

Когда директор отпустил Андрея, уже шляперемемена. Редкие серые тени с заткнутыми за obi катанами и тетрадками перемещались по коридору четвертого этажа. В прозрачной конуре три стража тихо разговаривали. Андрей не помнил, как давно прозвенел звонок. Одну столовку назад? Две, пять, десять? Сколько у него времени?

Ученикам ЗАПРЕЩАЕТСЯ: опаздывать на урок. НАКАЗАНИЕ: замечание учителя.

Андрей закинул сетку на плечо и побежал по коридору, завернул за сколотый угол, ступил в неосвещенную лестничную шахту. По ступенькам спускался медленно. По всей лестнице: сверху, под ногами, рядом — мелькали ученики в серых кимоно и хакамах. Андрей следил за всеми боковым зрением. Темнота не мешала ему. Учащиеся с седьмого по одиннадцатый класс с катанами за obi неспешно передвигались вверх-вниз по узкой шахте, как ненормальные пчелы-убийцы по улею. Когда две пчелы столкнутся, самая быстрая насмерть ужалит другую.

Андрей выбрался на первый этаж. В боковом коридоре до самой стеклянной конуры никого. Только гляделки смотрели с потолков. Ученик направился к красной доске.

Широкое поле зрения Андрея охватило весь коридор. Опасность могла ждать за каждым поворотом, каждой классной дверью, нельзя пропустить острый укол в шею.

Рассеянный по окружающему пространству взгляд вдруг сфокусировался на двери с серой цифрой «3». Непроницаемая ширма из ниоткуда накрыла железную волю. Андрей очутился в клетке с волком и смотрел из нее, сквозь толстые прутья, как он же совсем недавно пришел на урок литературы.

Все повторилось снова. Он видел, как другой Андрей Синегнин поклонился учителю Чушкину, как сетка с ворохом одежды закрыла бок с катаной. Как ученик пошел убивать. Как обнажил катану перед глазами парня с огненными волосами. Как не ударил сразу. О да, он подождал, пока огневолосый не увидел голое лезвие и не осознал, что с ним сейчас произойдет. Андрей позволил парню судорожно вдохнуть запах цветущих ландышей. Один вдох. И сразу за ним — легкий взмах. Острие меча вошло точно в наружную яремную вену под острым выступом нижней челюсти огневолосого. Воздушные ароматные пузырьки провалились по уколоте вене в сердце, застопорили и сломали кровяной насос.

Огневолосый умер сразу, почти не разбрызгав крови и не почувствовав боли. Для этого Андрей ждал вдоха. Для этого Андрей показал огневолосому катану. Андрей верил — для этого. Наверняка, сейчас в сломанном сердце огневолосого цветут ландыши.

Восьмиклассник вылез из клетки волка и подошел к красной доске с листками.

Под каждый класс отводился белый лист. В пять колонок расписали дни недели, время, название предмета, этаж и кабинет. Андрей нашел на листке 8-го «Б» второй урок в субботу. Перемена заканчивалась через семь столовок. Следующий урок — иероглифописание — пройдет на втором этаже в двенадцатом кабинете.

Андрей поднял взгляд. Черные на красном предупреждения заканчивались словами: ... *НАКАЗАНИЕ: отчисление.*

Почему учителя не написали: «НАКАЗАНИЕ: СМЕРТЬ»? Тогда Андрей никого бы не убил сегодня.

В конуре страж читал журнал. С балки над конурой на Андрея уставилась гляделка. Застывший стеклянный глаз словно говорил: только слабый самурай боится смерти. Тем более чужой. Андрей закрыл ладонями горевшие от стыда щеки.

Ну убил и убил, огневолосый сам виноват, сам слабак! Слабак! Слабак! Слабак! Неумежь и слабак, какво кормить собой ландыши?! Нравится? Поделом тебе, цветочный горшок!

Едва слышный сухой шорох сзади резанул по ушам Андрея. Так скрипит жесткое форменное кимоно на изгибе локтя и под мышкой, когда рука тянется к противоположному бедру. Тянется к мечу.

Андрей резко обернулся. Пальцы сжали рукоять катаны.

Зеленоглазая девочка возникла у стены напротив и равнодушно глядела на Андрея. Руки ее висели вдоль бедер, широкие рукава кимоно почти полностью скрывали кисти рук, только выглядывали белые кончики пальцев. Короткий вакидзаси покоился в ножнах за оби. «Какая она маленькая», — поразился Андрей.

— Рита Амурова. — Зеленоглазка слегка согнула спину в поклоне. — Ты заблудился?

Рука стража в черной перчатке с легким шуршанием перелистнула страницу журнала.

Амурова смотрела на Андрея.

Круглые глаза блестели. Молочный лоб под медными волосами слепил подобно листам расписания на красной доске. Кимоно слегка натягивалось на груди девушки, темно-серое оби плотно обворачивало узкую талию, подчеркивая крутую линию бедер. Андрей сглотнул.

Волк заурчал в клетке.

Страж зевнул.

— Подкрасться не получится, — сказал Андрей и покачал мечом в ножнах, — но вызов я приму.

— Вызов, а? — переспросила Рита, рука даже непотянулась к оби. — Я увидела — ты стоишь здесь. Урок скоро. Я проведу тебя в класс, если хочешь.

— Ты тянулась к мечу. Я слышал! — сказал громко Андрей. — Пришла отомстить за одноклассника?

— Нет же, — равнодушно ответила Рита, кончики пальцев слегка подрагивали. — Я чесала грудь. В последнее время она болит.

Губы Андрея приоткрылись. Волк поднял уши. Страж засунул палец в перчатке в рот.

— Грудь? — тихо выдохнул Андрей.

— Угу. Очень сильно ноет, — кивнула Рита и посмотрела на часы на балке. — В последнее время она растет и набухает. Может, поэтому трогать ее больно.

Нижняя челюсть Андрея отвисла, взгляд прирос к выпуклому треугольнику на кимоно девушки. Страж вынул слюнявый палец изо рта и опустил его на цветную страницу журнала.

Рита заметила пристальный взгляд Андрея и спросила:

— Как ты считаешь, Сингенин-сан? Моя грудь не набухла?

Мокрый черный палец быстро листал яркие страницы. Скользящая бумага шелестела.

Волчьи клыки вгрызлись в толстый стальной прут клетки.

Рита отвела руки дальше от бедер. Тонкое тело подалось вперед, словно приглашая подойти. Андрей облизал верхнюю губу. Кровь закипела в жилах.

Вдруг холодный твердый голос Амиды Сугиямы прорвался в несвязные обжигающие мысли Андрея:

«Широкоротик, не теряй контроль: вместе с ним ты потеряешь цель.

Потеряешь цель — потеряешь себя».

Цель. Оранжевые качели. Голубое небо с облаками в форме кудрявых детских головок.

Андрей закрыл рот и отвел взгляд от груди Амуровой. Синие глаза стали такими же равнодушными, как глаза девушки.

— Она больше моей, — сказал только Андрей.

Глаза Амуровой округлились до невозможного.

— Сингенин-кун! — раздался звонкий крик со стороны холла, — ты задержался в моей школе!

К Андрею по боковому коридору быстро шагали три ученика. Все трое учились в 8-м «Б». Всех троих Андрей видел на уроке литературы, когда выбирал жертву.

Впереди шел короткостриженный парень с лохматыми бровями. Он кричал:

— Ты слишком много о себе возомнил!

Андрей смотрел на оранжевые повязки на запястьях правых рук троицы. Такая же повязка обтягивала руку огневолосого. Руку, что вцепилась в порезанное горло.

Эта троица и огневолосый служили одному клану.

Короткостриженный кричал:

— Ничего. Я разбужу тебя!

Андрей приподнял бровь. Разбудит от чего? От иллюзии жизни? Прервет драный спектакль кукол? Так здесь бросают вызов на поединок?

Короткостриженный кричал:

— Обойдемся без поклонов. Так же, как ты убил нашего оябуна.

В трех шагах от Андрея короткостриженный схватился за рукоять катаны. Изогнутое лезвие поползло из ножен.

Вытянка. Короткостриженный обнажал меч одну долгую вытянку. Черепаха. Никакой техники. Никакого самоконтроля.

Андрей сжал ножны левой рукой, левая нога одновременно шагнула вперед. Еще шаг правой. Вторая рука схватила рукоять и резко дернула меч из ножен вперед и вверх. Конец рукояти ударил короткостриженного в локоть. В ямочку рядом с костью. Точно в нервный узел.

Деревянный стук.

Короткостриженный громко завопил и рухнул на пол. Андрей покачал головой. Никакой невозмутимости.

Ученик на полу как сумасшедший тер локоть и колотил ногами по бетону. Катана короткостриженного торчала из ножен всего наполовину.

Двое с повязками, смуглый с узкими глазами и тощий бесцветный, смотрели на вопящего соклановца.

Короткостриженный хватался за локоть еще десять вытянок. Настолько отнимается конечность, если вшибить по нервам.

— Я вмещаюсь, — сказал смуглый и взялся за рукоять катаны.

— Серали, не сегодня, — прошептал бесцветный, и смуглый отпустил меч.

Взгляд поверженного ученика прояснился. И уперся в приставленную к горлу катану.

— Ты хочешь повторить урок литературы? — спросил Андрей и коснулся холодной сталью подбородка короткостриженного. Глаза под кустистыми бровями поверженного сверкнули.

— Глеб Лютин, — сказал короткостриженный и подался горлом к катане. — Ну же! Разбуди меня!

Рука Андрея рефлекторно отстранила меч чуть в сторону. Убить еще одного? Глаза Андрея поднялись на двоих с повязками. А потом еще и этих? Неужели теперь нельзя остановиться? Качели смерти уже запущены и не застынут, пока Андрей не перережет весь клан оранжевых повязок?

Сзади зашуршало. Скрип кимоно на изгибе локтя и под мышкой. Андрей резко встал боком.

Рита задумчиво смотрела на часы и терла выпуклый треугольник. Левая грудь смялась под давлением маленьких пальчиков. Короткие розовые ногти скребли грубую ткань сильно, с напором. Страж в конуре свесил журнал между ног и следил за рукой Амуровой.

Андрей опустил глаза на Лютина.

— Обойдешься, — сказал Андрей, — я не делаю услуг слабакам.

Лохматые брови Лютина взлетели, рука дернулась и вцепилась в заднюю часть клинка Андрея.

— Я... не буду обязан вредителю... моего клана, — с придыханием прорычал Глеб и потянул острие меча к своему горлу, прямо к сонной артерии.

Андрей крепче сжал рукоять, меч завис между двумя учениками. Застыл на границе жизни и смерти. Как на быстрых картинках с Косолапом-кун.

«Что я делаю? — в бессилии подумал Андрей. — Если он решил умереть, как я могу ему мешать? Я позорю себя».

Сонная артерия. Сильно надавить на нее, и кровяной насос замедлит ритм, ты захочешь спать. Если же в подкожный красный канат вогнать острую катану, то ты уснешь навсегда. Уснешь, чтобы пробудиться от иллюзий.

— Глеб, отпусти меч, — раздался тихий голос. Голос бесцветного ученика.

Рука Лютина дрогнула, но все еще тянула меч к горлу.

— Сингенин-сан сегодня дал тебе бесценный урок, хочешь ты того или нет. — Водянистые глаза бесцветного смотрели на Андрея. — Ты уже должен ему, должен не разочаровать и подарить бой намного лучше сегодняшнего.

Рука Глеба немного ослабила хватку, но не отпускала лезвие.

— В следующем бою ты убьешь Сингенина-сан, — пообещал бесцветный. И улыбнулся Андрею.

Глаза Лютина вспыхнули.

— Глеб, отпусти меч, — повторил тощий.

Лютин разжал катану и с ненавистью посмотрел на Андрея.

— Будь уверен, я не разочарую тебя, Синегнин-сан, — прошипел Лютин, поднимаясь.

Андрей кивнул не слушая. Его взгляд прирос к ученику с тонкими блеклыми волосами и серыми водянистыми глазами.

— Идемте на урок, — скомандовал Лютин. Трое с повязками прошли мимо Андрея в

сторону лестничной шахты в левом крыле. Сероглазый ученик ступал позади всех. Так кто же у них верховодит?

Бесцветный вдруг обернулся. Он улыбался.

— Сингенин-сан, а ты ведь тоже чему-то научился у нас?

Подмышки Андрея вспотели. Волк в клетке зарычал. Как можно сбить самоконтроль самурая одними лишь словами? Как слова могут изменить решение самурая умереть?

На прощанье бесцветный снова обернулся и поднял ладонь левой руки. Ладонь с обрубленными указательным и средним пальцами. Ладонь, что коснулась брусчатки Истинного Пути.

— Сингенин-сан, ты очень быстрый, — прозвучал тонкий голос сбоку.

Рита переместилась к дальней стене коридора, туда, где Андрей видел ее, и затем только подошла к плечу Андрея. Очень близко. Мягкий шарик груди уже выгнулся обратно и почти задевал руку Андрея. Рита подняла круглое лицо. Зеленые камни и синие иглы встретились взглядами.

— И великодушный, — сказала девушка. — Поспешим на иероглифописание?

Андрей кивнул.

3

После урока иероглифописания Лис сразу поднялся на четвертый этаж. Буглак велел ему прийти в кабинет завуча в начале обеденной перемены.

Учитель рылся в ворохе бумаг на столе, складывал листы в пачки, которые тут же кренились, смешивались, превращались в новые ворохи.

— Р-р-р... Демон! — выругался учитель и схватил очередной упавший листок. Глаза навывкате уставились в бумагу.

Серые глаза Лиса изучали красное заплывшее жиром лицо учителя. Большой палец изувеченной руки ученика тербил воздух над двумя обрубками пальцев.

— Хм... Легенда про великана-жабу, — пробурчал завуч и почесал сальный подбородок. — Ха! Ты слышал такой бред?

— Никогда, сенсей, — с готовностью ответил Лис.

Учитель смял и выбросил листок в корзину на полу. Тяжелые руки снова воткнулись в бумажную кучу. Лис быстро взглянул на корзину.

Три года назад учитель Буглак, еще не столь грузный и неряшливый, вел урок бусидо в 5 «Д» классе. Учитель читал легенду о демоне-жабе и пяти сотнях ронинов:

«Однажды, давным давно, на замок древнего князя напал демон в облике огромной жабы. Жаба хотела есть. Жаба проглотила все цветы и фруктовые деревья в садах, всех птиц и свиней, ням-ням, всех собак и кошек в округе».

Учитель Буглак вынул из чрева бумажной кучи черную протухшую ногу курицы.

— Демон! Как это здесь оказалось? — вскричал завуч. Сырой земляной запах смешался с ароматом сиреневого освежителя. Буглак поморщился. — Демон!

Три года назад голос завуча был не такой глухой и тяжелый, как сейчас. Учитель читал: *«...съела всех коней и конюхов, хрум-хрум, всех служанок и поваров в замке, княжеских детей и наложниц, чав-чав. В конце концов демон проглотил самого князя и его говорящего попугая. Ням-ням».*

— Не ведаю, сенсей. — Лис почтительно склонил голову.

Три года назад Лис учился в 5-м «Д». Тогда в начале года в пятых классах училось пять сотен учеников. Пять сотен учеников в пяти пятых классах: «А», «Б», «В», «Г» и «Д». Пятый

год учебы пережили только семь десятков и четыре ученика. Еще год — шесть десятков и один ученик. Третий, прошлый год — четыре десятка и шесть учеников. Четыре десятка и шесть восьмиклассников, в десять раз меньше поступивших из начальной школы. Впереди еще четыре года учебы.

Три года назад учитель читал:

«Пять сотен преданных князю самураев пытались вызволить своего господина из чрева демона. Но мечи слуг били демона напрасно, острая сталь даже не поцарапала толстую кожу на зеленом брюхе».

Черная гниль капала на выцветший линолеум. Завуч протянул куриную ногу Лису.

— В столовой опять урезали количество порций? — спросил учитель. Черная с ядовито-зелеными пятнами нога тянулась к Лису. — Бери, ученик.

Черная нога тянулась к Лису. Воздух вокруг сопрел и прокис, ученик задышал ртом. Черная гляделка из-под потолка смотрела на него.

Лис взял куриную ногу и поклонился.

— Благодарю, сенсей.

— Ага. К делу! — сказал завуч. — Нового одноклассника уже видел?

— Да, сенсей. Новичок разбудил моего оябуна Стаса Охотникова-сан, — сказал Лис. Изувеченная рука сжала куриную ногу. Черная гниль брызнула на пол. — Сингенин-сан необычайно силен.

Учитель читал:

«Тогда самураи выстроились в ряд, один за другим самураи шагали в рот жабы вслед за господином».

— М-да, Сингенин, — пробурчал Буглак. — Директор хочет, чтобы ты принял ученика в свой клан.

Лис смотрел на мятый листок в корзине.

Три года назад учитель читал:

«Жаба открывала и закрывала рот. Чав-чав».

— Сенсей, вы не знаете, почему новичок настолько силен? — Лис поднял серые глаза на завуча.

Буглак вскипел:

— Исайкин-кун, ты оглох? Я тебе только что приказал!

Учитель читал:

«Хрум-хрум».

Черная жижа капала между отрубленных пальцев на пол. Лис опустил голову.

— Простите, сенсей. Но я даже не дайме клана и тем более не глава — не оябун. Я не в силах выполнить такое поручение.

— Прекрати! — Буглак ударил кулаком по стопке бумаг, и листы разбежались по столу. — Гляделки видят тебя насквозь. А директор и я видим все, что видят гляделки! Исайкин-кун, ты дурачишь только себя!

Три года назад учитель спокойно читал:

«Ням-ням. Жаба съела самураев».

Лис смотрел на черные капли на полу. Лис наизусть помнил легенду о демоне-жабе.

Учителя видят все. Учителя не носят оружие. Учителей защищают стражи в стеклянных конурах.

— Сенсей, клятва клану не позволит мне принять убийцу главы в наши ряды, — тихо

сказал Лис.

— Что нужно клану Охотникова (он еще так называется?), чтобы вступление новичка согласовывалось с твоей клятвой?

— Клану нужна выгода, — Лис погладил большим пальцем зеленые пятна плесени на куриной ноге.

— Что конкретно?

Лис вдохнул запах гнили и сирени.

— Разрешите моему клану прогулять день уроков без выселения и выговоров.

Учитель читал:

«Никого не осталось. Жаба съела всех».

На перемене учителей нельзя увидеть в коридорах. Учителя перемещаются между этажами только во время уроков. По специальной лестнице, куда нет входа пчелам-убийцам.

Буглак сверлил взглядом Лиса.

— Исайкин-кун, ты наглеешь. Я могу наказать тебя выговором.

— Простите, сенсей. — Лис согнул спину пополам, но повторил: — Моему клану нужна выгода.

— Демоны! — прорычал завуч и некоторое время молчал. — Ладно, я разрешаю твоему клану прогулять день, комнаты в общежитии останутся при вас, замки не поменяют, но выговор вы все получите поголовно! Ты понял приказ, Исайкин-кун?

Три года назад худой спокойный Буглак читал:

«Говорят, жаба не смогла переварить пять сотен мечей и издохла».

— Вы очень щедры, сенсей.

— Катись на уроки!

В коридоре Лис осторожно вступил в полумрак лестничной шахты. Вытянув изувеченную руку за перила, ученик разжал целые пальцы — большой, безымянный, мизинец. Гнилая курица канула в непроницаемую черноту подвала.

Лис улыбнулся. Учителя видят далеко не все. Вездесущие гляделки отсутствуют в черепах учеников. Говняные стекляшки, подглядите же мои мысли! Не можете? Ха-ха-ха!

Сегодня Жаба проглотила Стаса.

Тварь сожрет еще многих из тех бывших пятиклассников, но Лис обрубит красный язык, прежде чем липкая мерзость затянет его в пасть чудовища.

Из узкого центрального коридора щуплый мальчик выбежал в холл. Шестиклассник или пятиклассник. Большие глаза затравленно блестели. Хлопковая накидка, брошенная наспех на одно плечо, путалась лапами в ногах. Пустые тяжелые рукава хлестали по спине бегуна. Густая слюна с пузырьками текла с высунутого языка по узкому подбородку. Тощий живот умоляюще стонал.

Мальчик хотел есть. Мальчик голодал уже не первый день.

Андрей видел из бокового коридора, как окруживший мальчика запах вареной капусты сводил его с ума. Голодные глаза прилипли к толстой складке на оби. Худая рука жадно мяла мягкий комок ткани. Мальчик потерял самоконтроль из-за этой складки. Там была еда.

Памятка бусидо. Долг чести перед именем. Постулат шестой: «Ученик равнодушен к еде и удобствам».

Андрей смотрел на тонкую спину и дышал ртом.

До улицы мальчику осталось пять шагов. Андрей посмотрел на часы на балке. После звонка на обеденную перемену средняя по ширине стрелка шагнула два раза. Прошло всего две столовки. На улице никого нет. Мальчик выбежит во двор, заберется на дерево либо ляжет в зарослях сухой полыни. Трясущимися руками вынет капусту из-под оби и поест впервые за один или два дня. Мальчик уже так делал.

Бегун отпустил складку оби и схватил обеими руками ручку двери на улицу. Тонкая спина напряглась. Железная дверь с трудом подалась и приоткрылась. В узкую щель тут же проник холодный воздух и колющий глаза дневной свет. Проник быстрый клинок меча.

Вакидзаси проткнул горло мальчика, худое тело упало на бетонный пол.

Ноздри Андрея случайно вдохнули аромат зеленого яблока и засопели. Волк вцепился зубами в прут клетки.

Входная дверь приоткрылась еще чуть-чуть. Щуплая девчонка просунулась в щель, воровато осмотрелась, нагнулась и выпотрошила оби на мальнике. Когда маленький кулачок сжал капустный лист с фаршем, девочка юркнула обратно. Дверь с грохотом захлопнулась.

Андрей смотрел на мальчика. Никакого самоконтроля. Никакой невозмутимости. Никакой изобретательности.

Мальчик быстрый. Был быстрым. Но девчонка умнее. Она изучила повадки и подкараулила у входа на улице. Может, мальчик и девчонка учились в одном классе. Может, мальчик сам рассказал ей, как добывал еду.

Никакой пощады.

Андрей свернул в средний коридор к столовой.

Слабые девочки, как Амурова или Ягодка, не дожили бы до восьмого класса сами.

Три столовки назад, когда Андрей выходил из класса иероглифописания, ему преградил путь высокий ученик с дерзкими глазами. На широкой шее парня извивалась наколотая черная змея с раздвоенным языком.

— Выгузов Авраам из клана Черных Змеев, — назвался ученик, даже не кивнув. Выгузов на голову возвышался над самым высоким учеником 8 «Б» класса. На подбородке здоровяка рос мягкий пушок, такой же черный, как чернильная змея под ним. Змееносец явно учился в десятом или одиннадцатом классе. Явно приближался к выпуску.

Андрей назвал себя так же холодно, без поклона, но ему приходилось задирать голову, чтобы смотреть Выгузову в глаза.

Змееносец сказал:

— Черные Змеи слышали о тебе, восьмиклассник-сан, — глаза Выгузова сверкнули, — слышали об ученике в мятом черном кимоно, не соблюдающем правила.

Андрей молчал. Если змееносец не остановится, если пойдет дальше, если перейдет черту гордости Андрея, да хоть просто приставит к его имени «кун» вместо «сан», то Андрей убьет его. Рядом с черной змеей изогнется еще одна, красная.

Памятка бусидо. Долг чести перед именем. Постулат четвертый: «Ученик не допустит плохо отзываться о его чести, навыке владения мечом и успехах в учебе».

Постулат пятый: «Ученик не успокоится до тех пор, пока не сведет счеты и не устранил оскорбление или пятно на имени, или поражение».

Из класса иероглифописания вышла Марина Ягодка. Девочка застыла, увидев змееносца. Выгузов поманил ее пальцем.

— Она принадлежит Черным Змеям, — сказал змееносец. Глаза Выгузова не отрывались от лица Андрея.

Марина встала за спиной змееносца, сцепила ладони вместе и опустила голову.

Выгузов говорил:

— Она наложница Ахметова-сан, оябуна Черных Змеев.

Андрей смотрел на поникшую светлую головку, на закрытые веки с пушистыми ресницами, на покорное лицо с пухлыми розовыми губами. На короткий вакидзаси, заткнутый за оби. На выпиравший треугольник груди.

Выгузов говорил:

— Ощути границы дозволенного, восьмиклассник-сан.

Слабые девочки, как Амурова или Ягодка, не дожили бы до восьмого класса, если бы не принадлежали сильным ученикам. Если бы мальчики с катанами не сделали их своими наложницами.

Еще раньше, до угроз Выгузова и мертвого пятиклассника в коридоре, шел урок иероглифописания. На белой доске учитель Ковырялов написал синим фломастером всего один иероглиф — «меч».

Весь урок ученики старательно выводят в тетради гелевыми ручками черты иероглифа: шесть вертикальных как отвесная громада общежития, пять горизонтальных как тусклые лампы на потолке, наклонная пересекающаяся и откидная вправо как изогнутые катаны на полу у двери, крюк влево, крюк вправо, одна горизонтальная ломаная как труп Стаса Охотникова на стертом линолеуме. Каждый ученик обязан за урок написать десять сотен иероглифов. Десять сотен «мечей». Десять сотен мертвых Стасов Охотниковых.

Скрип пятнадцати стержней по бумаге отдается в голове Андрея. Новичок держит над тетрадкой ручку — не серую, что ему выдал завуч Буглак вместе с сеткой, а белую с черными буквами «МШК». Белая ручка лежала в складке оби, когда Андрей ехал в брюхе монстра. С помощью нее он мог умереть даже без меча. Но это было бы недостойно.

Ковырялов ходит вдоль рядов парт. Его тонкие с вздутыми венами руки обтянуты целлофановыми перчатками. Учитель заглядывает через плечо Андрея в тетрадь. Смотрит на единственный иероглиф на странице в клетку. Смотрит на одного мертвого Стаса Охотникова.

— Слишком жирный контур, — говорит учитель. И проводит целлофановым пальцем

по иероглифу, вертикальная черта с крюком влево размазывается по листу. Андрей опускает голову, а учитель идет дальше вдоль ряда.

Взгляд Андрея скользит по ряду мечей, стоящих у двери. Острых мечей. Тринадцати катан и двух вакидзаси. Катана Андрея теперь тоже стоит в этом ряду. А сам Андрей сидит на последней парте возле окон. Взгляд Андрея возвращается к двум вакидзаси.

На красной доске в холле, на одном из бесчисленных белых листков написано:

Порядок выдачи мечей:

1 класс — танто, 5 класс — вакидзаси, 7 класс — катана.

Меч — это гордость самурая, воплощение его Духа, проводник Истинного Пути. Растет тело самурая — растет его меч.

Маленькие дети за забором с колючей проволокой носят небольшие кинжалы танто, играют ими в «уколи — убеги». После перевода в старшую школу кинжалы у детей забирают, взамен вручаются короткие вакидзаси.

К седьмому классу запястья и предплечья учеников крепнут достаточно, чтобы удержать тяжесть истинных мечей — катан. Кисти становятся сильнее мечей.

Но всегда есть исключения: девочки, чьи кисти даже в седьмом классе слабее катаны, и ученики, напротив, обладающие невероятной мощью легендарных самураев. Девочкам-слабачкам оставляют вакидзаси, живым легендам вручают тяжелые тати, мечи больше и кривее катаны. Девочек обращают в наложниц, покорность, послушание и красота заменяют им катану. Иначе — в Путь. Истинный, конечно.

— Слишком острые изгибы, — говорит учитель Ковырялов над ухом Андрея и размазывает черным пальцем второй иероглиф. Андрей краснеет, а учитель, засунув черный палец в рот, идет к следующей парте. К Амуровой-сан.

Учитель заглядывает поверх вьющихся медных волос в тетрадь Амуровой.

— Идеально, — говорит Ковырялов. Черный мокрый палец опускается на страницы тетрадки Риты и пачкает ровные черты иероглифов. Суровый взгляд в сторону Андрея. — А некоторых учеников вообще непонятно чему учили в бывшей школе.

Волк внутри Андрея рычит.

Рыр-ра-аур.... Не этому!

Прутья в клетке вдруг шатаются от рыка зверя. Ра-ар-р-ру-у... Ч-человек, скаж-жри!

Перед затуманившимися глазами проносится список дисциплин Михеевской школы. То, чему учили Андрея.

Иайдзюцу — техника молниеносного изъятия меча!

Ниндзюцу — искусство крадущихся убийц!

Синдо — упражнения для контроля ума и тела!

Кендзюцу — искусство боя с мечом!

Дзюдзюцу — навыки рукопашного боя!

Всех этих предметов Михеевской школы Катаны нет в расписании на красной доске в холле. Местные ученики не учатся искусно владеть мечом, проводником Истины. Местные ученики поют Песни смерти и рисуют мертвых Стасов Охотниковых! Десять сотен раз! Никакой техники! Никакого самоуважения! Никакой пользы!

Рык волка приобретает человеческие интонации, жуткой ревом дробится на слова.

Р-р-р-раз плюнуть. Ученики, даже не способные быстр-р-ро извлечь меч, тебе не р-р-ровня. Убить оябунов сильных кланов местной школы — для тебя р-р-р-раз плюнуть. Пр-р-редставь. Эти сопляки видят твой голый меч и судорожно вспоминают др-р-раную Песню

смерти, а в это время ты их р-рубишь. Одного за др-р-ругим. Р-р-рисуешь кр-р-расные узор-р-ры на сер-р-рых кимоно.

Волк больше не рычит, голос зверя звучит ясно и чисто. Звучит напряженно и звонко. Звучит, как голос Андрея.

Раз плюнуть. Оябунов — убьешь, их наложниц — присвоишь! Представь. Девочки с тонкими шеями стелются перед тобою на полу, ложатся грудью на стертый линолеум и целуют ремешки сандалий и пальцы твоих ног. Представь. Пухлые розовые губы Ягодки-сан касаются твоего отросшего грязного ногтя на большом пальце. Пушистые светлые ресницы щекочут щиколотку. Представь. Мякоть Ягодки сменяют тонкие нежные уста Амуровой. Круглые зеленые камни смотрят на тебя с пола. Хочу, хочу, хочу-у... А-а-ау-у-у-у-у!

Андрей заслоняет глухой ширмой клетку, и завеса обрывает протяжный волчий вой. «Обойдешься, волчара!» — думает Андрей и дальше скребет ручкой по страницам тетради сверху вниз.

Ему остается написать еще девять сотен девять десятков и восемь ломаных трупов Стаса Охотникова.

2

В столовой почти никого не было, хотя обеденная перемена только началась. К противоположной стене ползла длинная лента раздачи. Перед началом ленты в толстой стеклянной стене зияла широкая щель для подачи еды. Но за стеной не было раздающих еду.

Лента ползла вперед пустая, без единого подноса на блестящих хромированных держателях. В конце зала, там, где лента заканчивалась, возле емкости с палочками для еды, серела на полу горизонтальная трижды ломаная черта иероглифа. Черту написали из тела мертвого ученика. Три излома черты образовали перебитые ноги, поясница и шея. Крюк влево — откинута вбок рука.

Всего одна черта, одна жизнь, одна драная кукла, и все видят идеальный иероглиф. Пока уборщики не приберутся.

Справа от входа столовая завалена смешанными рядами выцветших столов и стульев. Занято было всего семь столов. За ближайшим к мертвому ученику большеголовые и ширококостные здоровяки рвали палочками и забрасывали в рот фаршированную капусту. Одиннадцатиклассники. С мускулистых спин ухмылялись огромные чернильные морды нарисованных демонов. По ножнам плохо вытертой катаны одного из двухмордых стекала кровь. Это он написал трупный иероглиф возле раздачи. Чтобы отобрать тарелку фаршированной капусты.

Андрей бесшумной походкой крадущегося прошел вглубь зала и сел за самый последний стол. Его глаза следили, как двухмордые жадно ели капусту в пяти шагах от убитого ученика. Следили, как черные толстые губы и длинные носы на широких спинах заплывали жесткими складками кимоно в такт движениям рук.

Ничего не стоило доказать двухмордым, что новичок достоин вступить в их клан. Техники Андрея превосходят умения местных учеников, даже одиннадцатиклассников. Местные не обучены ни ниндзюцу, ни ийадзюцу, ни кендзюцу, ни дзюдзюцу, ни даже простейшему дыханию синдо. Но что дальше? Стать членом уважаемого клана, обедать каждый день, даже в драные дни с урезанными порциями?

Убивать учеников ради вареной капусты?

— Сингенин-сан! Не занято, а?

За стол рядом с Андреем пристроилась та самая девочка с медными волосами. Девочка

с волнующим треугольником груди. Рита Амурова. Зеленые камни и синие иглы встретились взглядами. Затем черно-рыжие тигровые ресницы прикрыли зелень. Тонкие губы девочки раскрылись и тихо прошептали:

— Прошу, возьми, а?

Под столом, незаметно для остальных, хрупкая рука протянула Андрею черствый полукруг с бело-желтой серединой. Половина ватрушки.

Отравлена?

Андрей не протянул руку и не взял дар Амуровой. Словно в протест рот тут же забился вязкой невкусной слюной.

Уже больше суток в его желудок не падало ничего кроме собственных выделений. Андрей проглотил вязкую слизь.

— Сначала привела на урок, теперь еще и кормишь? — хрипло сказал Андрей. — Ты хочешь обложить меня долгами?

Амурова моргнула и улыбнулась тонкими губами, белая рука по-прежнему протягивала половину ватрушки Андрею.

— Зачем я тебе? — спросил Андрей.

— Сингенин-сан, ты ведь успел на урок иероглифописания? — спросила девушка. — Значит, ты уже у меня в долгу. А силы тебе пригодятся на уроке кендо.

Сердце Андрея забилось чуть чаще.

Памятка бусидо. Постулат пятый: «Ученик не успокоится до тех пор, пока не сведет все счета....»

Рука Андрея взяла ватрушку и повисла между коленей. Он не отрывал взгляда от Амуровой.

Рита развернула выпиравшую складку на оби и вынула из нее вторую половину сухой ватрушки. Девочка улыбнулась Андрею. Только губами.

— Обожаю ватрушки и творожники, — призналась Амурова и откусила больше половины коричневого полукруга. Желтоватого творога на лепешке почти не осталось. Щеки девочки надулись, округлились, как шарики, — но иф рефко рафдают, и я вфсефта съефаю срафу, как поллучфу на расфдаче. Ужафно, а?

Андрей понюхал половинку ватрушки в руке. Если бы Амурова хотела отравить его, то, скорее всего, полила бы лепешку одним из моющих средств уборщиков. Тогда бы в кислом творожном запахе улавливался аромат зеленого яблока. Или морской свежести. Или запах сирени. Или благоухание цветущих ландышей. Навроде тех, что растут сейчас в мертвом сердце Стаса Охотникова.

Ватрушка пахла только кислым творогом. Андрей укусил твердую лепешку.

В столовую вошли два уборщика в белых комбинезонах. Они катили белую тележку к серевшему у конца раздаточной ленты иероглифу.

Амурова доела свою лепешку и со вздохом облизывала розовым язычком пальцы в крошках.

Андрей держал черствый кусок и смотрел, как белые руки уборщиков разрушают трижды ломаную черту с крюком влево. Как иероглиф согнулся и превратился в просто мертвеца на тележке.

— Сингенин-сан, почему ты не ешь? — спросила Амурова.

Рита смотрела на Андрея, а Андрей смотрел, как уборщики берут швабры, прикрепленные к тележке, и вытирают пол от алой краски иероглифа. На том месте, где у

черты был особенно сильный излом. На том месте, где лежала перерубленная спина.

— Зачем я тебе? — прохрипел Андрей. Кусок черствой лепешки лежал во рту и не желал скатываться в голодный желудок.

Андрей посмотрел на Амурову и чуть не выплюнул кусок. Взгляд ученика вцепился в руку девочки, которую она облизывала. Рукав кимоно, слишком длинный для маленькой руки Риты, сполз с запястья и обнажил ярко-оранжевую повязку.

Раздались шипящие звуки освежителей. Уборщики трясли вытянутыми баллончиками и стреляли бесцветными воздушными струями по сторонам. Аромат зеленого яблока накрыл столовую.

Андрей задышал ртом, набитым лепешкой.

Амунова входила в клан оранжевых повязок, скорее всего, была наложницей оябуна клана Стаса Охотникова.

Девочка опустила кисть, рукав упал обратно, повязка на запястьеспряталась под ним. Осталисьна виду только мокрые пальчики.

Амунова посмотрела в глаза Андрея.

— Разреши мне спать с тобой, — вдруг сказала наложница Стаса Охотникова

Нижняя челюсть Андрея отвисла, мокрый изжеванный ком выпал на стол.

Рита быстро взглянула на слюнявый катыш на столе и подняла глаза обратно на Андрея.

— Всего одна ночь. Сегодня, — сказала она. — И ты считаешься со мной, а?

Андрею показалось, что зеленые камни засветились колдовским огнем.

— Пожертвуй мне одну ночь, ты рассчитаешься, а я больше не потревожу тебя, — говорила Амунова.

Андрей молчал. Зато волк возбужденно рычал в клетке.

— На каком этаже твоя комната? — спросила Рита.

Уборщики повезли труп к выходу.

«Стоит сказать ей номер моей комнаты, и вечером возле двери меня подкараулит весь клан оранжевых повязок», — понял Андрей.

Рита улыбалась. Одними губами. Андрей смотрел в ее равнодушные глаза и молчал.

— Я приду вечером, а? — говорила наложница клана Охотникова. — Ты скажешь, где твоя комната?

Памятка бусидо. Долг чести перед именем. Постулат восьмой: «Ученик без рассуждений и без страха бросается на вражеские мечи, если того требует долг».

Андрей кивнул и вынул ключ из складки оби. Лучше знать, где встретишь врагов, чем опасаться нападения из-за каждого угла.

На бирке ключа было выведено: «8 эт. ЛК. № 7». Седьмая комната в левом крыле восьмого этажа. Андрей показал бирку Рите. Амунова слегка поклонилась.

— Благодарю.

— Амунова-сан, вот ты где!

К Андрею и Рите со стороны занятых столов в другом конце зала быстро шел бесцветный ученик. Узкое, обрамленное блеклым сеном волос лицо улыбалось. Рука без двух пальцев держала поднос с тарелкой вареной капусты. Оранжевая повязка болталась на запястье другой, целой руки.

Андрей положил руку на бедро рядом с рукоятью катаны. Бесцветный улыбнулся еще шире. Он поставил поднос на стол, прямо на мокрый комок, и придвинул тарелку к Амуровой.

Бесцветный сказал, улыбаясь, что сберег обед для Амуровой, что некий Рябов-сан поглядывал на ее порцию после того, как умял свою. Но бесцветный пристыдил ученика и напомнил о шестом постулате Долга чести перед именем. Напомнил о равнодушии самурая к еде.

Капуста на столе пахла как мокрая грязная тряпка. Рот Андрея снова наполнился липкими слюнями.

Амулова молчала, улыбка пропала с тонких губ, мягкое лицо резко превратилось в жестяную маску. Девочка вместе со стулом отодвинулась от вонявшей капусты, глаза ее уставились в потолок поверх сена на голове бесцветного.

Сероглазый сел напротив Риты и повернулся к Андрею. Ученик назвал:

— Максим Исайкин, — последовал вежливый кивок, — но члены клана Охотникова называют меня Лисом.

— Бесхвостый Лис, — с презрением прошептала Рита потолку.

Рука Лиса не рванулась к катане, ученик не бросился на Амурову, не смыл оскорбление кровью. Чужой или своей.

Лис лишь улыбнулся и провел большим пальцем над двумя кривыми обрубками на руке.

— Некоторые называют меня и так, — сказал ученик. — Это расплата за мою заботу о клане. Эти некоторые презирают любые привязанности.

Амулова молча покачала головой. Лис сказал:

— Сингенин-сан, ты тоже называй меня Лисом.

— Как вы добыли порции еды? — спросил Андрей.

Серые глаза Лиса прищурились. Большой палец снова потеревил обрубки.

Андрей ждал ответа. Он не сомневался, что клан Лиса тоже рисовал иероглифы из тел учеников.

— Как и большинство, — сказал Лис. Андрей посмотрел на чистый влажный пол возле раздаточной ленты. Мокрое пятно — все, что осталось от разбуженного от иллюзий мальчика.

— Успели первыми в очередь, — сказал Лис. Он внимательно следил за Андреем. — Когда на раздаче еще были порции. Еды досталось не всем, но мы делимся друг с другом. Клану нельзя слабеть.

Делиться едой значит делать друг друга должниками, обязывать расплатиться. Члены далеко не каждого клана идут на такой риск, неизвестно какую плату от тебя потом потребуют.

Андрей посмотрел на лепешку, что все еще держал в руке. Может, сегодня вечером и его не будут ждать в общежитии головорезы с катанами. От Андрея потребуют иную плату.

— Сингенин-сан, почему ты не убил Лютина-сан? — спросил Лис. Амулова повернулась к Андрею.

Андрей смотрел на ватрушку в руке. Вязкая слюна пролезла между сухими, в чешуйках, словно змеиная кожа, губами и капнула на черствый хлеб.

— Не знал, как здесь часто убирают трупы, — сказал Андрей, — не хотел весь день, проходя мимо красной доски, видеть его противную рожу.

Это было правдой, пусть не всей.

— В мире иллюзий так не принято. Мы уничтожаем все, кроме того, что желаем, — сказал Лис. — А бывает — и то, что желаем, тоже.

Андрей откусил ватрушку там, куда капнула слюна.

— Но точно, — говорил Лис, — мы мстим тем, кто отбирает у нас желанное.

Андрей засунул всю лепешку в рот, его щеки раздулись, челюсть с трудом разжевывала жесткий хлеб. Желтые крошки сыпались на кимоно и стол.

Лис убрал с острого подбородка вылетевшую изо рта Андрея крошку.

— Ты отобрал оябуна у моего клана, — говорил Лис, — ты отобрал оябуна у меня. Отобрал Охотникова-сан у родного ему человека. Ты должен нам.

Андрей жевал ватрушку и смотрел на Лиса. А Лис говорил:

— Теперь ты должен оплатить.

Хлебные крошки были везде: на пластиковом столе, на полу, на подносе с вареной капустой, в волнистых медных волосах Риты.

— Сингенин-сан, вступи в наш клан, иначе мы уничтожим тебя.

Андрей проглотил лепешку. Тяжелый комок провалился в пустой желудок. Слюны во рту больше не осталось. Совсем.

— Хакх? — прохрипел сухим горлом Андрей. — Тхвой оябун мертв. Второй лучший воин заплакал от тхычка в локоть. Кхто меня уничтожит?

Крошки в медных волосах Амуровой сверкали словно желтые всполохи в красно-рыжем закате на запруженном тонкими, прозрачными облаками небе.

— Весь клан, — сказал Лис, — все вместе. Со сколькими одновременно ты можешь драться? С двумя? С пятью? С десятью? А с четырнадцатью сможешь?

Андрей молчал.

Лис поднялся со стула и поклонился.

— Решай до вечера, Сингенин-сан. Сила клана Охотникова пошатнулась из-за тебя. Если ты не присоединишься к нам, всех в моем клане скоро разбудят. Другие кланы хлынут в дыру, что ты в нас пробил. Но ты же можешь оставить всех в приятной дреме. Почему ты пощадил Лютина-сан? Почему спросил, как мы добыли еду? Ведь ты не хочешь никого будить! Приди к нам, и мы будем почитать тебя за твои необычные умения. — Лис посмотрел на Риту. — Нам есть чем тебя вознаградить.

Лис отвернулся и пошел к выходу.

Рита стряхнула крошки с головы и встала.

— Встретимся на уроке кендо, — тихо сказала девочка и тоже направилась к выходу.

Столовая опустела. Двухмордые уши давно. Андрей смотрел на потрескавшийся пол возле раздаточной ленты. Вымытое место высохло и теперь не отличалось от серого бетона вокруг. Сколько трижды ломанных черт было уже написано на этом камне? Сотня? Две сотни? Десять сотен?

«Почему это меня так волнует? — подумал Андрей. — Почему я так слаб?» Истинный самурай никогда не сожалеет. Слово «пощада» ему незнакомо. Пощадить кого-то, простить чей-то долг — значит создать несправедливость в мире, обесчестить себя, покрыть свой меч ржавчиной позора.

Высоко на потолке за ободками тусклых ламп висели черные гляделки. Их маленькие круглые стеклышки следили за всем происходящим в столовой пристально и равнодушно. Так же смотрит на драный театр кукол и истинный самурай. Так Андрей никогда не сможет посмотреть на иероглиф из тела мальчика. Или на крошки в волосах Риты.

«Эх, Ширококоротик, Ширококоротик, — как-то сказал ему Амида Сугияма-сенсей. — Ты задаешь неверные вопросы».

1

Кириллу Степову щипало глаза от запаха пота и мочи.

В раздевалке кендо для мальчиков воздух застаивался давно, с самого основания школы, здесь всегда разило старым кислым затхлым запахом. В узкую комнату без окон не ходят учителя и другие, чей нюх необходимо услаждать цветочными запахами. Ландышевые освежители никогда не орошают каморку за залом кендо. Нет вентиляции на улицу. Воняет невыносимо. Как, наверное, и в раздевалке девочек за стеной.

Кирилл Степов завязал шнурки черного шлема на затылке и натянул покрепче узлы завязок на длинных рукавицах из толстой стеганой ткани, пальцы пробежались по креплениям пластикового нагрудника и защитных пластин, свисавших с пояса. Ученик стряхнул пыль с лакированного деревянного меча, взвесил в воздухе тренировочное оружие. Рядом переодевался один из жалких восьмиклассников.

Кирилл представил, как бьет его деревянным мечом по еще не закрытому шлемом затылку.

Кирилл представил, как череп восьмиклассника трескается и исторгает кровь.

Кирилл выдохнул и сдержал удар.

Вокруг переодевалось слишком много восьмиклассников, больше четырех десятков дохляков. К сожалению, учеников девятого класса было в два раза меньше младших на год слабаков. К сожалению, в клане Когтей вместе с Кириллом осталось только три живых самурая.

Кирилл опустил меч и зашагал в зал кендо мимо переодевавшихся в полутьме учеников. У входа в раздевалку на скамейке расселся восьмиклассник с широким лицом. От его разутых ног воняло мышами и ушной серой. Девятиклассник Кирилл снова сдержал удар.

Кирилл ненавидел восьмиклассников. Не так, как выпускников из клана Рейгена, — к тем он имел личные счеты. Но жалкие и слабые восьмиклассники бесили тем, что мнили себя ровней девятому классу, только потому что на совместных уроках кендо единицы из них умудрялись иногда побеждать старших учеников.

Прозвенел звонок на урок.

В зале кендо на стертых досках восьмиклассники и девятиклассники в черных тренировочных доспехах выстроились в ряд перед Гниломясом-сенсей. Учитель перевернул песочные часы на тумбе и рубанул тяжелой рукой воздух.

— Поединки живо! — прогремел зычный голос учителя.

По команде сенсея ученики мгновенно разбежались на пары и принялись бить друг друга деревянными мечами. Тук-тук-тук. Стучало дерево по пластиковым нагрудникам и металлическим решеткам на шлемах.

Первым противником Кирилла Степова поставили низкую наложницу из клана Черных Змеев. Пушистые белокурые волосы девочки пролезли сквозь решетку шлема, торчали в ней, точно пучки сена, закрывали пол-обзора для круглых глаз. Восьмиклассница слепо водила мечом из стороны в сторону, но тело ее было умнее головы и инстинктивно сжалось, потому что знало — удара слабачке не избежать.

Кирилл снова сдержал удар и лишь слегка похлопал мечом девчонку по защитным пластинам на бедрах.

Раны Кирила недавно вылечили, у ученика был неоплаченный долг перед кланом Рейгена и нельзя отдавать его оплату ради разборки с Черными Змеями из-за синяков на теле их наложницы.

Смен пар предстояло еще много.

Через каждые пять столовок нижняя «груша» часов наполнялась песком, учитель переворачивал их и зычно кричал на весь зал: «Живо смена!»

Ученики спешно разворачивались в поисках нового противника и быстро кланялись любому ближайшему ученику. Неглубокие поклоны тут же выстреливали в рубящие атаки по черному пластику и стеганой ткани доспехов.

Перерывов между сменами пар никогда не бывает. Урок кендо обычно длится четыре урочника.

Следующего противника Кирилл избил от души. Восьмиклассник едва удержался на ногах, когда Кирилл тыкнул мечом ему в защитную пластину, прикрывавшую пах, а когда тот вскрикнул и выронил меч, девятиклассник со всей силы ударил его по шлему.

— Живо бей его! — закричал учитель Гниломяс Кириллу через весь зал. — Так его! Живо узнает, как ронять мечи у меня на уроке!

Щеки Кирилла вспыхнули от гордости.

Учитель смотрел на него!

Кирилл поднял деревянный меч над головой как можно выше, даже встал на цыпочки, потянулся. Меч в руках резко опустился. Удар пришелся точно в макушку, плотная стеганая ткань шлема слегка прогнулась под деревом, и восьмиклассник медленно опустился на колени.

— Смена живо!

Добивал восьмиклассника уже другой ученик, первым поклонившийся ему. Восьмиклассник по-прежнему стоял на коленях с опущенной головой, а вызвавший его ученик колотил сверху деревянным мечом по шлему, пока тот не распластался на стертых досках.

Гниломяс подошел к стене и нажал красную кнопку вызова уборщиков.

Учитель велел следить за часами пушистой наложнице Черных Змеев, а сам пошел вдоль пар дерущихся.

«Живо бей! Так его!» — иногда кричал учитель.

Кирилл постоянно оглядывался на сенсея. Не смотрит ли учитель на него? Не ему ли кричит «живее»?

Учитель Гниломяс воспитывал учеников через упорство и силу духа. Учитель верил, что его ученики сами обретут технику, постоянно тренируясь.

Так Кирилл сам дошел до нескольких секретов хорошего рубящего удара. Один из них: бить нужно всегда крайней третьей клинка, тогда плоть врага разрежется легче и глубже.

Когда-то еще пятиклассник Кирилл в первый раз в жизни сразился на мечях с мальчиком, которого случайно задел ножнами. Проход в столовую между гардеробной и конурой стража построили слишком узким, пройти по нему двум ученикам, не задев друг друга, невозможно. Вот Кирилл и задел ножнами другого пятиклассника. Вот Кирилл и сразился.

Пятиклассник Кирилл ударил один раз. Поднял над головой меч и ударил. Перед этим на первом в жизни уроке кендо Кирилл также опустил деревянный меч на шлем противника. Деревяшка отскочила от твердого шлема, как резиновая. Но вакидзаси не должен был

отскочить от незащищенной головы. Ведь каждый вечер Кирилл точил камнем острое лезвие и смазывал весь клинок маслом.

Вакидзаси обязан рубить, а не отпрыгивать!

Когда пятиклассник Кирилл в первый раз в жизни ударил острым вакидзаси, все его тело было открыто, включая живот и горло. Кириллу ударил рискуя жизнью. Его запястья, локти, плечи наносили удар, он рубил со всех сил.

Если бы противник увернулся, удар нельзя было бы остановить. Кирилл рубил бы воздух, а противник рубил бы Кирилла. В миг удара Кирилл застыл на грани жизни и смерти.

Ударить, рискуя жизнью, и жить, чтобы ударить. Так звучала Песня смерти самурая Кирилла Степова.

Его первый противник раскололся на две половины. Кисти, державшие меч, были разрублены. И пластиковая рукоятка вакидзаси тоже.

С тех пор Кирилл рубил только так. Сверху вниз. Со всей силы. Всем телом. Рискуя жизнью, лишь бы завершить удар.

— Смена жи-иво! — прошелестел тонкий голос наложницы Черных Змеев, пристально следившей за песочными часами сквозь пучки волос на решетке шлема.

Во время пятой смены пар Кирилл заметил в сражавшейся рядом паре странного ученика в черных кимоно и хакама. Черная одежда сливалась с тренировочными доспехами. Кирилл никогда раньше не видел черного ученика.

Этот ученик передвигался по доскам зала скользящей кошачьей походкой, всегда приподнимая пятки. Рубил черный из всех положений, а не только сверху вниз, и всегда при ударе приставлял заднюю ногу к передней.

— Смена жи-иво! — голос наложницы прозвучал смелее и громче. Кирилл быстро подошел сбоку к черному ученику и поклонился. Сразу же, не проверяя, заметил ли черный его поклон, Кирилл поднял меч над головой и ударил, целясь в шлем над ухом.

Тук.

И слышал стук внутри собственного шлема.

Кирилл смотрел на зеленую стену зала перед собой, меч его был опущен, а черный стоял сбоку и стучал ему по шлему.

Тук. Черный бил быстро, одними запястьями и локтями. Тук-тук. Не используя плеч, не ударяя в полную силу. Тук. Не рискуя всем ради удара!

— Жалкий трус! — взревел Кирилл, вскидывая меч над головой. Девятиклассник одним слитым движением развернулся и ударил. Меч неся в синие глаза за решеткой шлема косым и широким размахом. Если черный опять ускользнет в сторону, то все равно получит удар по плечу.

Левая нога черного шагнула назад. Меч Кирилла пронесся перед его грудью. Даже деревянный кончик не достал черных доспехов и одежды. Продолжавшийся размах меча наклонил Кирилла вперед. Прямо под удар черного.

Тук.

Стук внутри шлема Кирилла был едва слышным. Слабый и никчемный удар. Перерубил бы он лобовую кость Кирилла в настоящем бою? Да никогда!

Девятиклассник взревел и ударил. Черный легким ударом слегка отклонил меч Кирилла в сторону, по-кошачьи скользнул вбок и хлестнул Кирилла по шлему. Тук.

Лица противников пронеслись рядом друг с другом. Синие глаза черного смотрели

сквозь решетку равнодушно, спокойно. Как чистое зеркало, что отражает резкий свет обратно.

Кирилл сжал меч крепче и рубанул сверху вниз. Черный сделал маленький шаг назад, стоило мечу Кирилла пронестись мимо — тут же вернулся обратно и стегнул девятиклассника по шлему. Тук. Кирилл шагнул вперед и ударил. Черный тоже пошел прямо, коротким встречным взмахом сместил тяжелый удар Кирилла вправо и тыкнул мечом в решетку на шлеме. Тук.

Кирилл наносил удар за ударом, пытаясь не замечать постоянную барабанную дробь по шлему. Тук-тук-тук-тук-тук.

Остановить какими-то увертками и шлепками удар, что забирает все твои силы, ставит на кон твою жизнь, приближает тебя к грани с Истиной? Это бесчестно! Это грязно! Это трусливо! Это позорно! Это невозможно!

Тук.

Меч черного опять полоснул Кирилла по решетке шлема, прямо перед глазами. Это невозможно!

Кирилл впился взглядом в спокойные синие глаза противника.

— Слабак! — закричал Кирилл изо всех сил. — Дерись!

Глаза черного резко сузились, спокойные зеркала свернулись в острые иглы. Иглы, что воткнулись в плечи Кирилла и не позволили ему снова поднять меч.

«Это невозможно!» — пронеслось в голове Кирилла. Но меч девятиклассник так и не поднял.

Черный взял меч в одну руку как шест и подошел к Кириллу вплотную. Они были одинакового роста, но плечи черного были чуть уже.

«Да он еще и восьмиклассник! Это нево...»

Черный резко опустил деревянный меч и пригвоздил правую ногу Кирилла к полу.

Хрустнуло. Коротко. Сухо.

Меч прибил к полуступню вместе с черным ремешком сандалии.

Кирилл не отрывал взгляда от синих иголок черного. А иголки не отрывались от глаз Кирилла.

Черный медленно поднял деревянный меч, шагнул ближе к Кириллу, к его левой ноге, и еще раз опустил «шест».

Снова хрустнула кость, и вместе с ней треснуло дерево. Звук раздался громче. И немного сочнее.

Кирилл смотрел в глаза черному.

Немного сочнее.

— Сенсей, — крикнул черный в сторону. — Ученику нужно в медпункт: у него сломаны ноги.

Черный поднял меч к бедру и ушел искать новую пару.

Сразу же колени Кирилла подломились, задница стукнулась о грязные доски. Девятиклассник переводил взгляд со своих ног на учителя Гниломяса и обратно.

Учитель — ноги.

Ноги — учитель.

Ступни в жестких сандалиях быстро опухали.

Гниломяс медленно шел к кнопке вызова уборщиков. На Кирилла блистательный учитель не смотрел. Даже не взглянул.

Это какой-то обман, подумал Кирилл, глядя на два пухлых шара в розоватых пятнах. Иллюзия. Где мои ноги?

Недосягаемый учитель ударил ладонью по большой кнопке. На полу возле его ног валялся ученик в тренировочных доспехах. Восьмиклассник, что упал на колени перед Кириллом после первой смены пар. Между поединками ученики оттащили неподвижное тело к стене.

Крепкие ремни сандалий впились в шары, не пуская их дальше. Не позволяя шарам разрастись до размера дынь. Лицо Кирилла покрылось потом, легкие тяжело дышали.

— Смена жи-иво!

Голова Кирилла отяжелела и упала на пол.

2

Сергей Красоткин любовался своими гладкими отшлифованными пятками, пока Рида расчесывала распущенные темные волосы оябуна.

Ступни Сергея были идеальными — ни противных струпьев, ни старой шелухи, ни отросших ногтей, ни белесых мозолей. Только гладкая розоватая кожа как на щечках младенца.

Каждое воскресенье Рида Видждан натирала щеткой подошвы ног Сергея до красноты. Иногда наложница переусердствовала, перетирала кожу — тогда Красоткин весь вечер ходил на цыпочках. За усердие Сергей не наказывал. Риде делалось больно, только если наложница плохо вымывала тело или волосы Сергея, оставляла мыло или, фу, грязь на его одежде после стирки, пропускала заусеницы или кутикулы при стрижке ногтей оябуна. Тогда Сергей делал Риде бобока. Долгие урочники, иногда всю ночь.

Бусидо. Долг чести перед именем. Постулат седьмой: «Ученик следит, чтобы его лицо всегда было умытым, тело — чистым, одежда — опрятной, а меч — острым».

Сергей сидел на Ридином спальном тюфяке, свернутом на грязном полу в коридоре левого крыла седьмого этажа общежития. Разутые ноги оябун клана Красоткина согнул в коленях и положил друг на друга. Чтобы любоваться чистой кожей, гладить руками розовые холмы пяток, водить пальцем по ровным линиям на подошвах. Спина Сергея выпрямилась, натянулась, как ниточка, в которую справа играли Ефрем Полканов и Рой Подсобный.

Двое дайме тянули ниточку прямо перед закрытой дверью десятой комнаты. Прямо перед дверью комнаты Гардеробщика. Прямо перед дверью комнаты Стаса Охотникова — мертвого оябуна одного из трех кланов восьмиклассников.

Смуглая и низкая Рида стояла за спиной Сергея, ее совсем недавно наметившиеся грудки, похожие на мальчишеские, прижимались к его шее. Грудки были горячими, знойными, загривок Сергея обжигало сквозь кимоно Риды. Черные, как осенняя ночь, волосы девочки завивались вокруг медовой шейки, мелкие кудряшки рассыпало на поднятые теплые руки, что расчесывали волосы Сергея. От Риды разносился пряный аромат душицы.

Жар тела Риды передался Сергею. Его затылку и мыслям. Сергей поднял голодный взгляд на дверь комнаты перед тюфяком. Здесь жила Рита Амурова. Рыжая красавица, зеленоглазая слабачка. Бывшая наложница Гардеробщика.

Уже этой ночью Рита Амурова будет принадлежать Сергею Красоткину. Уже этой ночью Сергей узнает, отливают ли волоски под одеждой Амуровой медью.

— Оябун, долго еще ждать? — спросила Лина Апостолова. Блондинка стояла у стены вместе с Пичуком, наблюдавшим как Полканов и Подсобный играли в ниточку с котенком.

— Кхе-кхе, — кашлял полосатый маленький пленник. Ушастую мордочку котенка

крепко держали на весу широкие руки Полканова. Сжатые пальцы ученика не позволяли челюсти звереныша закрыться, пока Подсобный медленно вытягивал толстую нитку из маленькой розовой глотки, из узкогопищевода.

Лина не смотрела на котенка. Взгляд больших янтарных глаз девушки-самурая не отрывался от душистых медовых рук Риды. От того, как смуглые руки чесали чистые волосы Красоткина.

В игре в ниточку начиналось самое интересное. Подсобный тянул за конец нитки кусок ватрушки, который перед этим затолкал котенку в глотку. Тянул медленно-медленно. Котенок дергался в стальной хватке Полканова, ободранные лапки болтались в воздухе. Желтые глаза бешено вращались. Котенок кашлял. Кхе-кхе. Сергей залюбовался передернутой мордочкой со сломанными усами и языком наружу.

Гардеробщик умер. Его клан из восьми учеников 8 «Б» и пяти учеников 8 «В» сгинет сегодня-завтра. Все они проснутся. Треснут как расколотая черепаха.

Сергей усмехнулся и погладил черепаший панцирь на оби. Через головную и хвостовую щели костяной пластины тянулись ножны катаны, панцирь висел рядом с поясными складками, полными отдушек терпкой лаванды.

Все треснут. Кроме рыжей Амуровой — если наложнице хватит ума подчиниться Сергею.

Завтра утром в школе останутся всего два клана восьмиклассников: клан Зотова в составе пяти учеников из 8 «Б» и девяти — из 8 «А» и, конечно, клан Красоткина, что включал целиком 8 «В» и Лину из 9 «А».

Лина отошла от стены и заслонила упругим сильным телом кашляющего пленника.

— Оябун? — горели недовольством широкие глаза, такие же желтые и дикие, как у пойманного котенка. Блондинка смотрела на грудки Риды. Прижавшиеся к шее Сергея.

Красоткин широко ухмыльнулся Лине и отклонил голову назад. Острые наконечники маленьких грудок воткнулись ему глубже в шею. Рида выдохнула горячий воздух прямо Сергею в ухо.

Янтарь в глазах блондинки помутнел, треугольное лицо судорожно дернулось, тряхнув тугие косички из буйного золота. Лина шагнула ближе к Красоткину, катана на крутом бедре слегка качнулась. Блондинка пахла шалфеем, сорванным на пустыре возле южной стены. Сильный дух бодрящей травы примешался к нежным душице Риды и лаванде Сергея.

Сергей поморщился. Запахло бякой.

— Отойди в сторону, — бросил Сергей. Лина мешкалась одну вытянку, но подчинилась. Вечный долг чести требовал слушаться Сергея. Клятва верности оябуну обязывала не перечить ему.

Чтобы Лина произнесла эту клятву, Сергей пытал блондинку десять урочников без перерыва. Срезал широкие кожаные полосы на груди и бедрах Лины, лишил ее пяти зубов, пряди золотых волос, ногтей на мизинцах и чего-то еще: то ли соска, то ли среднего пальца на ноге, Сергей не помнил точно — во время пытки его накрыл безумный азарт, превратил в беспамятного алчущего крови зверя. Лине было сильно бобока. Лина поклялась служить Сергею.

Бусидо. Долг чести перед именем. Постулат второй: «Ученик неукоснительно соблюдает клятвы и обеты».

Котенок блевал. Кхе-кхе-кхе. Подсобный качал на нитке вытянутый из нутра животного кусок ватрушки, весь в слюнях и шерсти. Кусок качался туда-сюда.

За окном в дальней стене коридора чернела ночь. Три белесые головы выглянули из-за поворота к лестнице. Незваные гости наткнулись взглядами на сидящего Красоткина, чернявую наложницу, трех высоких самураев и не менее высокую воительницу, онна-бугэйся с золотыми жгутами, — и юркнули обратно. Шорох их сандалий по полу постепенно затих.

Красоткин скрипнул зубами. Семиклассники. Ждут, когда мы уйдем, чтобы пройти в свои комнаты. А где же Амурова?

Котенок наконец выблевался и тяжело дышал. Полканов обхватил ладонью маленькую нижнюю челюсть пленника и снова раскрыл пасть звереныша. Подсобный забросил склизкий кусок хлеба в короткий пищевод пленника. Нить натянулась.

Лина уперла ладони в бедра и смотрела на Риду не отрываясь.

Надоело!

Сергей отклонился от острых грудок.

Надоел ревнующий взгляд этой ненормальной. Девочка не может хотеть другую девочку — без тыкалки ничего не выйдет.

Апостолова-сан, что, этого не знает?! Чем она будет тыкаться в Риду? Острием катаны?

Кхе-кхе-кхе. Надоел кашель этого котенка! Когда он уже выблюет пищевод и издохнет?

Надоело ждать. Надоело сидеть в грязном пыльном коридоре. Надоело терпеть жар внизу живота. Жар, что скоро войдет в рыжую чаровницу!

— Прекрати, — сказал Сергей. Руки Риды отпустили волосы Красоткина. Девочке отошла в сторону. Оябун свесил ноги с тюфяка и просунул идеальные ступни в вымытые сандалии.

— Пичук-сан, как наши встали?

Подсобный тянул нить. Котенок снова кашлял. Кхе-кхе. Пичук оторвался от игры и повернулся к оябуну.

— Комнаты всех слуг Гардеробщика стерегутся нами, — сказал восьмиклассник.

— Глеб Лютин-сан и тот узкоглазый... как его... — Красоткин похлопал по панцирю на бедре, — ...Султанов-сан и прочие дайме Гардеробщика зашли в комнаты?

Дайме, сильнейшие воины, костяк клана, его панцирь. Убить дайме Охотникова — и их клан треснет, распадется.

— Все дайме Гардеробщика сидят в комнатах. Сэме тоже должны. В ближнем крыле четверо наших стерегут комнаты Лютина-сан, Султанова-сан и еще двух дайме. В левом крыле напротив — двух дайме и четырех сэме, — Пичук задумался и пересчитал на пальцах, — или пятерых сэме.

— Плевать, — бросил Красоткин, — сэме — слабаки. Если кто-то из них выживет и пойдет завтра на уроки, вечером мы неплохо поиграем.

Охота на сэме, слабых воинов, станет игрой позабавнее, чем ниточка.

Пичук кивнул.

— В левом крыле пять наших следят за комнатами, — сказал он и хихикнул. — Только Лютин и его дайме откроют двери и выйдут в коридор — утром на переключку или раньше к писельникам, плевать — больше двух шагов им не сделать.

Сергей улыбнулся. Всего два шага в мире иллюзий, затем слуги Гардеробщика застучат сандалиями по брусчатке Истинного пути. Вслед за своим оябуном.

Хлебный катышек снова качался на ниточке из стороны в сторону. Котенка выворачивало наизнанку. Кхе-кхе. Где же пропадает Амурова-сан?

— Что с новеньким? — спросил Сергей — С убийцей Гардеробщика? Амурова может

пойти к нему?

— Тимур Ященко-сан сторожит холл на первом, — сказал Пичук, — он пойдет следом за Амуровой по лестнице. Если рыжая свернет, Ященко-сан схватит ее и за волосы притащит сюда.

— За волосы, — нахмурился Красоткин. Он представил: семь этажей волоком — и вместо чудных медных кудрей на маленькой голове остаются лишь блестящие взлысины. Рваные клоки волос. Розовые плечи. Сергей испугался. — Только из-за волос рыжая мне и нужна! Пусть лучше Ященко-сан волочит Амурову-сан за ногу. Ничего, если девчонка захромает. Только не за волосы!

— Уверен, Ященко-сан сообразит, — вкрадчиво сказал Пичук.

Лина подошла к Риде. Белые руки без ногтей на мизинцах опустились на тонкую спину наложницы.

Пичук потер ладонью подбородок.

— Оябун, все пройдет чисто, как и в первый раз, — сказал восьмиклассник.

Руки Лины гладили черные колечки Ридиных волос. Сергей смотрел на Лину и видел ее нагой и связанной, ободранной и избитой. Какой она была полгода назад. Первый раз был именно с остатками клана Апостоловой. После того как «демоны» клана Они убили почти всех ее одноклассников.

Тогда Сергей добил клан Рубак и пленил Лину. Провел с ней ночь страсти. Ночь стонов и криков.

Подсобный вытянул нитку из нутра котенка. Котенок тут же опустил морду и поник, черно-серое тельце слабо дернулось.

— Поддыхает, что ли? — сказал Полканов и перевернул котенка мордой к себе. Полосатая когтистая лапка резко ударила по широкой руке. Полканов вскрикнул, взмахнул руками, котенка кинуло на пол, и зверь тут же оттолкнулся спиной от бетона, кувыркнулся в воздухе, рванулся вперед, вперед и вперед по коридору, за угол, вперед, прочь от мучителей.

С другой стороны коридора выбежал Тимур Ященко, встал перед Красоткиным и низко поклонился, держась за колени. Ученик запыхался, с разбитой губы капала кровь.

— Амурова-сан... Она... — Ященко набрал воздуха в грудь и быстро сказал: — Она в комнате Сингенина-сан. У новичка.

— Что? — Красоткин с ревом вскочил с тюфяка и толкнул грудью опущенную голову Тимура. Прибежавший ученик отлетел к стене и чуть не упал. Сергей схватил рукоять катаны. Жар внутри требовал свободы.

— Прости, Красоткин-сан, — говорил Ященко, краснея, — Амурова-сан будто знала, что я караулю ее. Едва наложница вошла в общежитие, сразу метнулась вверх по лестнице. На восьмой этаж. Я отстал.

— Демон! — вскричал, брызгая кровью, Полканов и кинулся следом за котенком.

— Полканов-сан! — окрик оябуна заставил дайме застыть на месте, — ты и Ященко-сан живо на восьмой этаж — караульте новичка. Высунется из комнаты — прирежьте.

Полканов быстро развернулся, кивнул Красоткину и побежал за Ященко. На грязном полу за учеником оставалась дорожка из красных капель.

— Подсобный-сан — отведи Видждан-сан в ее комнату. Затем — сразу сюда.

Оябун повернулся к Пичук и Апостоловой. Ровные стриженные брови Сергея изогнулись, как ломаные черты иероглифа.

— Нужно решить, что делать, — сказал Сергей. — Этот раз выходит совсем не таким

чистым, как первый.

Уголки губ Лины слегка поднялись.

1

Мяу... Тихое, жалобное. Один раз. На грани слуха.

Андрей замедлил шаг, прислушался. И помотал головой. Показалось. Здесь не могло быть живых кошек — слишком мало раздали порций в обед. Любую пробежавшую по школе кошку поймали и съели бы. Как и мышь или крысу.

Андрей поднимался по лестнице внутри громады общежития. В поле зрения ученика помещалась вся шахта, включая пройденные лестничные пролеты вниз.

Волк молчал. После того как Андрей изувечил ноги тому наглецу на кендо, волк словно насытился. Конечно, на время.

Наглецу повезло. Что шел урок. Что они дрались на деревянных мечях. Что Андрею больше не нужны были выговоры директора.

Памятка бусидо. Долг чести перед именем. Постулат четвертый: «Ученик не допустит плохо отзываться о его чести, навыке владения мечом и успехах в учебе».

И не даст обзываться. Это я-то слабак? А кто просто смотрел, как его ноги дробят? От слабака и трусихи слышу!

Памятка бусидо. Долг чести перед именем. Постулат пятый: «Ученик не успокоится до тех пор, пока не сведет все счеты и не устранит оскорбление или пятно на имени, или поражение».

Сломанные ноги — более чем достойная оплата. Пусть теперь обзывается в зеркало на кушетке в медпункте.

По монолитным стенам забарабанило эхо топота множества легких ног впереди. Пятиклассники неслись на последние этажи, чтобы закрыться, затаиться, спрятаться в своих маленьких комнатах, пытаясь пережить еще одну ночь. Утром они опять будут спускаться в холл, через все восемь этажей старших классов. Большие пчелы-убийцы опять будут жалить маленьких.

Андрей стал подниматься медленней, чтобы не наткнуться на маленьких пчел.

Перед глазами всплыло строгое лицо Амиды Сугияма-сенсей, с черными раскосыми глазами и острой бородкой. Сенсей, что это был за урок? Чему меня учили?

Это битье палками нельзя назвать кендо. Ученики не уклонялись от деревянных мечей, не отбивали встречные удары. Местные неслись друг на друга как ошалелые и лупили, лупили, лупили, не замечая бряканья мечей по собственным доспехам, толчков в нагрудники, шлемы, лупили, словно вдруг обрели бессмертие и, когда выйдут в коридор на перемену, острые катаны отскочат от их безрассудных голов как тупые деревяшки. Учитель Гниломяс явно одобрял такое лупиндо.

Лицо Сугиямы растаяло, но наставник успел сказать не своим зычным голосом:

— Живо выбирай!

Андрей поднялся на восьмой этаж и свернул в коридор. В полутьме проходов хоть и белели на полу кучи чистящего порошка, уборщицы появлялись на этажах общежития редко. Черная грязь в углах смешалась с сияющей мукой, на стенах темнели засохшие потеки. Только трупы не торчали из грязи. О мертвых заботились везде.

Андрей шел в левом крыле мимо облезлых косых дверей комнат. Выбить тонкие доски казалось нетрудным. Но это не позволялось.

В холле общежития под гляделкой и круглыми часами висела красная доска. На ней черными буквами выведена надпись:

«Ученикам ЗАПРЕЩАЕТСЯ:

рубить, ломать, бить, пинать, пачкать, царапать, грызть, пинать стулья, парты, столы, двери, умывальники, подмывальники, писельники, окна, зеркала, гляделки, трубы, провода, лестницы, полы, стены, лампы, потолки;

разжигать и приносить огонь;

жить в двух и больше комнатах.

НАКАЗАНИЕ: выговор и выселение в коридор на ночь».

Андрей остановился. В дальнем конце коридора стоял худой мальчик на голову ниже. Мальчик измерил взглядом длину рук и ширину плеч Андрея и зашел обратно в комнату. Дверь захлопнулась, скрипнул замок.

Щеки обожгло огнем.

Меня подселили на этаж к шестиклассникам! Какой позор!

Одна из дверей была распахнута настежь. Внутри блестела плитка, рыжели потекшие трубы, ряд умывальников и писельников покосился. Андрей бросился внутрь, винт крана скрипнул под рукой, живительная струя влилась в вонючий сухой рот, прогнала по пищеводу, заполнила пустой желудок. Вода брызнула на порошок на дне умывальника и разбудила запах морской свежести. Искусственная прохлада тут же забила в ноздри. Вызвала кашель.

Андрей никогда не видел моря, зато не мог забыть его запах.

В комнате Андрея дверь от пластикового окна отделяли шесть локтей узких стен и грязного пола, устланного широким тюфяком. На тюфяке поместились бы двое.

«Разреши мне спать с тобой».

Выберу клан потом, сначала — седьмой постулат третьего Вечного долга, Долга чести перед именем. Сначала — помыться.

Андрей прошел в угол к широкой бадье с кастрюлей. Мимо приколотого к стене листка — памятки бусидо.

«Всего одна ночь. Сегодня».

Прямая спина наклонилась, набитые ладони обхватили толстые ручки бадьи.

«...со мной, а?»

И вовсе не для этого! Завуч Буглак уже пристыдил за грязное кимоно!

На потолке над шатким шкафом чернела маленькая гляделка. В стеклянном глазе мутнело стыдливое лицо.

«...вечером, а?»

В дверь торопливо постучали.

— Сингенин-сан, ты здесь, а?

Руки отпустили ручки бадьи. Тяжелая железка с грохотом запрыгала по бетону.

Все-таки пришла.

Нога резко придавила бадью к полу. И Андрей посмотрел в глазок.

Рыжая наложница мертвого оябуна стояла одна. Если к стене у двери не прильнули головорезы.

— Сингенин-сан?

Андрей открыл и отошел в сторону. Вытянул катану из ножен на четверть.

Дверь распахнулась в коридор. Амурова ворвалась внутрь так стремительно, что Андрей

чуть не высвободил меч. Чуть не полоснул по веснушчатому лицу, по белой переносице между зелеными камнями.

Наложница захлопнула дверь, щелкнула замком. И тяжело задышала.

— Объяснись, — сказал Андрей, — что за...

Белый пальчик поднялся к розовым губам, большие глаза мигнули. Андрей замолк и прислушался. Топот ног в коридоре. Тяжелый. Восьмиклассник или девятиклассник. Приближается.

Тонкая доска дрогнула от мощного стука. Амурова отступила на шаг.

— Шестиклассник! — раздалось из-за двери, — у тебя в комнате наложница клана Красоткина! Не обязуй нас платить мезтью! Верни девчонку!

Рита выгнулась, как клинок. Камни на бледном лице блеснули, приковали взгляд к Андрею.

— Сам ты шестиклассник, — прошептал Андрей, щеки раскалились от стыда.

— Сингенин-сан, что ты будешь делать? — спросила девочка. Тихо и нежно.

Дверь тряслась от ударов.

— Живо верни девчонку!

Живо выбирай!

Широкоротик, живо задавай верные вопросы!

Амурова принадлежит клану Охотникова, причем здесь некий Красоткин?

— Тебя хочет присвоить чужой клан? — спросил Андрей. Рита кивнула. Барабанные стукн сотрясали дверь.

— Шестиклассник! Живо открой!

Никакой невозмутимости.

Никакого стыда.

Никакого уважения.

Амурова встала рядом и повернулась к двери. Тонкое плечо задело руку Андрея.

Волк наблюдал.

— Не выдашь меня — и клан Охотникова примет тебя, — сказала наложница и пожала плечами: — хотя, может, ты не хочешь к нам.

В дверь колотили.

Живо выбирай!

И все это из-за цветущих ландышей в сердце Стаса Охотникова. Ландышей, что посеял Андрей.

Так. Больше никакого самокопания. Никакого самобичевания. Никакой ширмы от настоящего.

Широко раскрой рот, напряги челюсть и зевни. Шире. Подай сильный поток крови в мозг. Прогони остатки лживой морской свежести из легких. И реши.

— Я не отдам тебя, — сказал Андрей и повернул замок.

Дверь дернулась наружу, но Андрей удержал ее и лишь приоткрыл. К щели вплотную приникло лицо с искусанными губами. Глаза ученика увидели черное кимоно Андрея, удивленно заморгали.

— Новичок? Тот самый?

— Сингенин Андрей, — кивнул Андрей, — еще раз стукнешь — разбужу.

Твердая ладонь Андрея двинула по искусанным губам, и ученик улетел в белесо-черную глубь коридора.

Андрей захлопнул дверь, приник ухом. Долгий шорох жесткого кимоно — встает, отряхивается. Затихающие топ-п-п... топ-п... топ — убегает. За подмогой.

Андрей стиснул дверную ручку.

— Нужно прорываться к Лису-сан и Лютину-сан, — сказал Андрей. — Где их комнаты?

Маленькая ладонь легла на руку Андрея. Слегка сжала.

— Может, лучше останемся, Сингенин-сан? — сказала наложница. — Вдвоем, а?

Андрей посмотрел в глаза цвета свежей зелени. На выпуклый треугольник, источавший чистый мыльный запах. И сглотнул. Он ничего не понимал.

Верные вопросы, где же вы?

— Почему ты не побежала к ним сразу? Почему ко мне?

Губы Риты улыбнулись. Большие глаза успокоились, снова окаменели.

— Здесь бы меня не стали искать, — сказала наложница, — если бы я оторвалась.

«Разреши мне спать с тобой».

— Поэтому хотела переночевать со мной? Ты знала, что тебя будут ждать?

Рита кивнула.

— Сингенин-сан, ты ведь убил Охотникова-сан, — просто сказала девочка, — а Красоткин-сан боялся только его.

Андрей помрачнел, а Рита сказала, как бы утешая:

— Просто Красоткин-сан пока не узнал Сингенина-сан.

На что она намекает?

Топот двух пар ног.

В глазке двое присели у стены: прежний ученик с теперь уже разбитыми губами и новый с кровоточащей рукой. Новый скреб ногтями царапины на запястье, драл рану вширь и вглубь.

Кожа в шрамах — достойная оправа для Духа. Некоторые тщеславные самураи мошенничают и сами покрывают себя шрамами.

Андрей оторвался от глазка. Пробиться еще можно. В ножнах сторожей вместе с катанами сидит возможность остановить Андрея. Сейчас у них нет даже запаха возможности.

Долгие, долгие вытяжки.

— Он ушел, а? — спросила Рита. И потянулась к глазку, выпятив грудь.

Амурова не слышит. Ни скребущих по полу сандалий. Ни шороха жесткой ткани на локтях и под коленями. Ни шумного непоставленного дыхания. Да что не так с Кодзилькинской школой Катаны?

— Нет, их теперь двое, — сказал Андрей.

— Сингенин-сан очень спокоен, — Рита закрыла один глаз, прижалась к облезлой доске, — вот я и подумала.

— Сингенин-сан! — вдруг сказала наложница, — их уже...

— Восемь, — буркнул Андрей. — Амурова-сан, отойди от двери.

Есть ли теперь запах возможности у меня?

Снаружи куча ног месила белую муку. Андрей облегченно выдохнул, разглядывая коридор. Во главе подошедших шести стоял Лис. Двое из клана Красоткина отошли дальше, к границе видимости глазка. Все ученики в коридоре держали правые руки на бедрах рядом с рукоятями катан.

Лис стукнул в дверь.

Андрей открыл замок, толкнул доску. Шестеро новоприбывших вошли в узкую комнату, у всех на запястьях оранжевели повязки. Ни Лютина, ни смуглого ученика с глазами-черточками. Дверь захлопнулась.

Лис, а следом и остальные кивнули Андрею.

— Сингенин-сан, благодарим тебя за защиту столь ценного члена нашего клана, — громко сказал Лис. И улыбнулся Амуровой.

Наложница подняла глаза к потолку, тонкие губы прошептали:

— Бесхвостый.

Андрей вслушался в шаги за дверью.

— К нам пришли, — сказал хозяин комнаты.

Один из шести приник к глазку, вскрикнул:

— О сегун!

— Пятеро или шестеро? — спросил Лис. Ученик у двери сосчитал вслух:

— Два... четыре... пять... шесть!

— Значит, сам Красоткин тоже под дверью, — сказал Лис.

— Ты тоже слышишь их шаги? — спросил Андрей. Лис покачал головой.

— Только их мысли, — сказал блекловолосый, — в клане Красоткина пятнадцать самураев. Девять караулят комнаты наших дайме. Остальных Красоткин-сан взял как свиту в крыло Амуровой-сан. — Лис усмехнулся и потеревил большим пальцем обрубки фаланг. — На ночь страсти.

Амурова вздернула подбородок выше, ее лицо поднялось почти параллельно потолку, медные волосы опустились до самого оби.

— Полгода назад Красоткин-сан так же истребил клан Рубцов, — сказал Лис. — Красоткин-сан слишком самонадеян и повторил раз удавшийся трюк. Точь-в-точь.

— Грязный клан чистоплюев! — выругался ученик у двери.

— Ты знал? — Андрей шагнул вплотную к Лису, синие иглы вонзили взгляд в мутно-серые зеркала под белесыми ресницами. — И не предупредил Амурову-сан?

Ученики с оранжевыми повязками напряженно положили ладони на оби. Андрей не смотрел на них и в тоже время фиксировал боковым зрением движения каждого. Трепет каждой складки кимоно.

Лис развел руки в стороны и поднял плечи, плотно прижав к шее, медленно опустил.

— По-другому было никак, — сказал Лис синим иглам, — надменный Красоткин-сан не уважает сэме. За нами не следили. Поэтому мы все скрылись в комнате союзного нам клана Зотова на девятом этаже. Ночью мы бы напали на красоткинских сторожей комнат дайме со стороны лестницы, а Лютин-сан, Султанов-сан, Смирнов-сан, Казаков-сан, Коваль-сан, Рябов-сан — по моему сигналу — выбежали бы из комнат и врубались бы сторожам в спины. Зажали бы их в острые тиски. Перебили бы поголовно. И затем уже — в крыло Амуровой-сан. Оборвать ночь страсти.

— Амурова-сан могла быть уже мертва! — крикнул Андрей и прикусил язык.

Никакого равнодушия. Никакого покоя. Никакого отсутствия привязанности.

Искры запрыгали в серых глазах Лиса.

— Красоткин-сан очень давно засматривается на Амурову-сан, — вкрадчиво сказал Лис. — Одной ночи ему не хватит.

Серые глаза посмотрели на замершую Амурову.

— Но мысли Красоткина услышал не я один, — вздохнул Лис. — Красоткин-сан не

отдался всецело ночи страсти, а ходит по этажам, и теперь нам предстоит бой лоб в лоб.

Предстоит еще один урок. Еще одно лупиндо. С катанами вместо деревянных мечей. В голой коже вместо доспехов из стеганой ткани.

Все из-за цветущих ландышей.

Дверь затряслась под градом ударов.

— Сингенин-сан, — раздался звонкий голос, серебристо чистый, словно горные реки спустились к Андрею под дверь, — и вы, удивившие меня сэме Гардеробщика. Красоткин Сергей говорит с вами. Кто будет говорить со мной?

Лис молчал и улыбался Андрею. Рита спустила взгляд с потолка и тоже смотрела на новичка. На убийцу ее господина.

— Сингенин Андрей говорит с тобой, — крикнул Андрей.

— Рыжая наложница приглянулась и тебе? — голос зажурчал смехом, — из-за нее ты разбудил Охотникова-сан?

Нет. Из — за поиска ответа на неверный вопрос.

— Я не отдам Амурову-сан! — крикнул Андрей. — Ты уйдешь ни с чем.

— Открой говняную комнату, — сказал кристальный голос, — и я уйду с твоей отрезанной головой в руке.

Открыть дверь? Шестеро слабейших воинов клана Охотникова и Андрей против шестерых дайме клана Красоткина. Длинные катаны в узкой комнатухе. Смертельное лупиндо. Урок Истины. Отметку «отлично» заслужат многие.

Почему Лис так улыбается? Неужто слышит и мои мысли тоже?

— Утром все равно выйдете на уроки, так зачем ждать ночь? — струился ручей под дверь, — у тебя уже есть выговор, Сингенин-сан, мало? Хочешь просидеть уроки в комнате и упасть на самое дно? Хотя бы умри с честью.

Волк рыкнул. Андрей сделал успокаивающие вдох и выдох синдо. Грудь и живот медленно поднялись и опустились.

Все в комнате смотрели на Андрея. На замершее лицо с синими иглами. На медленно раскрывшийся рот.

Живо решай!

— Я вызываю тебя, Красоткин-сан! — крикнул Сингенин, — один на один! Оябун против наказанного! Твои кисти удержат мой вызов?

В коридоре тоже есть гляделки. И они видят, как Красоткин и Андрей принудили друг друга к седьмому постулату Долга чести перед именем. Ученик, тем более оябун, не позволит оскорблять честь, мастерство самурая или успехи в учебе.

Красоткин молчал. Лис улыбался. Рита шагнула к Андрею, серая ткань обтянула коленку выставленной вперед ноги.

— Не надо, — сказала девочка, — не дерись за меня.

Русло коридора снова наполнилось звенящим голосом:

— Моя кисть сильнее стали, Сингенин-сан. Уж твою пустую голову она удержит, — журчащий смех, — утром в шестом урочнике встречаемся в холле — там просторно, есть где размахнуться.

Волк зарычал и ударил дубленным лбом об клетку. Прутья зашатались. Пустая голова, значит?

— Это уже не только за тебя, — сказал Андрей наложнице и крикнул в дверь. — Почему утром?

— Я так хочу — сегодня намечалась ночь страсти, а не мечей, — сказал голос. — Не согласен — открой дверь и сразимся сейчас. Все вместе.

Андрей посмотрел на Лиса. Ну и чего ты там наслышался? Кроме хвастовства и криков о пустой голове? Ими все крыло уже разбужено.

Улыбка сошла с узкого лица. Лис два раза беззвучно вытянул губы трубкой и один раз широко открыл рот. ЛЮ-ВУШ-КА.

Андрей прошептал: «И чего?»

Лис кивнул. Андрей от удивления взмахнул рукой и указал пальцем на дверь.

Лис кивнул. И улыбнулся.

Андрей бросил сердитый взгляд на бесцветного сэме. Лис пожал плечами и улыбнулся еще шире.

— Нет! — сказала Рита, но Андрей крикнул облезлой доске:

— Утром так утром. А сейчас проваливай с моего этажа!

Красоткин засмеялся, ровное журчание переросло в громкое бульканье, будто ручей наткнулся на писельники в конце коридора и наполнил их.

— Ты уже метишь территорию? Зря, — сказал оябун, успокоившись. — Мои слуги так же будут сторожить ваших дайме. Не вздумайте напасть на них — за подходами к ним теперь следят двое караульных. Дерзнете — и передадим вас в тисках. Как вишенки. До утра, Сингенин-сан!

Топот ног. Одна пара ступала изящнее остальных. Шагала немного иначе, по-девчачьи что ли?

— Ушли, — сказал ученик, смотревший в глазок, — по крайней мере от двери.

— С крыла, — поправил Андрей, — а теперь и с этажа.

— Тогда мы тоже пойдем, — сказал Лис и посмотрел на Амурову.

— Я остаюсь, — сказала наложница, выступающая коленка почти коснулась Андрея, — коридор у моей комнаты могут проглядывать. Сингенин-сан, не против, а?

— Не против, — сказал Андрей и покраснел. Сегун, да что со мной такое? Никакой невозмутимости. Никакого спокойствия. И это у меня?

Рита низко поклонилась. Сэме вышли из комнаты. Лис задержался в дверях.

— Сэме клана Охотникова тоже придут, — сказал Лис, — утром.

— Уж надеюсь, — буркнул Андрей. — Что будем делать с ловушкой?

— Сначала посмотрим, — улыбнулся Лис, — что Красоткин-сан решит за ночь раздумий.

2

Красоткин не дышал. Никто не дышал в холле на первом.

Еще спускаясь с лестницы, Андрей слышал внизу только вяжущую уши пустоту. Сквозняк шелестел листьями на красной доске. Постукивала стрелка часов. Сторож чавкал едой в конуре. Кроме пустоты, никого. Если только Красоткин за ночь не выучился искусству крадущихся и не освоил технику «мертвого камня». У Андрея ушло на это пять лет.

Вместе с Андреем спускались сэме клана Охотникова. И Рита. Наложница. Безвольная вещь клана.

Почему я отдал свой тюфяк этой вещи? Почему поместил вещь у двери, а сам лег у окна, у сквозняка? Не это ли верный вопрос, сенсей?

После ухода Красоткина и Лиса напряжение в узкой комнате не спало. Наоборот. Как

только Андрей лег на пол не раздеваясь. Как только Амурова скинула кимоно и хакама, на тюфяке растянулось маленькое тело в одной бледно-голубой рубашке. Очень тонкой рубашке. И всю ночь девочка дергалась, поднималась, опускалась, шепталась сама с собой, скребла ногтями выпуклый треугольник, оказавшийся под рубашкой вовсе не треугольником, а двумя шариками, и не просто выпуклыми, а спелыми, наполненными скрытой силой, готовыми вот-вот взорваться так громко, что аж опасно.

А заодно не спал и Андрей. При каждом шорохе наложницы его рука резко хватала катану рядом, ступни поджимались под бедра, тело механически, как кукла, вскакивало на колени, садилось на корточки, и только затем ученик открывал глаза. Чтобы чуть не ткнуться носом в голубые шарики и лечь обратно.

Андрей не доверял Рите, но отдал спальный тюфяк. Не доверял, но не мог оторвать глаз от бледно-голубой рубашки.

Не доверял, но задавался вопросом, могут ли спелые шарики взорваться. Вряд ли этого вопроса ожидал от него Сугияма-сенсей.

За ночь раздумий Красоткин не обернулся в «мертвый камень». В пустом холле беззвучно двигался лишь свет восхода в стекле конуры, вонзал розово-желтые мечи в красную доску, где на багряной поверхности вскрывались, затягивались и снова вскрывались оранжевые рубцы. Полыхали, как крошки ватрушки вчера в волосах Риты.

Андрей пересекся взглядом с Лисом.

— Один в центральном крыле, в конце коридора, — сказал Андрей, — возможно, кто-то еще — в левом.

Холл занимал на этаже все правое крыло. В левое крыло не попасть мимо коридора центрального. Но кому туда нужно?

— Сингенин-сан! — зазвенел чистый голос из глубины крыла. — Я тут! Сразимся же!

По знаку Лиса сэме окружили вход в узкий коридор. В толще бетона звонко ударил родник:

— Ха-ха... Сингенин-сан, один на один же, ты забыл? — заливался смехом Красоткин. — Ничего, скоро я чем-нибудь наполню твою голову. Ты не против крысиного помета?

В тусклом свете ламп далекий ученик скрестил руки на груди и улыбался. В черепашьем панцире на оби болтались ножны с катаной.

— А как же просторный холл? — крикнул Андрей.

— Здесь мы никому не помешаем, — ответил Красоткин, — подходи же.

Острый подбородок Лиса указал на семь тонких дверей между светлым холлом и стройным оябуном.

— В этих комнатах живут члены клана Красоткина, — тихо сказал он. — За какой — то дверью тебя ждут.

Острые катаны. Пчелки с жалами.

Удары в спину, ловушки, западни не позорны, если приносят победу. Позорен тот, кто проигрывает. Тот, кто не готов к бою.

Андрей произнес:

— Мой наставник говорил: когда защищаешься от меча — не замечаешь стрелы.

— Тогда покажи стрелу, — ответил Лис, улыбнувшись, — и мы убьем лучников.

Покажи стрелу, говорили серые глаза. Воткнутую в твой живот. И мы отомстим.

Андрей поправил кимоно на животе и плечах, поднял ногу над тусклой полоской света

у входа в пещеру. Сзади приблизились легкие шаги. Андрей обернулся. Амурова схватила его за рукав. Резко дернула.

— Не смей драться за меня! — прошипела наложница, — я тебе же говорила!

Тонкие губы напряглись, вздернутый носик наморщился. Рита рванула кимоно сильнее.

— Говорила, но ты все равно идешь, почему? Ты слышишь шаги за дверью, но не меня рядом?

Рита дергала черный рукав, а Андрей стоял недвижно на одной ноге. И молчал.

— Почему ты так спокоен? Ты победишь, а?

В зеленых камнях сверкали холодные злые молнии. Рита обеими руками трясла широкий рукав. Касалась самаурая, грубо, без разрешения. Не думая, оскорбится ли Андрей. Не думая, должен ли он теперь свести с ней счеты. Должен?

— Вряд ли, — сказал Андрей. Пальцы Риты разжались, и он шагнул под тусклый свет.

Однажды Амида Сугияма-сенсей рассказал, как один юноша выбрал путь Черного металла.

Первая дверь осталась позади. Плечи Андрея поравнялись со второй. Сергей Красоткин стоял совсем рядом и то же время слишком далеко, чтобы разбудить его от иллюзий.

Четвертая дверь ходила ходуном, тряслась. Там западня? Нет, просто внутри открыто окно, шумит ветер, выдыхает в коридор сильным сквозняком.

У третьей двери Андрей встал. Пора обнажить катану. И приглядеться к дверям.

Сквозняк протяжно выл, скрывал вдохи и выдохи засевших где-то «лучников».

Тогда, однажды, наставник Сугияма рассказывал: когда юноша охотился, на его деревню напали. Всех мужчин перебили, вещал учитель, а женщин пленили.

Красоткин тоже вытянул меч из ножен. Оябун оглядел мятое кимоно и серые грязные ноги Андрея, поморщился, холеная ладонь помахала у носа с ноздрями, выковырянными до блеска.

— О сегун! — вскричал Сергей, — ты хоть бы помылся! От тебя пахнет как от говняшки!

Андрей шарил взглядом по дверям комнат. Не четвертая. Пятая? Дверь оставили приоткрытой, торчащей наружу, облезлая доска слегка дрожала. Ловушка или еще один сквозняк?

— Даже жалко марать катану, — говорил Красоткин.

— Тогда заверни эту брезгливую катану себе в живот, — бросил Андрей. — Поглубже, куда пыль не залетит.

Может, шестая? Ее почти не видно за пятой. Нет, шестая вроде захлопнута. Вроде...

Волк ощутил неуют, стал шастать по клетке, хлестать хвостом по прутьям.

А наставник вещал в том далеком безопасном «однажды»: юноша взял доспехи и меч из каменного склепа и отправился мстить. Доспехи и меч были выкованы из дурного Черного металла.

— Дерзкий? — спросил Красоткин, перекрикивая стон ветра. — Конечно, иначе бы не полез на Гардеробщика.

— Гардеробщик? — переспросил Андрей не слушая. Где же драная ловушка? Лис, ты правда слышал? Точно за дверью ждут? Мог Красоткин придумать эту мысль, чтобы обмануть тебя?

Ветер обдувал ноги, жалобно выл в узкой темнице.

А наставник вещал: черным мечом юноша разрубил броню, плоть и кости врагов,

черные доспехи выдержали удары вражеских мечей и топоров. Когда последний враг пал, сразу за ним рухнул заперто и неуязвимый юноша.

— Так звали Охотникова-сан, — Красоткин поскреб панцирь черепахи на ножнах, — не знал?

— Нет, — сказал Андрей. — Почему же?

И-и-ик.

«Лучник»! За пятой! Слава сегуну, никакой скрытности!

Освобожденные женщины, вешал наставник, раздели героя, сняли доспехи и увидели скелет, обтянутый желтой кожей в пузырях и язвах. Скелет без волос и зубов. С высохшими глазами.

— Охотников раздевал трупы врагов. Догола. Забирал всю их одежду. — Красоткин широко поставил ноги, прицелился катаной в Андрея. — Не волнуйся, Сингенин-сан, с тебя я сниму вовсе не тряпье.

Острие меча целилось Андрею в макушку. Шептало: «Беги же ко мне!» Соблазняло тонким стройным телом: «Сойдемся?»

Теперь можно. Теперь Андрей слышал икоту «лучника». Теперь пора позлить Красоткина. В отместку.

Сугиям-сенсей сказал, что каждый выбирает свой Путь Черного металла, сказал, что в конце концов все платят за этот выбор. Черный металл у всех свой, но плата всегда одна. Жизнью. Всего-то.

Андрей широко открыл рот, слегка зевнул, потянулся.

Тонкие брови над синими глазами Красоткина поднялись.

— Ты смеешь зевать? — закричал оябун, — мне в лицо?

— С Амуровой-сан просто не спалось, — пожал плечами Андрей и еще раз зевнул, — всю ночь как белка прыгала на тюфяке.

— Ты тыкался в нее? — орал покрасневший Красоткин, — в Амурову-сан?

Андрей молчал и зевал. Самурай не врет. Но и не обязан бороться с чужими иллюзиями.

Шея Красоткина взбугрилась, руки вскинули меч над головой.

— Гад! Тресни!

Красоткин бросился на Андрея.

Челюсть Андрея со щелчком захлопнулась, катана взметнулась над растрепанным хвостом. Ноги бросили тело навстречу Истине.

Два ученика летели друг на друга с мечами, вскинутыми для удара сверху вниз, оба стройные, оба синеглазые и черноволосые, похожие, как отражения в двух зеркалах. Грязном и сверкающем.

Плечо Андрея пронеслось рядом с пятой дверью, рядом с черной щелью между косяком и створкой. Правая нога шагнула чуть в сторону, взгляд скользнул по двери туалета напротив. По капле крови возле приоткрытой доски. По капле свежей крови.

Дверной глазок возник в голове Андрея, внутри него самурай раздирал царапину на руке. Быстрая мысль обожгла мозг: кожа в шрамах — ...

Живо развернись! Живо!

... — достойная оправа...

О сегун! Как я медленен! Левую ногу назад. Назад!

Сизый клинок блеснул в черноте. Окровавленная рука вылетела из-за двери туалета.

...для Духа.

Носок левой ноги Андрея коснулся пола. Успел, уф!

Серые лучи выстрелили из темных щелей с двух сторон. Ткнулись жалами в живот и плечо Андрея. Черная ткань порвалась.

Андрей сник, повис на двух клинках. Закачался на сквозняке, как драная тряпичная кукла на нитках.

На миг.

И резко рванулся вперед. Застучал сандалиями, не опуская катану.

Острия мечей распоролы кимоно, соскользнули с тела, пролетели мимо. Остались позади.

Оябун и наказанный все еще бежали. Все еще были отражениями друг друга. И будут. Пока одно из них не разобьют.

Пять шагов до удара, четыре, три... Меч Андрея вовсю опускался, Красоткина — только начал.

Меч чистолюбя ударит только у пятой двери, на стыке жал «лучников». Так рассчитал оябун. Но остановят Сергея раньше, два отражения сойдутся у шестой двери. И Красоткин не успеет ударить.

Два шага. Катана Андрея летела на чистые волосы врага. Высоко вздернутые руки Красоткина дрогнули, в глазах сверкнула бессильная ярость.

Удары в спину, подставы, западни — это Черный металл Красоткина. Собственная западня подвела оябуна, заморозила его меч. Ибо сегодня Черный металл наконец потребовал плату. Жизнью. Ну как всегда.

Один шаг. Катана Андрея со свистом разрубила пластиковую рукоятку, запястья холеных рук, гладкую прическу с хвостиком, изогнутые брови, синие глаза, выковырянный до блеска нос. Разбитое отражение Андрея рухнуло на пол.

Андрей поднял красный клинок и развернулся.

Лис и сэме рубили в коридоре «лучников». Шесть мечей сверкали вокруг двух катан. Одной катаны. Пустоты. Шесть красных мечей победно взметнулись к тусклым лампам.

Еще два трупа в коридоре.

Несколько теней прильнули к устью коридора со стороны Андрея.

— Пусть треснут и эти! — вскричал один из сэме, вытянув клинок.

— А потом порубим сторожей наших дайме! — поддержал другой и сплюнул на труп, усеянный рублеными ранами. На оправу, достойную алмаза.

— Нет, — тихо сказал Андрей. Все повернулись к нему и дрогнули.

Кимоно на плече и животе Андрея распоролось, повисло лохмотьями, обнажив лоснящуюся алую кожу. Шкуру из красной стали. Кожу Демона! Оболочку Мононокэ!

— Хватит, — сказал Андрей Лису. Ушибленные мускулы стонали под защитными пластинами. Ныли и чесались от боли. Нет, чесались от пота и грязи. Никогда не ври, самурай.

— Хватит, — кивнул Лис и посмотрел на три тени в левом крыле, — если с тобой согласятся.

Андрей вздохнул, наклонился и крепко взял белую лодыжку Красоткина. Холодную, как стекло, как зеркало.

Андрей направился к теням, мертвый оябун волочился следом, оставляя красную дорожку с россыпью черепных осколков.

В совсем другом однажды, не связанном с Черным металлом, Амида Сугияма обронил

над телом мертвого мальчика: «Взявшие меч, мечом и погибнете!». Фраза не из бусидо навсегда запомнилась Андрею.

Возможно, в сплаве каждой катаны есть примесь Черного металла.

Три ученика приблизились, два крепких парня и не менее крепкая девушка с золотыми косичками. Парень с разбитыми губами стоял впереди. Самураи Красоткина присмотрелись к Андрею, к красному клинку, к красным брызгам на лице, к красным оцарапанным пластинам в прорехах кимоно. И побледнели.

— Кто ты, демон? — вскричал с разбитыми губами, — зачем спустился Извне?

Андрей отпустил ногу Красоткина. В голове сквозила пустота. Ни одного слова, что могло предотвратить драку с тремя. Как Лис вынудил тогда Лютина отпустить меч? Как заставил подмышки Андрея вспотеть?

— Вы говорите с Андреем Сингениным-сан, — раздался вялый голос сбоку. — Вы говорите с Железногрудым-сан.

Лис вышел вперед и улыбнулся. Сэме Охотникова полукольцом растянулись позади Андрея.

— Проявите уважение, — сказал Лис. — Железногрудый-сан избавил вас от бесчестного оябуна.

— Бесчестного? — прошипели разбитые губы красоткинца, — наш оябун...

— Проиграл бой, — прервал Лис, указывая острием катаны на белые ноги трупа, — и поражением обесчестил себя и вас. Поблагодарите Сингенина-сан. Сейчас же!

Полукольцо сэме сжалось. Красные клинки взмыли вверх, нависли над головами тройцы.

Говоривший самурай Красоткина потянулся к рукояти меча, укусил нижнюю губу. Из засохшей трещины брызнула кровь.

— Беспалый прав, — вдруг сказала блондинка и шагнула к Андрею. Желто-медовые глаза воительницы вгляделись в синие иглы, стянутое резинками золото на ее голове качнулось.

— Человек ты или демон, неважно, — сказала девушка и опустила голову. — Благодарю, Сингенин-сан.

Два парня из клана Красоткина переглянулись, но блондинка стояла недвижно, с опущенной головой, и они тоже слегка поклонились, прошептали благодарность. За убийство их господина.

— Уведите сторожей с этажа дайме, — сказал Андрей, — и мы в расчете.

— Иначе в клане Красоткина еще убудет самураев, — добавил Лис, — очень скоро.

Девушка выпрямилась, ростом она была с Андрея.

— Мы уведем, — сказала блондинка.

— Успейте до построения, — махнул увечной рукой Лис. Но девушка не тронулась с места. Янтарные глаза смотрели только на Андрея.

— Ступайте, — эхом отозвался Железногрудый.

Блондинка кивнула. Три самурая Красоткина направились к лестнице в левом крыле.

Андрей огляделся. Сэме стряхивали рубиновую краску с клинков, Лис задумчиво тербил обрубленные пальцы, в глубине коридора сияли медью волосы Амуровой, вновь ожившие зеленые камни на бледном лице печально смотрели на убийцу двух оябунов.

«Это мой клан! — вдруг ошарашило Андрея, — у меня снова появились одноклассники!»

Волк облизнулся.

1

Рита с подносом следовала за Андреем по столовой и говорила:

— Зачем я тебе?

Круг жизни повторяется. Вчера на обеде, когда Рита под села к Андрею, он задал ей тот же вопрос.

На подносе стояла тарелка овсянки с воткнутыми в густую кашу палочками, большой желтый сырник на блюде и компот.

Рита не переставала говорить:

— Теперь тебе обязана я. Зачем я тебе? Что ты хочешь?

Серая форма Кодзилькинской школы свернулась складками на локтях Андрея. Он тоже нес поднос с овсянкой, сырником, компотом. Андрей и часть клана оранжевых повязок успели одними из первых на завтрак.

Андрей обошел две трижды ломанные черты на полу у раздаточной ленты. Две черты из тел пятиклассников — они тоже успели первыми к раздаче.

Рита двинулась напрямик, перешагнула трупы, не глядя вниз. Черный сандалик шлепнул по луже крови, вытекшей из распоротого кимоно мальчика. Белые пальчики на ноге наложницы слиплись от красных брызг.

Позади остались столы двухмордых, Черных Змеев и молниеносцев клана Райдэна. Десятиклассники и одиннадцатиклассники жадно ели соскальзывающую с палочек овсянку, быстро хватая зубами вязкие кусочки, пока каша не упала обратно в тарелку. Никакой опрятности.

Андрей сел за пустой стол в стороне от оранжевых повязок. Вряд ли он и Лютин усидели бы за одним столом. Рита примостилась напротив. Она смотрела на Андрея.

— Я еще не решил, — сказал Андрей.

Рита накинулась на сырник, умяла желтый кружок в два укуса. С приподнятого сандалика девочки капала кровь.

Один урочник назад вся старшая школа собралась на построение на площади у стойки с густо-черным колодцем.

Под флагом учеников ждал Зенин. Учитель следил, как оябуны ведут переключки своих кланов.

Андрей стоял в стороне от клана Охотникова, вымытый, причесанный, с гладким хвостиком, новая серая форма Кодзилькинской школы скрывала всю тощую фигуру, кроме острых плеч. Пережиток старой формы — ярко-красный оби — плотно охватывал талию.

Перед построением в комнате Андрея Рита помогла стянуть с него рваное черное кимоно, затем две кожаные перевязи с четырьмя красными пластинами. Под пластинами открылись худые плечи и твердый живот.

Рита раздевала Андрея, потому что была обязана ему жизнью. Такой долг сложно оплатить.

— Теперь ты мой господин, — сказала Рита, — теперь я — твоя.

Левая сторона живота и правое плечо Андрея покрылись фиолетовыми пятнами. Такого же цвета ненадолго стали и губы Риты, когда Андрей разбудил Красоткина. Когда наложница стала принадлежать Андрею. Убийце ее предыдущего хозяина.

Если перед ударами «лучников» Андрей не успел бы стать в стойку, жала не соскользнули, а пробили бы тонкие пластины и у Риты сейчас бы был другой господин. Сейчас она раздевала бы Красоткина.

Рита расстелила на тюфяке новую форму Андрея, разгладила руками складки на жесткой ткани.

— Ты не знал, а? — спросила Рита. — Что победишь?

Памятка бусидо. Долг чести перед именем. Постулат восьмой: «Ученик без рассуждений и без страха бросается на вражеские мечи, если того требует долг».

— Я не вижу будущее, — сказал Андрей, — и не слышу чужих мыслей.

Рита наклонилась и стянула к сандалиям его черное хакама. Холодные пальцы наложницы коснулись голых бедер ее господина. Андрей вздрогнул.

— Не волнуйся, Сингенин-сан, я часто одевала Охотникова-сан, — сказала Рита, — и раздевала.

Амурова села на пятки. Андрей по очереди поднял ноги, и наложница сдернула грязную тряпку. Медные волосы Риты рассыпались по ногам Андрея.

Ученик беспомощно посмотрел на катану, оставленную у стены. Волк усмехнулся.

«Меч для этой битвы и так при тебе, — сказала зверюга, — смотри-ка, да он вот-вот выпрыгнет из ножен».

— Если тебе неловко стоять одному голым, я тоже могу раздеться, — предложила Рита.

Как раздевалась перед Охотниковым?

— Нет, скоро переключка, — сказал Андрей, — позволь мне одеться самому.

Рита низко опустила голову, густые волосы упали на грязные ступни Андрея.

— Не понимаю, тогда зачем ты дрался за меня?

Потому что мое сердце вылеплено из глины. Этого, конечно, он не сказал.

На переключке оябуна клана Охотникова заменял Лютин. Глеб читал фамилии с тетрадки и ставил «галки» напротив, когда раздавалось громкое «я».

Лис стоял рядом с Андреем и шепотом называл главные в школе кланы.

Семь высоких здоровяков с чернильными мордами демонов на спинах учились в 11 «А» и составляли клан Они — так сказал Лис. Впереди по правую руку от оябуна Губительного Вихря стояла огромная онна-бугэйся Сомова.

Еще столько же учеников в том же 11 «А» носили вышитые на форменных рукавах синие зигзаги молний — Лис сказал, это знак клана Райдэна.

Один из самых больших и грозных кланов — Черных Змеев — включал весь 10 «А» из двадцати учеников, а также, сказал Лис, дюжину девятиклассников, плененных и под пытками присягнувших «змеям». А еще сонм наложниц из девярых, восьмых, седьмых классов.

На площади зычный голос оябуна Черных Змеев перекрывал все прочие. О сегун! Огромный и мощный, как дуб, десятиклассник Усами Ахметов казался достойным служить главнокомандующему уже сейчас, не дожидаясь выпуска. Перевязь с тяжелым изогнутым тати в подтверждение качалась у оби на ветру. На мощной шее чернела наколка толстой змеи — такая запросто заглотила бы и крысу. Густая курчавая поросль бороды и бровей окружала горбатый нос и злые, ядовитые глаза. Осью бычьей туши могло быть только сердце из чугуна. Или булыжник.

После переключки оябуны поднесли Зенину листки с «галками» и вычеркнутыми фамилиями — мертвецами. Учитель с вежливой улыбкой забрал листы.

Затем над площадью грянул единый слитый ор из сотен глоток:

«Жизнь — ничто, правое дело — все!»

Птицы в грязном разрытом небе поддержали ор испуганным клекотом.

В столовой на завтраке Черные Змеи встали из-за столов и направились к выходу вслед за своим оябуном-великаном. Между высокими спинами семенила Марина Ягодка, сразу за наложницей следовал ее охранник — Авраам Выгузов.

Шедший за Выгузовым курносый самурай отбил от клубка Змеев, повернулся к почти пустой столовой и хозяйским взглядом оглядел столы. Самурай заметил почти нетронутую овсянку Андрея и стремительно двинулся к нему.

Как только в поле зрения Андрея вырос змееносец с ладонью на оби, восьмиклассник подбросил вверх палочку для еды и резко выхватил меч.

Змееносец видел, как палочка вдруг взлетела над столом, один раз моргнул и резко встал на месте. Палочка будто сама по себе раскололась в воздухе, две одинаковые щепки упали на пол.

Катана восьмиклассника недвижно сидела в ножнах, только его правая рука крепко держала рукоять.

Восьмиклассник резко повернулся на стуле и глянул змееносцу в глаза. Быстро, колко.

Змееносец свернул к выходу. Глядя на дерзкого с обещанием скорой встречи.

Рита взглянула на щепки на полу.

— Ты очень быстрый, Сингенин-сан, — сказала Рита, слизав желтые крошки с кончиков пальцев. — В старой школе тебя тоже называли Железногрудым?

Еще до утреннего построения Андрей спросил Лиса:

— Железногрудый?

Катаны целились в плечо и живот.

Лис улыбнулся, его ухмылка всезнайки начинала бесить.

— «Железнобрюхий» пришло первым в голову, — сказал сероглазый, — но мне не хотелось, чтобы ты разбудил меня за неуважительное прозвище.

В столовой зеленые камни смотрели на сырник Андрея.

— Нет, — ответил ей Андрей, поднял блюдо с желтым кругом и поставил Рите на поднос, — кое-кто называл меня Широкооротиком.

Рита не притронулась к сырнику.

— Твой долг передо мной и так огромный, — сказал Андрей, — от этой лепешки немного изменится.

Рита расцвела, словно получила подарок, и нежно взяла сырник.

— Уверена: все они мертвы, — сказала Рита. Маленькие ручки бережно заворачивали кружок в складку оби. Про запас.

— Кто? — спросил Андрей. Темно-серая ткань завернулась вокруг кружка раз, второй. Получился выпиравший на талии серый комок. Как вчера с ватрушкой.

«Обожаю ватрушки и творожники», — сказала Рита день назад.

— Конечно же — те, кто посмел называть Сингенина-сан Широкооротиком, — сказала Рита сейчас.

«...но иф рефко рафдают, — говорила Рита вчера с набитым ртом, — и я вфсефта съефаю срафу, как получфу на расфдаче».

Сегодня Рита умяла свой сырник со скоростью, с которой Андрей выхватывает катану.

«...Ужафно, а?»

— Кто дал тебе вчерашнюю ватрушку? — резко спросил Андрей.

Зеленые камни застыли. Рита держала складку в руках и не двигалась.

Если Охотников, то зачем? Зачем баловать безвольную вещь жестокому оябуну, раздевающему вражьи трупы догола? Ведь его-то сердце не вылеплено из глины.

Андрей вскочил из-за стола и навис над Ритой.

— Кто дал ватрушку, что ты поделила со мной? — повторил Андрей, и рука сжала катану. Рита побледнела. Медная челка упала на глаза. Медно-ржавая челка, немного темнее, чем красное хвостище Гардеробщика.

Слова Лиса стучали в голове Андрея: «...отобрал у меня оябуна. Отобрал Охотникова у родного ему человека».

Отобрал. Отобрал. Отобрал. Стук сотен рук по доскам сцены. Тук-тук-тук.

Очередь свинцовых плевков по стеклам школы. Тра-та-та-та.

Я отобрал у Риты не просто господина. Родню?

— Кто? Живо говори! — крикнул Андрей и почти потянул катану из ножен.

Волк поднялся на задние лапы, когти заскоблили по прутьям.

— Сингенин-сан, — вялый голос прозвучал совсем рядом.

Лис приблизился к столу Андрея, узкое лицо опустилось.

— Я прошу прощения у тебя, — сказал бесцветный и потеревил обрубки пальцев.

— Неужели? — глухо прорычал Андрей. Лис внимательно посмотрел на него.

— Говори же! — сказал Андрей, сжав до треска пластмассовую рукоять.

— Я воспользовался твоим мечом против Красоткина-сан, — сказал Лис, — и умолчал, что Амурова-сан — сестра Охотникова-сан.

— Не только ты, — бросил Андрей и впился взглядом в девочку. Когда наложница собиралась исполнить кровный долг мести? Сегодня утром, когда отпустила рукав кимоно Андрея, и он шагнул под тусклый свет коридора в ловушку Красоткина? Или собственной рукой ночью, когда скреблась на тюфяке, проверяя бдительность Андрея?

Рита мягко улыбнулась. Как обычно, одними губами.

— Я все равно должна тебе. Сейчас я — твоя, господин.

— Да пойдите все прочь! — крикнул Андрей, сам развернулся и прошел мимо Лиса — к выходу.

Лис и Амурова молча смотрели ему в спину.

2

Руки Андрея набрали очередную горсть мелкого щебня, сильно и плотно сжали в ладонях камушки, чтобы не рассыпаться. Острые края твердых зерен впились в кожу. Быстро-быстро ладони скинули дробленый камень в стоявший мешок, наконец наполнив его полностью.

Андрей отряхнул ладони и присел на пятки спиной к набитому камнем мешку, потянул его тряпочную горловину через плечо, прямая спина наклонилась вперед, и ноги резко выпрямились. Грузный мешок сдавил плечи и спину, дернул вниз, согнул колени, но Андрей удержал тяжесть и медленно засеменял от рваного края площади к сетке ограды. Сухая замерзшая полынь скрипела под сандалиями, царапала лодыжки, спутывала ноги, грозя уронить. Грозя придавить мешком насмерть.

Навстречу Андрею шли восьмиклассники и девятиклассники с пустыми мешками — снова наполнить зернистым отсевом, прошагать обратно двести локтей и высыпать в кучу у сетки. Каменной пылью серели лица и руки учеников, грязная кожа сливалась со школьной

формой.

Так проходила Полезная работа в Кодзилькинской школе Катаны после обеда по воскресеньям, и, судя по расписанию, еще по вторникам и четвергам. Местные ученики не слышали не только о правильных техниках владения мечом, но и о тележках с лопатами.

Правую ногу вдруг пригвоздило к земле. Андрей резко дернул ею, и полынь, обмотавшую ступню, вырвало с корнем.

Впереди на колючей траве распластался ученик. Прибитая мешком спина не двигалась, руки и ноги беспомощно шарили по земле, как у раздавленного, но еще живого таракана. Если до конца Полезной работы ученик так не поднимется, кто-нибудь щедрый его разбудит.

Рыскавшая по земле рука зацепилась за стебли повязкой. Оранжевой.

Проходя мимо ученика, Андрей остановился и надавил ногой на мешок. Ученик уперся локтями в землю и поднатужился. Мешок соскользнул в траву.

— Мой долг теб... — начал ученик, но Андрей посеменил дальше, не слушая.

Безрассудность пропитала здесь все: ученики бездумно сражались, учились бесполезным предметам, резали друг друга ради наложниц, ели овсянку палочками.

Верный вопрос, учитель, это почему бесполезная работа называется Полезной?

Или почему Андрей никогда не видел чьих-либо брата или сестру, кроме Амуровой с Охотниковым?

Андрей дошел до кучи камней у сетки и с облегчением опустил мешок.

Бум.

С каменных осколков поднялись серые клубы пыли и окутали Андрея. Глаза защипало от множества маленьких острых уколов.

Сквозь серое облако к куче разбитого гравия подошла Амурова с полупустым мешком на плечах. Наложница все еще держалась рядом с Андреем, хоть он и не обращал на нее внимания. А за Амуровой по пятам семенила Гера Ява, ученица 8 «Б». Набитый под завязку мешок почти придавил Яву к земле, но худая девочка, похожая на скелет, упорно тащилась к куче. На тонкой руке Явы болтался шнур из серых ниток: знак клана Зотова.

Андрей сыпал щебень из мешка и смотрел мимо Амуровой. Гера сбросила груз, погладила широкой ладонью плечо Риты.

— Ты — грязная, — сказала девочка-скелет, — вечером я могу вымыть тебя. Могу вылизать тебя. Всю-всю.

Андрей упорно смотрел в сторону. Делал вид, что высыпать щебень очень трудно. Настоящий подвиг для самурая.

Рита перевернула свой легкий мешок вверх дном и покачала головой.

— Благодарю, Ява-сан. Не нужно.

— А потом ты вылижешь меня, — не слушая ее, Гера потянулась грязными пальцами к тонким губам Риты. — Вот этим розовеньким язычком.

Андрей смотрел в пустой мешок. Точно все высыпал? О сегун, кажется, в складках у дна остался камушек!

Наложница отдернулась от грязной руки. Рита развернулась и быстро зашагала по хрустящей под ногами полыни, сжимая в руках мешок.

Гера слизала серую пыль с нижней губы и побежала за Амуровой. Девочка-скелет знала, что Андрей не станет защищать наложницу.

Утром после завтрака на уроке чаепития 8 «Б» пил ярко-зеленый чай с химическим запахом. Горячий напиток обжигал глотку, в голове от выпитого становилось дурно. Весь

урок механический голос из железной коробки на учительском столе повторял постулаты бусидо.

Долг послушания учителям школы Катаны. Четвертый постулат: «Ученик всегда отводит взгляд и стоит неподвижно, когда на него смотрит учитель, страж или уборщик».

Затем на перемене в классе Круга жизни Гера окликнула Андрея. До урока оставалась столовка. Ученики 8 «Б» стекались в класс, у некоторых на кимоно темнели пятна. Случайно вываленная на штаны овсянка. Или кровь.

— Железногрудый-сан! — Гера вонзилась острым плечом Андрею в грудь и прошептала в ухо: — Потыкаемся вечером, м-м-м?

Даже если бы Гера громко сказала эти слова, учитель Сухой не сделал бы замечание. Шла перемена.

Ученики в классе тоже не обратили бы внимания. Лицо Явы — это лицо черепа, покрытое желтыми листьями, а тело — куча острых костей. Любой предпочел бы скорее тыкаться в древесное дупло, чем в эти желтые кости.

Андрей шагнул назад, и Гера, потеряв опору, чуть не упала.

— Не приближайся, — сказал он.

Прозвенел звонок.

Сухой-сенсей раздал всем розги и разбил класс на пары.

Тихим хриплым голосом учитель приказал ученикам внимательно следить за своей парой. Приказал: стоять на одной ноге и сечь напарника каждый раз, когда тот опустит ногу.

В пару Андрею достался Лютин. Рука короткостриженного возбужденно потеряла пучок розг с деревянной ручкой.

Сухой включил черную коробку на учительском столе. Бархатистый голос из ящика произнес:

— Ученик школы Катаны живет ради достойной смерти. Жизнь — это иллюзия, смерть — Истина.

Глеб размахнулся розгами и ударил. Андрей едва успел прикрыть руками лицо. Руки и предплечье остро резануло. Сильно толкнуло в сторону, тело чуть не подкосило, но Андрей удержался, не опустил вторую ногу.

— Обезумел? — крикнул Андрей. — Я не вставал на обе ноги!

— Неужели? — ухмыльнулся Глеб и снова размахнулся.

Мягкий чистый голос в черной коробке читал:

— Ученик привязан к Колесу жизнью и смерти. Жизни — спицы Колеса, их много...

Древесные прутья стегнули по плечам и рукам Андрея.

— ...Смерть — ось Колеса, она одна. А значит: смерть неповторима. Значит: смерть — Истина.

Глеб сек розгами не останавливаясь, под сыпавшимся на кимоно и кожу градом Андрей успевал лишь закрывать ладонями глаза, оседая ниже и ниже.

— Ученик стремится в Великое Извне за пределами Колеса...

Под ударами розг поднятая нога вместе с телом опускалась все ближе к полу.

Андрей смотрел сквозь пальцы на Сухого-сенсей.

Учитель прошел за спиной Глеба. На старом морщинистом лице была скука.

Сугияма-сенсей, чему сейчас меня учат?

Пучок розг хлестнул по голове, один из прутьев треснул, отскочил к Сухому под ноги.

Мягкий голос читал:

— ...Единственный путь в Извне — спуститься по оси. Единственный путь в Извне — достойная смерть.

Широкоротик, хватит унижаться!

Андрей встал на обе ноги, увернулся от новой порции розг. И выстрелил телом вдоль повисшей в пустоте руки Глеба, ребро ладони рубануло влево и вниз — по наглой шее.

Лютин-сан, еще не расхотелось по сонной артерии? На!

Мягкий подкожный канат прогнулся под твердой кистью. Вмиг заснувший Лютин рухнул на пол.

— Что за хмхрмх? — прохрипел тихо и неразборчиво Сухой-сенсей. Неудивительно, что глуховатый Косолап-кун, по словам директора, не подошел учителю как ученик. Мало кто подошел бы.

Андрей поклонился и поднял правую ногу.

— Сухой-сенсей, Лютин-сан мешал мне заниматься, — сказал Андрей. — Через пятнадцать столовок Лютин-сан проснется, и, если будет наглеть — я усыплю его снова до конца урока.

— Это слишком нопхыхн... — просопел Сухой, но без гнева и отвернулся.

Андрей поерзал ногой, встал поудобнее и погрузился в медитацию, а черный ящик читал по новой:

— Ученик школы Катаны живет ради достойной смерти...

Нет! Ради достойной Цели!

На перемене перед вторым уроком — бусидо — Гера Ява снова приблизилась к Андрею.

— Знаешь, — сказала она, — все эти девушки, красивые как мечта, что самураи в легендах встречаются в глухих пустошах и на больших холмах, все эти духи-лисицы, демоны-барсучихи, с белой кожей, большими грудями и губами-пухлячками — все они насадились бы на тыкалку любого, кто к ним бы забрел. Понимаешь? Любого! Плевать на чью — князя, бездомного — они просто хотели насадить себя на сраную тыкалку!

— Мне плевать, — сказал Андрей. Рядом держалась Амурова и смотрела в окно. Ява взглянула на нее.

— Плевать на девочек? — Ява облизнула сухую оранжевую пленку губ. — И на Амурову-сан?

— Плевать! — повторил Андрей громче, чтобы Рита тоже слышала, и зашагал к парте.

На уроке бусидо завуча Буглака спросил Серали Султанов, смуглый дайме с оранжевой повязкой:

— Сенсей, прошу, скажите, как правильно сопроводить в Путь решившегося ученика?

Буглак развалился за учительским столом, спинка стула скрипела под грузным телом.

— Султанов-кун! — крикнул завуч. — Ты доучился до восьмого класса и до сих пор не знаешь, как сопровождать в Истинный Путь?

— Знаю, сенсей, — смуглые скулы ученика слегка порозовели, — но в прошлый раз, когда я отрубил голову Ампутейкину-сан, после того как вы, сенсей, снова пристыдили его, в пятый раз назвав Импотенкиным-кун...

— Помню сам, — буркнул учитель, — задавай вопрос, Султанов-кун!

— Ампутейкин-сан совершил сэппуку в коридоре. Затем я отсек его голову, и она укатилась под ноги директора, замарала кровью его сандалии, — Султанов поджал губы. — И с тех пор я мучаюсь вопросом, верно ли я поступил?

— Я мучаюсь вопросом, правильно ли рубить полностью? — продолжал Султанов. — Если бы на шее Ампутейкина-сан остался тонкий кусок кожи, голова повисла бы на нем, как на веревке, и ступни директора не запачкались бы.

Когда ученик школы Катаны решает достойно умереть и встает на колени, над ним поднимает меч другой ученик, его соклановец. Решившийся ученик вспарывает чрево, демонстрируя миру чистый Дух, скрытый в грязных кишках, и в тот же миг меч соклановца опускается на склоненную голову, рубит с плеч. Никто не успевает увидеть муку на лице убитого.

Это не касается отчисленных. Наказанных учеников не сопровождают в Пути, все видят на их лицах стыд и страдание. Слезы и боль. Головы отрубают лишь после смерти.

— Бред! — крикнул Буглак. — Конечно, рубить надо полностью. Никаких полумер! А директор — ничего, оботрется.

Ученики одновременно заскребли ручками по тетрадкам: ...оботрется.

Буглак велел Марине Ягодке прочитать классу легенду о подвиге самурая во время штурма замка Хара.

И Марина рассказала, как на гонца-самурая напали враги во время доставки сообщения от господина передовым отрядам. Самурая перехватили, ранили в плечо и забрали письмо. Опозоренный, он совершил сэппуку.

Андрей покачал головой. Амида Сугияма по-другому рассказывал легенду о штурме замка Хара. После ранения самурая поднялся, догнал и покарал обидчиков, а письмо доставил господину — так рассказывал наставник.

В Кодзилькинской школе Катаны достойная смерть была господином у достойной цели. Здесь учили совершать сэппуку при первых же трудностях.

Груда гравия вздымалась к красному вечернему солнцу. Группа учеников высыпала щебень из мешков. Андрей стоял в центре пыльного облака и всматривался в два размытых силуэта на полынном поле. Тонкая высокая тень прилипла к низкой.

Вспомнилось, что Гера Ява достаточно сильна и носит катану. Амурова либо подчинится озабоченной уродине, либо умрет.

Андрей ничего не должен Амуровой, это наложницу связали два противоречащих долга ему — благодарность за спасение и месть за брата. Но сердце у Андрея сейчас бешено стучало.

Раздался тихий вскрик за пеленой пыли.

Спокойно, ученики оставили мечи на крыльце. Амуровой сейчас ничего не грозит. Кроме того, что Ява вылижет языком пыль на спелых шариках Риты.

Волчья морда внутри оскалилась.

Проклятье, почему меня это волнует? Андрей дернул волосы на голове.

Широкоротик, живо выбирай.

Но я уже выбрал! Когда дрался с Красоткиным. Никакой памяти.

Тогда живо действуй.

И Андрей вылетел стрелой из облака пыли.

Серые пальцы Геры стиснули руки Риты, острые колени прижались к бедрам наложницы. Желтый череп тянулся к спокойному лицу, глаза на рябом лице Явы лихорадочно блестели.

— Ява-сан, — ровно сказала Рита, — ты почти оскорбила меня. Отпусти.

— Иначе что? — ухмыльнулась Гера, — У тебя нет катаны, наложница. Только пустые

ножны между ног. Влажные нежные ножны, м... Хочешь, я их наполню?

Сбоку возник Андрей. Убийца оябунов схватил кисть Геры и вывернул лучезапястный сустав наружу. Тело Геры резко обмякло — защитный инстинкт против перелома, — послушно перекувыркнулось прочь от Риты.

Прежде чем Гера уткнулась в полынь тонким носом, Андрей дернул ее за острое плечо вверх, удержав на ногах. Никакого урона чести Явы. Никакого повода для мести.

— Не прикасайся к ней, — бросил Андрей.

Гера стояла в растопырку и в шоке смотрела на Андрея. Плоская грудь вздымалась.

— Тебе же плевать! — крикнула Ява. — Ты сам сказал!

Пыль скрыла краску, вспыхнувшую на щеках Андрея. Он надеялся.

Нет ничего позорнее, чем нарушить первый постулат Долга чести перед именем. Чем обличить себя во лжи.

— Амуро́ва-сан — моя вещь, — сказал Андрей единственное, что могло хоть как-то оправдать. — И еще не отплатила мне долг. А так-то мне плевать.

Из окна школы раздался крик учителя Зенина:

— Ученики, вы не работаете? Что-то случилось?

Сингенин, Ява, Амуро́ва одновременно поклонились школе, крикнули:

— Нет. Простите, сенсей.

И двинулись за новыми порциями отсева щебня. Ветер раздувал кимоно и пустые мешки в руках.

Амурова шла сзади почти вплотную к Андрею. Наложница. Его вещь. Так он сказал, и теперь это должно стать правдой. Самурай ведь не врет.

1

Андрей не дышал, пока умывался в туалете на восьмом этаже общежития. Писельники, умывальники, подмывальники, плитка пола в мокром порошке — отовсюду поднимался запах ненастоящей морской свежести. Запах иллюзии. Запах обмана.

Самурай обязан быть чистым, и Андрей спешно смывал каменную пыль с лица и волос. Пока не закончился воздух в легких. Еще нужно успеть набрать бадью, чтобы сполоснуться у себя в комнате. В туалетах никто не подмывался, ибо позор покрывает не бьющего в спину, а неготового к бою. Попробуй-ка останови полет острой стали только намыленными руками.

В комнате Андрей свет не включил, плотно задернул тонкие занавески на окнах. На ниндзюцу учили: чтобы видеть в кромешной тьме, погрузись в нее, живи в ней, созерцай каждый день, хотя бы пол-урочника или урочник. И тогда ты привыкнешь к мраку, станешь частью непроницаемой ночи. Или она — твоей? Как-то так.

Андрей подошел к стене, руки сжались в кулаки и нанесли серию прямых ударов по бетону. Костяшки покраснели и зачесались — значит, покрылись очень маленькими, незаметными трещинами, ночью затянутся, зарастут новой костной тканью, тверже и толще. Уже завтра удары будут не так отдаваться в нервных волокнах, даже если разобьешь кулаки в кровь об лобовую кость очередного наглеца — никакой боли. Для Андрея, не наглеца.

Пол-урочника растягивал мышцы, приседал, вытягивал катану из ножен с позиций стоя на коленях и сидя с ногами крест-накрест. После Андрей встал на руки, вытянулся свечкой, носки нацелились в потолок. Локти согнулись, руки отпустили пол, правое плечо и ухо вдавило в холодный пол. Дыхание выровнялось, почти прекратилось, Андрей умер на три урочника. Стал «мертвым камнем».

Стук в дверь.

Андрей созерцал тьму и не шевелился.

Снова постучали.

— Сингенин-сан, ты здесь, а?

Носки Андрея дернулись, центр тяжести отклонился в сторону, и ученик грохнулся на пол.

Как только Андрей открыл дверь, яркие разноцветные пятна замельтешили в глазах, он ослеп, потерялся в пространстве.

— Сейчас ночь, — сказала Рита.

В глазах Андрея рябило от удивительных сочных красок, ученик шагнул назад, в спасительную темноту.

Яркие пятна. Оранжевый, зеленый, песочный, желтый... И, конечно же, красный. Как человеческая кожа, вывернутая наизнанку.

Рита вошла в комнату.

— Тут темно, — сказала наложница, — я включу свет?

Щелкнул выключатель. Андрей бешено тер глаза и отступал спиной к окну. Амурова шагала следом, почти наступала ему на носки. Андрей слышал, но не видел.

Где он? В грязной серой комнатушке или дворике с оранжевыми качелями и голубым небом? Вдруг школы Катаны — просто иллюзии, бред, что увидел маленький мальчик, упав с качелей?

Низкий подоконник ткнулся Андрею в ноги. Амурова встала почти вплотную.

— Господин, прими мой дар.

Андрей опустил ладони.

Цвета приняли формы. Тонкие плечи Риты обтянули широкие банты, желтые, как песок из песочницы во дворе с оранжевыми качелями. Тонкую шею изящным изгибом обхватил короткий шарфик — кусочек голубого неба между кудрявыми как детские головки облаками. Две ярко-оранжевые тесьмы завязались пышными узлами вокруг оби, украсили осиную талию. Или пчелиную?

Медноволосая голова покорно склонилась, нежные руки протянули Андрею стопку полотен с цветными рисунками.

Андрей взял яркие полотна, коснулся тонких зеленых крон под размашистыми штрихами багрового солнца. Пальцы погладили засохшую краску, шероховатую на ощупь.

— Как? — выдохнул Андрей, — как ты все это создала?

Андрей положил полотна на тюфяк и принялся раскладывать рисунки.

— Значит, тебе понравился мой дар, господин. — Рита улыбнулась.

Андрей встал на колени, наклонился, почти коснулся носом нарисованной ветви с россыпью красных вишен поверх синей листвы.

— Краска состоит из связки и красителя, — сказала Рита. — Для прозрачных голубых облачков и дождевых луж я взяла как связку воду из-под крана.

Андрей потрогал лужу у коричневых стволов. Сквозь легкую воздушную пленку просвечивались поры ткани.

Рита смотрела на ухо Андрея.

— Господин, разреши спросить: почему твое ухо пухлое и красное, как раздавленный помидор?

— Я тренировался, — сказал Андрей, поглаживая синюю листву масляных деревьев.

— Как на уроке Круга жизни? — сказала Рита. — Бил себя по уху?

— Нет. — Андрей коснулся пульсирующего шара на голове. — Я тренировал технику «мертвого камня» в самой неудобной позиции.

— Разве, чтобы стать мертвым как камень, нужно готовиться? Недостаточно просто воткнуть в живот меч?

Рот Андрея раскрылся, а Рита сказала:

— Я ни разу не видела живого ученика с клинком в теле.

— Это другое, — попробовал объяснить Андрей, но замолк. Для местных учеников все, что не помогало нанизать себя на меч, не имело смысла.

Рита пожала плечами и указала на рисунки.

— Если вместо воды взять масло или яичный желток, получатся насыщенные цвета, — сказала Рита. — Желток делает краску более матовой.

Как тусклая синяя туча над темно-зелеными мазками леса.

— И ты даришь все эти миры мне? — спросил Андрей. — Почему?

Рука наложницы почесала грудь, голубые спелые шарики — вспомнил Андрей. Волк заурчал.

— Я не остановила тебя, когда ты решил драться с Красоткиным-сан, — сказала Рита, голос ее дрогнул. — Брат всегда говорил, что я слаба. Тело Стаса никогда не покрывалось позорной ржавчиной, как мое, он всегда соблюдал бусидо, был сильным. Но я все испортила. Теперь брат мертв, я слаба и принадлежу тебе.

— И ты будешь служить мне? — спросил Андрей. — Я убил твоего брата и оябуна.

— И спас мне жизнь, — сказала Рита.

— А долг мести?

Рита подошла к Андрею и посмотрела на него сверху вниз.

— Не беспокойся, Сингенин-сан, — сказала девочка, — пока я не расплачусь с тобой за спасение, пока не верну себе мою жизнь, долг мести подождет.

Челюсть волка затряслась от лающего смеха.

На многих картинах густыми масляными красками были нарисованы разноцветные лисы: рыжие, серые, желтые, черные, даже зеленые. На дальнем полотне желтая лиса извивалась возле двух вертикальных черных палок. Большой темный круг стоял на этих палках-ногах, взирал прямо на Андрея красными, как у волка, глазами, угрожая двумя сизыми полосками в трехпалых руках. Таким чудовищем Рита представляла Круг жизни, или Колесо жизней и смерти.

Темный круг посередине разрезала красная линия. Улыбка цвета засохшей крови.

— Как ты получила цвета? — спросил Андрей.

Рита встрепенулась.

— А! Стоит стереть луковую шелуху в труху и хорошо смешать со связкой, без комочков, получится оранжевая краска, — сказал наложница. — А если измельчить листья осины или еловые иголки и растворить получившийся порошок с желтком, водой или маслом — выйдет зеленый цвет.

Андрей смотрел на красную улыбку Круга жизни и ждал. Из растворенной в воде глины выходит коричневая краска, а из опавших березовых листьев — Рита потеряла банты на плечах — желтая.

Рита — это Черный металл Стаса Охотникова. Как брат огневолосый всегда оберегал Амурову. Может, Охотников стал оябуном, чтобы защитить сестру, может, поэтому он так рьяно соблюдал бусидо, поэтому стал безжалостным Гардеробщиком. Долг крови требовал. Но в день, когда Охотников заслони плечом Риту от глаз Андрея, Черный металл запросил плату.

Теперь Рита — это Черный металл Андрея.

Из стертых сережек осины, сказала Рита, получается коричневая краска. Или черная — Андрей прослушал. Из душицы...

— А красную? — спросил Андрей. — Как ты получаешь красную краску?

Задумчивая морщинка возникла на белом лобике.

Очистить мышцы от кожи и измельчить. Порезать на маленькие кубики красные внутренности: печень, селезенку, сердце. Или просто вылить кровь из трупов, разбавить с маслом или с желтком. Как же ты получила красную улыбку на круге, Амурова-сан?

— Порубленный корень зверобоя дает ярко-красный цвет, — сказала Рита, — а из опавших листьев клена получается темная, бордовая краска.

Рита принадлежит Андрею, и он обязан защищать свою вещь, пока наложница не расплатится за спасение. Затем Амурова убьет Андрея. Вряд ли у Риты глиняное сердце.

— Значит, листья клена, — прошептал Андрей.

Охотникову нужен был клан, чтобы защитить сестру. Теперь Андрей идет по пути Стаса, и следующий шаг давно определен его предшественником.

Андрей поднялся с колен.

— Мне нужно выйти, — сказал он.

Рита поклонилась.

— Разреши мне повесить картины на стены, господин, — попросила наложница.

Андрей вложил в маленькую ладонь ключ от комнаты и вышел в сумрак коридора.

2

Лис жил в левом крыле на седьмом этаже. Об этом изувеченный ученик сказал Андрею еще до утреннего построения. Когда Андрей еще верил, что обрел свой клан.

Коридор на седьмом был заброшенный, как везде: потеки на стенах, грязный пол с рассыпанным белым порошком, ни одного трупа. Сложно представить, какое гигантское кладбище вместит в себя то неисчислимое количество тел, что за все время увезла тележка уборщиков. Скорее тела сжигали, а прах развеивали по ветру.

Никакого следа. Никакой памяти. Никакого будущего.

Когда Андрей постучал в дверь второй комнаты, тонкая доска распахнулась почти сразу.

— Прощу, входи, — сказал Лис и посторонился.

В комнате Андрей чуть не наступил на ряд темно-серых свертков на полу у стены. Десяток оби, чистых, выстиранных, аккуратно сложенных в несколько раз. Десяток. На восемь больше, чем выдают ученикам.

— У тебя сейчас интересный взгляд, — сказал Лис. Рита посчитала интересным в Андрее только распухшее ухо, но про него бесцветный ничего не сказал.

Андрей смотрел на свертки оби. Задай вопрос о клане Гардеробщика. Задай вопрос с голых трупов, что оставлял после себя Охотников. Задай вопрос, куда девалась одежда с этих трупов.

— Сингенин-сан, — говорил Лис, — скажи, когда ты переводился к нам, ты не взял с собой что-нибудь бесполезное, какую-нибудь безделушку, просто на память? Вещь, что напоминала бы об одноклассниках из старой школы?

— Одноклассниках? — переспросил Андрей, красные глаза волка сверкнули. — Нет, они внутри меня, кое-кто из них.

— Вот как? Ну а я забочусь о соклановцах даже после их смерти, — сказал Лис, — ухаживаю за частью их одеяния, будто это они сами.

Лис сел на корточки и погладил серые холмики на полу. Маленькие могилки, тряпочные алтарики. В этом игрушечном могильнике сохранились последние нестертые следы мертвецов, небезразличных Лису. В узкой комнатушке уместилось целое кладбище из десяти лоскутных склепиков.

Лис указал на ближайший к двери могильный холмик, на который Андрей чуть не наступил.

— А этот здесь появился недавно благодаря тебе, — сказал Лис, — это оби Стаса.

Щеки Андрея покраснели. Драная красная доска. Драное отчисление. Дранные цветущие ландыши.

Лис улыбнулся.

— А сейчас у тебя все лицо стало интересным, — сказал он. — Жаль, что мы потеряли Охотникова. Стас превосходил всех в клане, его тело было крепче меча, а Дух сверкал как луна и направлял нас. Стас заменил мне старшего брата.

— Красоткин-сан назвал Охотникова-сан Гардеробщиком, — сказал Андрей.

— Было у Стаса одно ржавое пятнышко, — кивнул Лис, — его сестра.

Рита.

— Амурова-сан уже показала тебе в своих нарядах? — спросил Лис.

Андрей молчал.

— А рисунками тоже похвасталась?

— Она подарила мне их, — сказал Андрей.

— У? Тогда, Сингенин-сан, у нас с тобой много общего, — Лис погладил холмик на полу, — твоя комната теперь тоже хранит память о мертвых.

Комната Андрея тоже превратилась в могильник, стала чертогом лоскутных алтарей. Порталом в прошлое.

Андрей спрашивал Риту про краски, про цвета, но даже не заметил, что сами полотна серые — точь-в-точь как школьная форма. Иллюзия красок скрыла от глаз Андрея одежду, снятую с трупов.

Согнувшийся Лис гладил лоскутные алтари и говорил, что Охотников баловал сестру. Стас оголял убитых им учеников, а снятую форму относил Рите — рисовать деревья, птиц или что она там калякала.

— Лисиц, — сказал Андрей.

— Плевать, — произнес Лис, — Стаса больше нет, и потакать прихотям Амуровой теперь некому. Ведь так?

И кто учил ниндзюцу? Кто овладел искусством разведки и маскировки, кто контролирует дыхание и движения так, чтобы они были незаметными, тихими, синхронными? Кто учился раскрывать чужие маневры под прикрытием травы, воды, огня? Самурай Андрей или наложница Амурова?

Крадущийся не видит только иллюзию, которой проникся.

— Я лишь защищаю ее как слугу, — сказал Андрей.

Лис взял оби Охотникова и обмотал серый конец вокруг увечной руки, продел между здоровыми пальцами поверх обрубков.

— У каждого в школе Катаны есть выбор, — сказал он, — созерцать или выбрать цель и бороться.

— Моя цель за стенами школы, — сказал Андрей.

— Тепленькая постелька с воздушным одеяльцем? — спросил Лис.

— Что?

— Постелька с воздушным одеяльцем и мягкими пуховыми подушками, в которых так приятно утопает голова? — сказал Лис. — Нет? Или мармеладные змейки? Черная сладкая паста, сгущенное молоко с сахаром?

— Что за бред ты несешь?

— Снова послушать сказку на ночь? — говорил Лис. — Может, намного раньше? Хочешь вернуться в горячую влажную утробу? В водный покой в темноте?

Лис бросил другой конец оби в Андрея. Крепкая рука перехватила пояс, серая ткань натянулась между учениками.

— Синегнин-сан, что же такое безопасное тебя влечет? — продолжал Лис. — Игра в снежки, езда на санках, лепка снеговика? Чего ты жаждешь? Исккупаться в прозрачной речке? Обьесться сочными ягодами? Малиной, или брусникой, или клубникой, а может, черемухой, нет? Покататься на быстрых качелях?

Андрей резко отвел руку назад, Лиса дернуло вперед, притянуло почти вплотную к синим иглам.

— Качели! — выдохнул Андрей. — Ты тоже их помнишь?

— Конечно, помню, — Лис улыбнулся, — но качелей больше нет. Ничего из того

безопасного уютного мирка больше нет. Ни мармеладных змеек, ни мягких подушек, ни влажной утробы. НИ-ЧЕ-ГО. Есть только война сегуна, для которой нас готовят.

— Нет! — крикнул Андрей. — Нет!

Цель самурая. Смысл жизни, он ушел? Теперь я должен умереть?

— Смирись, — сказал Лис, — или построй качели здесь. Вместе со мной.

Андрей отступил к окну, оби, развороченный лоскутный алтарь, снова натянулся.

Или я должен отомстить? Перерезать все дышащие глотки в этой школе? Разрушить всю красоту мира, что прошла мимо? Развести огонь и пустить пожар за стены? Сжечь все изящные сакуры во внешнем мире, все храмовые сады с каменными беседками и чайными домиками? Я никогда не постою в их зеленой тени, не вдохну их цветочного запаха, так зачем они? Найти и убить всех лисиц-девиц с таинственных холмов, что никогда не соблазнят меня? А затем подтереться их холодными стылými грудями?

Снести княжеские замки? Выкопать останки древних самураев и нагадить на гнилые кости?

Волк в клетке шептал: «Да, да, да».

Встречу монаха — убью его. Столкнусь с архатами, гвардейцами сегуна или приверженцем истины — и без колебания убью всех. Если попадутся свободные и просветленные, знающие верный вопрос и верный ответ, те, кто достигли сатори, я убью и этих, буду наслаждаться их агонией, их красными кленовыми слезами. А после помочусь на трупы. Насру в остекленевшие мудрые глаза.

— Помоги мне построить наш новый мир, — сказал Лис.

Я должен сделать это? Вдохнуть дым пожарищ? Избавиться от никчемной роскоши? Сакура в огне — красивая сакура? А мертвые девы — услада глаз?

— Мир? — горько сказал Андрей. — Какой мир? Мы заперты в драной школе.

Он с испугом посмотрел на гляделку под потолком, и худые щеки порозовели.

— Эта драная школа, — без капли краски на лице повторил Лис, — и есть мир. Думаешь, такие, как Красоткин-сан, нам не позволят? Так давай силой принудим несогласных, подчиним, отберем катаны.

Лис шагал к Андрею, наматывая оби вокруг трехпалой руки.

— Оглянись на прошлое, на свои два дня здесь, — говорил он, — ты уже строишь новый мир. В одиночку. Почему ты разбудил Красоткина-сан? Почему защитил Амурову-сан? Я лишь даю тебе клан Охотникова. Возглавь его, и все пойдет быстрее. Я лишь даю тебе то, зачем ты пришел ко мне.

Лис протянул Андрею ладонь, спрятанную под ворохом серой ткани.

— И девятиярусная башня начинается с земли, — сказал Лис.

— А если мы все зарыты под землей?

Сброшены в колодец в черной пустыне.

— Тогда начнем стройку с подвала, — улыбнулся Лис. — У нас есть целых четыре года до выпуска.

Построить или сжечь мир? Написать будущее или стереть прошлое? Толкнуть качели в сторону жизни или смерти?

Андрей пожал руку Лиса. Беспалая ладонь тут же крепко вцепилась в него, стряхнула всю развороченную могилку на кисть Андрея.

— Пусть память о Стасе останется у Сингенина-сан, — сказал Лис, убирая руку, —

пусть хотя бы один из алтарей в твоей комнате будет принадлежать тому, кого ты знал.

Я не знал Охотникова, чуть не сказал Андрей.

Я всего лишь его убил.

3

Рита не заперла дверь. В этой школе, похоже, все ученики мнили себя бессмертными. Если бы они еще при этом не умирали.

Как только Андрей вошел в комнату, сразу застыл на пороге. Непривычным блеском сверкали вымытый пол, приоткрытая оконная рама, белый подоконник, начищенный шкаф на косых ножках. В углу стояли два сложенных рулонами тюфяка, и Андрей чуть не вышел назад, как будто ошибся комнатой. Но яркие рисунки на стенах прошелестели под порывом ветра из окна: «Не ошибся, подойди».

— Значит, опавшие листья клена, — прошептал ученик.

Андрей закрыл дверь, свернул оби Охотникова в пять слоев и положил тряпочный холмик на пол под оранжевой лисьей мордой, нарисованной во весь прямоугольник серого полотна.

Пол-урочника назад, когда Андрей выстелил рыжую голову на тюфяке среди прочих рисунков, на сером полотне предстала мордочка котенка. Андрей с трудом вспомнил это слово. КО-ТЕ-НОК. Слово из мира оранжевых качелей и голубого неба. Темно-рыжие треугольные уши, размытые розовые глаза без зрачков, черная изогнутая линия рта, золотистые щеки, два вихра под подбородком.

Амурова провела его и здесь.

Котенок с золотистыми щеками оказался еще одной иллюзией красок. Рисунок лежал перед Андреем перевернутым. Сейчас на стене золотистые щеки превратились в большие янтарные глаза, небольшая складка на лбу оказалась ртом, розовые глаза без зрачков — в румяна щек, линия рта — в тонкую единую бровь, уши — в два темных вихра на подбородке, а узкие вихры — в острые уши. Длинная морда взрослой лисы. Личина духа кицунэ. В одних легендах кицунэ соблазняют самураев, в других — жрут людей. Какому из видов принадлежит эта?

В дверь тяжело постучали. Андрей отпер замок, внутрь ввалилась Рита с бадьей в руках. На жестяном дне лежали мокрые белье и сменная форма Андрея.

— Ты хотела только повесить картины, — сказал Андрей.

— Мне было несложно, господин, — Рита склонила голову, — я часто стирала одежду брата.

Так же часто, как и надевала форму на Охотникова. Так же часто, как и сама раздевалась вместе с ним?

— Белье можно повесить сушиться на карниз для занавески, — сказала Рита.

Видимо, у них в семье белье вешал Охотников, раз зеленые камни так выжидающе смотрели на Андрея.

Андрей отодвинул занавеску на край, снял сандалии и запрыгнул на узкий подоконник. На белом пластике поместились только пальцы ног, твердые, с длинными ногтями, словно крепкие корни сосны. Рита подавала белье, Андрей закидывал его на карниз. Когда закончили и Андрей спрыгнул, взгляд синих игл скользнул по двери. По отпертому замку.

Мгновенно босые ноги Андрея пересекли вымытый пол, пальцы руки дернули защелку замка. Щелкнуло — дверь заперлась, только сейчас.

— Закрывать не учили? — крикнул Андрей. Наложница подошла к нему и низко

опустила голову.

— Прости, господин, — сказала Рита, — я провинилась. И ты вправе наказать меня, если хочешь.

Она отвела руки в сторону, широко расставила ноги так, что хакама, схваченное на талии оби, натянулось на внешних сторонах бедер.

— Я готова, господин.

Андрей дернулся назад, но запертая дверь толкнула в спину.

Волк ухмыльнулся.

«Ударь ее, — прошипел зверь, — вы оба этого хотите».

Оба?

«Наложница и часть тебя, запертая в клетке»

Ты — не я.

Рита развязала шарф на шее, оттянула ворот кимоно, обнажив белую кожу с фиолетовым пятнышком.

Так ее наказывал Охотников? Избивал?

«Так все наказывают. И ты. Вспомни урок Круга жизни».

Белая шея подалась вперед, плечи слегка сжались, ожидая удар. Веки с тигровыми ресницами прикрыли зеленые камни.

— Брат часто карал меня за слабости, — произнесли тонкие губы, — я так слаба.... За ночь до перевода господина в нашу школу брат испробовал новую кару. Он душил меня, пока я не потеряла сознание.

— Хм... Просто закрывай всегда дверь, — выдавил Андрей. Рита открыла глаза. Камни не мигая смотрели на Андрея.

— М-м... Прошу, — зачем-то сказал ученик и протиснулся мимо наложницы к окну.

Как я могу бить Риту? Я разбудил ее брата!

«Мысли не самурая», — пробурчал волк.

Андрей заслонил ширмой внутреннюю клетку.

— Благодарю, — сказала наложница за спиной. — Господин, ты очень великодушный.

В тихом голосе не звучало ни капли благодарности, только равнодушие и презрение.

— Ты принесла тюфяк из своей комнаты? — спросил Андрей.

— Я смогу лучше служить тебе, если буду спать с тобой, господин.

Андрей приник лицом к открытому окну. Ледяной ветер остудил горевшие щеки.

— К примеру, если тебе захочется пить ночью, я принесу воду, — говорила сзади Рита, и с каждым словом голос ее приближался. — А когда господин снова потренируется умереть и ударится ухом, я наложу на уши мокрую тряпку, и оттек быстро спадет.

Голос приближался. И шорох кимоно тоже.

— Тут главное — не мешкать, — доверчиво сказала Рита.

Жесткая ткань тихо скрипнула. На изгибе локтя и подмышкой.

Андрей схватил рукоять катаны и развернулся.

Амурова оборачивала шарф вокруг шеи и продевала концы в образовавшуюся петлю. Наложница едва взглянула на дернувшегося Андрея.

— Снова хочешь, чтобы я бросила тебе вызов, господин? — спросила Рита, и Андрей быстро отпустил катану.

— Лис-сан сказал, что оранжевые повязки для клана делала ты, — сказал Андрей. — У тебя остались нерозданные?

Рита подняла глаза.

— Зачем?

— Сегодня я вступлю в ваш клан, — гордо сказал Андрей.

— Повязка есть, — Рита задумалась. — Но, Сингенин-сан, когда ты передумал отчисляться?

— Ты знала? — выдохнул Андрей.

Сквозь ширму пробился громкий смех волка.

«Похоже, самурай, твои мысли услышал бы даже глухой Косолап-кун».

1

Андрей стоял на коленях перед настольной лампой, единственным источником света в кабинете иероглифописания, и видел лишь блеск глаз в темноте. Лампу взяли с учительского стола Ковырялова, включили и поставили под лицо Андрея. Прямой желтый луч слепил, Андрей не отличал учеников клана Охотникова от тьмы вокруг, зато он для них был как неподвижная светящаяся мишень.

Полночь еще не наступила. Шли по-прежнему вторые сутки пребывания Андрея в Кодзилькинской школе.

— Начнем ритуал, — произнес знакомый вялый голос. В кружок света шагнул Лис и поставил на пол пластиковый стакан и зеленую коробку с рисунком апельсина и белой надписью: «Сердечный».

— Прости, но обменяться стаканами с оябуном ты не сможешь, — Лис улыбнулся. — Уверен, ты понимаешь причину.

Дранный шутник.

Ночью облезлое здание Кодзилькинской школы Катаны превращается в место проведения ученических ритуалов и обрядов. В незапертых классах ученики посвящают новобранцев в кланы, отпевают убитых, просят духов и демонов Извне о благодати, устраивают жертвоприношения. Парты, на которые днем кладут тетради, ночью заменяют сцены для безумных плясок, помосты для пения, жертвенные алтари. Так что ни один ученик не удивится, если утром перед уроками увидит на своей парте плохо вытертую кровь. Или забытый уборщиками ошметок мяса. Или осколки зубов. Свежие царапины на столешнице. Вмятины на толстом пластике от ударов в агонии.

Два ряда блестящих пуговиц окружали маленький кружок света: первый, над головой Андрея, был глазами дайме, восседавших на стульях, второй, повыше — глазами стоявших за их спинами сэме.

Заскребли ножки стула по линолеуму, и перед Андреем возник Глеб Лютин с кустистыми бровями и синяком на шее.

Глеб откинулся на спинку стула и свысока посмотрел на Андрея.

— Новенький, — сказал он и сплюнул на пол, — налей в стакан «Сердечный» и положи обнаженный меч на колени.

Лис стоял на краю круга и не двигался. Даже в кругу соклановцев маску формального лидера носил Лютин, а Бесхвостый Лис оставался рядовым сэме. Иллюзия трусов.

Андрей первым делом обнажил катану, и ученику сразу полегчало после перевода из класса обычных мишеней к опасным.

Оранжевая густая жидкость с пузырьками наполнила стакан. Резкий запах прелых фруктов ударил в ноздри, глаза заслезились.

Волк задергался в клетке.

Никакого уважения! Ослепили, отравили кислой бражной вонью, унизили коленопреклонством — да поубивать их всех!

Андрей открыл рот, опустил нижнюю челюсть как можно ниже. Мышцы лица и шеи напряглись, стимулируя кровообращение так, что кленовая краска в артериях избавилась от накопившейся углекислоты, и волчара в клетке уснул.

Увидев зевок Андрея, Глеб резко сдвинул брови к переносице.

— Новичок! — крикнул короткостриженный. — Уже устал?

Волк распахнул веки.

«В твоей выносливости усомнились, самурай, — прошептал зверь, — устрани оскорбление — убей их всех».

Ладонь Андрея обхватила рукоять голой катаны на коленях. Сегун, как часто в этой школе вынуждают следовать четвертому постулату четвертого Вечного долга из памятки.

Короткое движение на краю круга — Лис потерял большим пальцем обрубки.

— Убил оябуна сильнейшего клана, — произнес Лис, — подчинил трех чистоплюев, устрасил Черного Змея одним лишь взглядом, а заодно шугнул Яву-сан — и не проявил усталости до сего мига! — Лис убрал руки за спину, худое тело качнулось с пяток на носки и обратно. — Сингенин-сан, мы поражаемся твоей стойкости.

Лютин скривил губы, но промолчал.

Андрей отпустил рукоять меча. Под ширмой лести Лис признался, что следил за ним весь день. Угрожал? Или просто напомнил о договоре, о рукопожатии пол-урочника назад?

— Повторяй за мной клятву, — сказал Глеб, — слово в слово, буква в букву.

И Андрей послушно стал повторять.

Новые клятвы, новый долг, новые обязательства оплетали Андрея с каждым новым исторгнутым словом. Нет большей несправедливости в мире, чем неоплаченный долг. Нет большего позора, чем солгать словом или делом.

«Я клянусь... я клянусь...» — стучал кончик языка Андрея об небо и зубы, и стук поднимался по черепной коробке вверх, отдавался в сосредоточенном разуме звонкими встречными ударами катан. Отдавался хлестом волчьего хвоста по железной клетке. Отдавался дребезгом разбитых стекол в окнах Михеевской школы за сотни сотен сотен локтей отсюда. Отдавался плачем и криками умирающих детей.

— Я клянусь быть верным клану Охотникова.

Нас воспитали карателями, нас научили убивать за нарушение долга, в первую очередь — самих себя. Если ты не бережешь собственную жизнь, пощадишь ли других? Ответ: никакой пощады.

— Я клянусь не утаивать добычу от клана.

Волк катался по клетке и смеялся.

Из прошлого в черепной коробке Андрея сохранилась только зарисовка с качелями, разноцветными клумбами и песочницей под голубым небом.

Больше мне ничего не нужно, остальное — забирайте. А волк сказал сквозь смех: «А как же Амурава-сан?»

— Я клянусь подчиняться старшим дайме и оябуну клана.

Волк брызгал слюной и бил лапами по полу. «И как ты будешь служить Охотникову-цветнику? О, оябун-клумба, разреши оросить влагой лепестки твоих ландышей? Ха! Позволь разрыхлю тебя, великозернистый Почва-сан?»

— Я клянусь не раскрывать тайн клана.

В бывшем клане Андрея, когда ученик решал умереть, то хватал другого члена клана за рукав и говорил: «Куда улетела птичка Хо-Хо?»

Соклановец отвечал: «За колею». Звучало как «заколю». Такой ответ означал согласие отрубить ученику голову, когда он вспорет себе живот.

Если соклановец отвечал: «Я в небо не смотрю», значит, ему поручили срочное дело

— Кланом Черных Змеев заправляют десятиклассники? — спросил Андрей.

Ефрем Коваль вынул из-за оби листок, поднял бумагу к лицу и зачитал:

— Два десятка три десятиклассника, двенадцать девятиклассников, девять наложниц.

Общая численность — четыре десятка четыре ученика.

— Прямо клубок гадов, — сказал Лютин.

— Нам бы столько наложниц, — вздохнул Адам Смирнов.

— Нам бы столько самураев, — возразил Серали Султанов, черные узкие глаза сверкнули, — и вся школа тут же подчинилась бы клану Охотникова.

— Сейчас нам предстоит драться не с Черными Змеями, — сказал Лис, — а с кланом Красоткина. Долг мести за убийство их оябуна еще никто не оплатил.

За спиной Лиса висел иероглиф «месть, отомстить, возмездие», похожий на морду демона с фасеточными глазами и прямоугольным ртом.

— Мы пощадили красоткинских, — возразил Андрей.

— Скорее мы упустили подходящий момент для удара, — сказал Лис. — Ты был так великодушен, Сингенин-сан, что позволил красоткинским расплатиться с тобой за позор поражения их оябуна. Только у чистоплюев есть также обязательство перед Красоткиным-сан — отомстить.

Внутри клинка катаны зажглись два красных глаза. Меч — отражение Духа самурая — показал, как волк оскалился.

— В клане Красоткина на текущий момент двенадцать самураев и одна наложница, — прочитал с листка Коваль.

— И среди этих треклятых самураев Лина Апостолова-сан, — сказал Смирнов и коснулся двумя пальцами губ. — Слышал, Красоткин-сан изуродовал все-все ее тело рубцами, широкими и волнистыми, как будто на коже нарисовали воронки смерчей.

— Ха! Я бы взглянул на уродские дойки белобрысой, — сказал Анджей Казаков.

— А наложница — это Рида Видждан-сан, — вздохнул Смирнов. Небесно-голубые глаза Адама смотрели в потолок, белокурый хвостик, тонкий и прямой как кинжал, слегка подрагивал. — Когда Видждан-сан ступает, черные волосы волнуются и сверкают как грозная туча.

— И на грудки наложницы я бы поглазел, — улыбнулся Казаков.

Андрей прикрыл ладонью глаза волка на клинке.

Кружок озабоченных мальчишек, а вовсе не совет дайме.

— Ко мне сегодня подошла Ява-сан, — сказал круглолицый Ждан Рябов, — просила пойти в ее комнату и понаблюдать, что она сделает с бананом, выданным на завтрак.

— Последний раз бананы раздавали в столовой больше двух недель назад, — сказал Лютин.

— Прошу одну вытянку! — поднял руку Коваль, вынул из-за оби тетрадку, перелистнул пару страниц и прочитал: — Две недели и шесть дней.

— Мерзкое зрелище: Ява-сан с торчащей внизу живота черной гнилой палкой, — сказал Глеб.

— Ясно же, что Рябов-сан согласился пойти в комнату Явы-сан только за кусочек банана, — хмыкнул Казаков, — хоть кусочек и гнилой.

— Ява-сан предлагала целую треть, — сказал Рябов, — но я отказался из-за ритуала посвящения Сингенина-сан. Я как настоящий самурай равнодушен к еде.

Живот Рябова тихо заурчал.

— Мы ценим твою жертву, Рябов-сан, — Лис слегка поклонился. — Уважаемые дайме, красоткинские скорее всего нападут на Андрея завтра утром.

Казаков вдруг наклонился через круг стертого линолеума к Андрею.

— Кстати, Сингенин-сан, — сказал Казаков, — семиклассники тоже заглядываются на Амурову-сан — имей в виду. Особенно когда Амурова-сан ходит по коридорам одна. Семиклассники — хоть и мелюзга, но тыкалки у них уже чешутся, а мечи такие же острые, как у нас.

— Семиклассники как крысы: только когда их много, смелеют и набрасываются, — сказал Лютин. — Кланы Райдэна и Черных Змеев забрали всех семиклассниц, вот мелюзга тыкается в кулак и бесится.

— А мы не тыкаемся в кулак? — Казаков приподнялся на стуле, открыв на стене за ним иероглиф «клевета, обман, ложь» — кривое лысое дерево. — У нас всего одна наложница, которую сначала присвоил Охотников-сан, а теперь, — синие иглы Андрея впились в лицо говорившего, и Казаков быстро закончил, — а теперь тоже занята. Перебиваемся, как волки, редкой добычей.

— Что за редкая добыча? — спросил Андрей. Дайме тяжело вздохнули, головы с хвостиками поникли.

Смирнов возбужденно застучал пятками по полу и взмахнул рукой, непроизвольно указав на иероглиф «голод, быть голодным, недоедание».

— Вот у Черных Змеев, — сказал Адам, — три десятка парней и тринадцать девочек. Коваль-сан, значит, каждому змееносцу достается самое меньшее по две девочки?

— И вовсе не две, — сказал Коваль, — наоборот, на одну девочку...

— Три! — воскликнул Казаков. — В клане Райдэна семь самураев и пять наложниц. Выходит на парня три девчонки! Предлагаю прямо сейчас напасть на клан Райдэна и забрать каждому по три наложницы!

— Да с какого демона три? — спросил Коваль.

— А сами виноваты, — бросил Глеб. — Порубили почти всех одноклассниц в пятих-шестых классах. Кто играл с вакидзаси в «Кис-Царап-Мяу» и «Рубится — не рубится»? Теперь перебиваетесь.

— Лютину-сан лучше всех, — сказал Казаков, — для него даже семиклассницы староваты.

— Казаков-сан, мне же плевать на твои вкусы, — сказал Глеб, — плевать, что ты не брезгуешь похаживать к Яве-сан.

Два ученика посмотрели друг на друга, каждый потянулся к правому бедру.

Резкие стуки сотрясли тишину, дайме обернулись к Сингенину, и лица их побледнели.

Голый клинок катаны стучал по ножке стула под новичком. Рука Андрея крепко держала пластиковую рукоять, колючий взгляд вонзался в глаза соклановцев по очереди.

— ЧТО. ЗА. РЕДКАЯ. ДОБЫЧА, — бросал новичок по слову после каждого удара.

Дайме молчали. Выхватить катану из ножен, прежде чем новичок ударит, не было шансов. Смирнов подвинулся на правую половину сиденья, подальше от острого клинка сбоку.

— Сингенин-сан, любая, — сказал Казаков. — Тебе, похоже, нравятся рыжие?

— Я больше не буду повторять, — резко сказал Андрей, и клинок взмыл вверх. Острие меча указало на иероглиф «убить, истребить, уничтожить, невыносимо, до смерти». Смирнов против воли прикрыл глаза рукой.

— Сингенин-сан, — улыбнулся Лис, — мы поговорим об этом позже.

Андрей уставился на бесцветного, но Лис неподвижно улыбался синим иглам. А затем сказал:

— Андрей, убери меч.

И Смирнов понял: ничья кровь не прольется.

Лис так часто произносил это сочетание: личное имя и приказ из двух-трех слов, и это так часто срабатывало, что у дайме выработался рефлекс подчиняться трехпалому не рассуждая.

«Ждан, съешь яблоко».

«Ефрем, возьми девчонку».

«Серали, срази наглеца».

«Глеб, оголи меч».

Каждый приказ отвечал Духу дайме, его телесным позывам и тайным желаниям. Лис отдавал десятки, сотни приказов, исходящие от них импульсы поступали в мозг дайме, тесно переплетались с удовольствием от съеденных яблок или истыканных девчонок, или убитых наглецов, — и эта связь крепла с каждым новым приказом.

Эта связь так окрепла, что дайме вскоре наслаждались, просто исполняя приказы Лиса, любые приказы.

«Глеб, свяжи мальчишку... Глеб, выйди за дверь... Глеб, не слушай крики».

Эта связь породила у самураев новый рефлекс. Рефлекс беспрекословного подчинения.

«Серали, следи за другими дайме... Серали, следи за наложницей... Серали, следи за Стасом... Серали, докладывай мне».

И дайме возбуждались каждый раз, когда Лис называл их по имени. Противостоять рефлексу не хотелось, ведь он обещал наслаждение. И наслаждение приходило, а вместе с ним и уверенность, что будет награда.

«Адам, на колени... Адам, закрой глаза... Адам, открой рот...»

Лис прекрасно знал тайные желания дайме и удовлетворял зов нутра каждого.

«..Адам, не подглядывай... Адам, лижи, води языком... Адам, часто-часто».

Даже если приказы претили прихотям дайме, никто не слушивался Лиса. Личное имя и два-три слова околдовывали как магическое заклинание, обещали вскоре восполнить небольшую жертву мешком яблок, дюжиной наложниц и горой вражеских трупов.

«Ждан, отдай порцию Амуровой».

«Ефрем, забудь рыжую».

«Серали, не сегодня».

«Глеб, отпусти меч».

— Позже ты мне расскажешь, — сказал Андрей.

Новичок убрал катану в ножны и словно растворился в тусклом свете ламп. Иголочный взгляд пропал, дыхание утихло, почти исчезло, а лицо с телом застыли. Взгляд Смирнова скользил по новичку, как по неживым стенам и партам, ни за что не цепляясь. Новичок словно окаменел.

— Впервые на совете дайме так тихо, — произнес Лис. — Помимо клана Красоткина, нам может грозить голод. Коваль-сан, поясни, сколько порций раздали в столовой за последние два дня.

Коваль зашуршал страницами в тетради.

— Три сотни и три десятка порций выдали на обед в субботу, ровно три сотни порций

— на завтрак вчера и две сотни пять десятков порций — сегодня на обед.

— Пятые и шестые классы как самые слабые голодают третий день, — сказал Лис. — Если порций дальше будут давать все меньше, еда достанется только десятым и одиннадцатым классам. Остальные ослабеют и пробудятся от иллюзий.

Дайме молчали, только живот Рябова забурчал громче.

— Крысы в подвале, — сказал Глеб.

— Нету крыс, только сегодня проверял подвал, — вздохнул Ждан, — зато полно Черных Змеев, они крыс и выловили.

— Зачем? — спросил Глеб. — Эти гады точно не голодают.

— Усами Ахметов-сан пресытился своими наложницами, — засмеялся Казаков, — бородастая дубина возжелал мохнатых оргий.

— Говорят, Ахметову-сан нравится заставлять своих наложниц лакать сырую крысиную кровь, — поморщился Смирнов.

— Девятый этаж, — сказал Лис, — правое крыло, четвертая комната.

— В этой комнате живет Видждан-сан, — встрепенулся Смирнов. Самурай с небесными глазами облизал губы. Вот и награда за все те разы, что Адам стоял на коленях с закрытыми глазами и часто-часто двигал языком. Лизал что-то твердое и соленое. Бе-е.

— Не только, — сказал Лис. — Помимо черномазой наложницы в комнату каждый вечер приходят два красоткинских самурая. На всю ночь.

— Зачем двое? Что они стерегут кроме наложницы? — спросил Глеб.

— Рыбу в жестяных банках, — сказал Казаков, — коробки «Сердечного», пакеты с сыпучим печеньем. В мусоре, который чистоплюи тайком выбрасывают ночью в бак за школой, полно крошек. Зажрались, крысы!

— У раздатчиков в столовой тоже есть тыкалки, — сказал Лис. — За рыбу с печеньем Красоткин мог дать им потыкаться в Апостолову-сан. Или в черномазую наложницу.

— Видждан-сан, — вздохнул Смирнов.

Взгляд новичка снова стал острым.

— Разбудишь красоткинских ради сыпучего печенья? — спросил Сингенин.

— Кто я такой, чтобы решать судьбу клана? — улыбнулся Лис. — Я — простой сэме, ваш смиренный слуга. Уважаемые дайме, только вы распоряжаетесь кланом Охотникова, ведете нас к победам и похвалам учителей. И сейчас вы решите, как мы достанем еду. Нападем на комнату черномазой или нет?

Дайме молчали.

— А как вам идея обменять в столовой Амурову-сан на еду? — вдруг сказал Рябов. Дайме мрачно посмотрели на круглолицего самурая.

— Тогда клан Красоткина первым нападет на Сингенина-сан завтра, — сказал Глеб, — и нам все равно придется драться с чистоплюями. Дабы отомстить.

За мой труп, понял Андрей. Он смотрел на острые крюки в словах иероглифа «подчиняться, покоряться, признавать».

— Сегодня же нападем на комнату черномазой, — сказал Глеб, и никто не возразил. Один Смирнов прошептал: «Видждан-сан».

— Выступаем через урочник, — сказал Глеб, и Андрей возразил:

— Нет.

Дайме повернулись к новичку. Андрей указал на стакан сока на полу.

— Ты отказываешься помогать клану? — крикнул Глеб.

Андрей закатил глаза.

— «Тот, кто пьяным бросается в бой, — прочитал он на память, — не только безрассуден, но и труслив».

— Это из какой-то легенды? — спросил Казаков Лиса, но узколиций не ответил.

— Это постулат бусидо! — крикнул Андрей. Коваль вынул листок с памяткой бусидо, вставленный между страницами тетради. Близорукие глаза, шурясь, пробежались по строкам.

— В бусидо этого нет, — сказал дайме.

— Это ведь памятка, — возразил Андрей, — два десятка постулатов — не все бусидо!

Дайме молча переглядывались. Казаков с усмешкой показал на лабиринт из мелких черточек — иероглиф «безумие, сумасшествие, помешательство».

— Андрей, это *все* бусидо, — сказал Лис, — больше ничего нет.

— Как же так? — Андрей опустил голову, прямая спина вдруг сгорбилась.

В Кодзилькинской школе короткая памятка заменила целый кодекс самурая, весь свод правил поведения воина. Ничего о самоконтроле, о дисциплине духа, только безрассудство, обожание учителей и презрение к смерти. Ничего о «круге тю», «круге ко», «круге гири», «круге дзин», «круге человеческих чувств». Ничего о достойной цели.

Дух Андрея постоянно балансировал между самодисциплиной и безрассудством, сосредоточенный разум стал весами с одинаково тяжелыми чашами — голодом волка и наставлениями Сугиямы-сенсей. У местных учеников забрали чаши самоконтроля, им отрубили, как пальцы Лису, способность управлять телом, эмоциями, жизнью. Рассеянный разум любого ученика здесь — это не весы, это одна трясущаяся на коромысле чаша безумия, это неостановимый маятник, это безудержные качели, которые пустили в дикий самоубийственный пляс. Местные ученики — это кривое отражение самурая. Они — несправедливость, которую следует исправить.

Андрей выпрямился и оглядел круг дайме. Сборище жалких, неконтролирующих себя мальчишек.

— Через два урочника, — сказал Андрей, — как только выветрю брагу, тогда и выступим.

— Хорошо, — согласился Лис, не дожидаясь ответов формальных распорядителей клана, — через два урочника сбор на седьмом этаже в левом крыле.

Конечно же, там. В крыле истинного главы клана Охотникова — Бесхвостого Лиса.

Понедельник-сан

Тимур Ященко лежал на тюфяке возле двери и слушал, как Рида Видждан тихонько плакала рядом и шептала: «брин ми ту лайф... брин ми ту лайф».

Рида любила напевать этот странный стих, когда вечерами от скуки заплетала и расплетала толстую косу из великолепных черных волос. Сейчас в темноте четыре неизвестных слова звучали как погребальная песня. И как ругательство. Как проклятие.

Звучали как «Сдохните, грязные насильники!».

Наконец у окна слева от Риды сонно засопел Беркут, и Тимур тихо перебрался в постель к Видждан.

Рида не прильнула к Тимуру, не прижалась горячим телом, не прошептала: «Милый Понедельник...». Рида плакала.

Тогда Тимур обнял девочку сам. Ее шея, ее плечо, ее груди отдернулись от него. Тимур крепко стиснул наложницу, задрал ей ночную рубашку, его бедра потерлись об ее. Рука Тимура потрогала между стиснутых ножек девочки. Внутри Риды было сухо и зажато. Она не прошептала привычных теплых ласк, вместо этого темнота зашипела: «Разве ты уже не получил свое вместе с остальными?»

У Тимура все упало. Дух самурая остыл, и ученик отпустил девочку.

Темнота шипела: «Разве ты не бил меня вместе с ними?»

Это когда сегодня Пичук и дайме вчетвером пялили Риду. Все разом щипали, били и тыкались в нее.

Темнота шипела: «Это ты крутил мои соски и повсюду щипал меня».

Нет.

Утром умер Красоткин, и вместе с ним — запрет на порчу вещей главаря клана. На порчу наложницы.

Теперь дайме распоряжались кланом. Первое, что учинили новые распорядители: накинудись на съестные запасы, напились из коробок «Сердечного» и наполнили животы печеньем «Именинное». Нажрались консервов и пропахли рыбой.

Дальше, рыгая и глядя урчавшие животы, дайме решили завтра перед уроками напасть на Сингенина Железногрудого. Всем кланом подкараулить убийцу оябунов у его комнаты и убить. Ибо никто не знал, сколько клинков сломается, прежде чем железная кожа демона лопнет и тварь Извне пробудится от иллюзий.

А затем сытые взгляды дайме скользнули по Риде. Ничего не замечая, наложница плела косу.

Темнота плевалась Тимуру в лицо горячими слюнями и шептала: «Это ты намотал мои волосы на кулак».

Нет.

Раньше никто не посмел бы замарать кровоподтеками нежную, без прыщей и родинок кожу Риды. Раньше — это только вчера.

Темнота хныкала: «Это ты драл ногтями мою ву-ву».

Нет.

Раньше стражи вещевой комнаты просто тыкались в наложницу. Раньше запрещалось пачкать драгоценную вещь оябуна побоями.

Но сегодня, в понедельник, Красоткин умер. Сегодня наложница стала символом власти

в клане навроде веера сегуна. И дайме всю крутили этим веером, то есть пинали, щипали, таскали за волосы смуглую девочку. Демонстрировали свою власть над кланом. Гордо подняв подбородки.

В темноте Рида хлюпала носом и шептала: «Ты, ты, ты, я знаю, — это ты пинал меня в живот. Будь ты проклят».

Раньше шесть стражей вещевой комнаты делили неделю поровну. Понедельник и вторник достались Тимуру с Беркутом, потому как субботу взял Пичук, дни со среды по пятницу разобрали остальные дайме. Каждую ночь к Риде на тюфяк забирался очередной страж. Каждую ночь, кроме воскресенья, — в конце недели один из стражей сопровождал наложницу в комнату Красоткина.

Ночами с воскресенья на понедельник Тимур лежал на тюфяке и ждал, когда прочие стражи уснут. Так было принято в клане Красоткина. Стражи вещевой комнаты были очень учтивы по отношению друг к другу. И старались тыкаться в Риду тихо, без громких стонов. Не мешая спать соклановцам.

В воскресенье, как только стражи засыпали, Тимур раздевался и голый пробирался к Риде. Упав рядом с девочкой, он не двигался. Пока Рида не шептала из тени:

— Какой день пришел поприветствовать меня?

— Понедельник, — тихо отвечал Тимур.

Теплые руки обхватывали его голову и влекли к себе.

— Целуй же меня, мой милый Понедельник, — шептала Рида, — грей меня! Пока снова не настали холодные и грубые дни.

И Тимур тянулся к ней в темноте, неуклюже натыкался руками на хрупкие девчачьи плечи. Рида прижималась к нему, и они целовались — два влажных рта, и сап стражей вокруг исчезал.

Их языки плотно переплетались, а затем она задирала рубашку, он входил в нее, и их тела слипались, как комки мокрой глины.

«Мой милый Понедельник, — шептала Рида, целуя его, — мой хороший... мой сильный... мой отважный, кого ты убил сегодня? Кого?»

Этот вечный вопрос Риды.

Когда он только стал стражем вещевой комнаты и наступила его первая ночь с Ридой, Тимур волновался. Голый, он недвижно лежал рядом с девочкой, пока она нежно-нежно не спросила:

— Милый мой, кого ты убил сегодня?

Тимур молчал.

— Кого же? Милый Понедельник, скажи мне, — шептала Рида.

Тимур не отвечал.

В темноте его кожу обжигал взгляд Риды.

— Скажи!

Солоноватая слюна наложницы брызгала ему на губы.

И Тимур сказал:

— Нет.

Взгляд никчемной вещи, слабой куклы, но щеки Тимура полыхали огнем. А затем взгляд исчез.

Тимур протянул руку и коснулся лишь колючей шерсти в дырках матраса. Рита бросила его, отказала стражу в его праве. Оскорбила.

Утром следующего дня Тимур не разбудил Риду от иллюзий. И не совершил сэппуку. Тимур пошел на уроки.

А сразу после звонка на большую перемену выбежал на улицу и затаился в кустах у стены. Через пару вытянок тяжелая дверь непрерывно бряцала. Пятиклассники и шестиклассники, по одному, по двое, вылетали из школы, сжимая складки на оби. Комки ткани, толстые и тонкие — в зависимости от того, сколько успели урвать с подносов. Быстрые фигурки прятались в кустах у стены, как Тимур, либо бежали в сторону травяного поля и рощи. Ложились среди высоких стеблей полыни. Взбирались на верхушки деревьев. Убегали к самой стене. А затем все эти деревья, кусты и заросли, куда спряталась малышня, начинали громко чавкать. Как будто в них сидели звереныши. Непойманные крысы, что уминают приманку из подвала.

В тот день Тимур всю большую перемену просидел в кустах, напевая стишок Риды: брин ми ту лайф. И в следующий день тоже. И в позаследующий. И в позапозаследующий. И в позапозапоза...

А потом настало воскресенье. Тимур снова предстояла ночь страсти с Ридой. На большой перемене Тимур так же следил за двором из кустов. Но когда «звереныши» зачавкали выданной на обед печенкой, Тимур тихо выполз на площадь и подкрался к ближайшему хлюпавшему кусту. Обнажил катану и резко отодвинул сухие ветви. Пятиклассник с куском черной печенки в зубах испуганно поднял голову. Карие глаза его сощурились, а недожеванное жесткое мясо выпало изо рта.

Тимур взмахнул катаной. Мальчик в кустах улыбнулся — рубленой раной во все горло. Вверх брызнуло кровью. Голова пятиклассника откинулась за спину, на колючие ветви, и сочащаяся кровью улыбка стала шире.

Большая часть крови попала Тимур в лицо, в рот и на губы. Солоновато-притягательный вкус, почти как у влажного шепота Риды, возбудил его, и он жадно облизал подбородок. Стер брызги со лба и щек и засунул красные пальцы в рот. А когда на Тимуре не осталось ни капли чужой крови, он нагнулся над мальчиком, наклонил лицо к улыбке-ране, высунул язык и стал лакать.

В этот миг родилась Песня смерти Тимура:

*Кружатся глупые бабочки,
Их нежными крыльями я Путь устелю.*

В ночь, ради которой Тимур убил мальчика с печенкой, было полнолуние. В белесом свете луны Тимур видел каждый изгиб тела наложницы, каждую из кудряшек, рассыпанных на стертом тюфяке, каждый чувственный пальчик на ножке, согнутой в коленке.

Раздевшись, Тимур лег подле наложницы и обнял ее. Рида посмотрела на него.

— Кого? — сказала она.

Ее вечный вопрос.

Тимур ухмыльнулся.

— Пятиклассника, — прошептал он, — я разрезал ему глотку и...

И Рида не дала ему договорить, она просто впиалась ртом в его рот. И долго их губы не отпускали друг друга, постоянно обкатывая, причмокивая, обсасывая. До самого утра их языки рисовали влажные узоры на белых телах, мокрые черточки на его груди складывались в иероглиф «безумие, сумасшествие, помешательство», пеннистая дорожка на ее спине

образовывала узор «желание, жажда, жадность». Когда они соединились не только ртами, Дух Тимура исторгнулся в Риду, рисуя внутри неевидимый иероглиф «сладко».

Тимуру никогда не было так хорошо, он не владел другой наложницей. Рида же проводила ночи еще с шестью стражами, четыре из которых были дайме, и самим оябуном. Вещь имела власть над Тимуром, потому что была для самурая единственной, когда он для нее был одним из многих. Вещь владела хозяином.

Следующие ночи Тимур не смыкал глаз, украдкой подсматривая за ночами страсти других стражей. И то, что он видел, ему нравилось.

Никто из стражей не разговаривал с Ридой. Все они просто наваливались на нее сзади, одной рукой вдавливали лицом в тюфяк, другой оголяли ее худую попу и резко втыкались в нее, крепко засаживали мокрые тыкалки, тянулись под нее вглубь. Будто пытались залезть в маленькую попу. Стражи долбились в Риду с такой силой, что на ее светло-коричневых ягодицах выступал пот, а нежная кожа на лице краснела, натираясь об грубую шерсть в дырявом тюфяке. Мягкие губы опухали от недостатка воздуха. Зубы крепко сжимались.

Когда стражи наваливались на нее, Рида не успевала спросить, кого они убили сегодня. А потом она только мычала в тюфяк и плевалась шерстью.

То, как Пичук и остальные пялили Риду, напоминало случку двух крыс, которую Тимур один раз видел в подвале. Тех крыс он убил и съел.

Стражи бились об Риду так же свирепо, как и недолго. Заканчивали они задолго до утра. И Рида лежала на большом тюфяке одна, мокрая и уставшая. Вдыхая смесь запаха ее пота и аромата душицы, Тимур едва не рвался к ней. Но сдерживался — был не понедельник.

Целыми неделями, от понедельника до воскресенья, Тимур скучал по солонатовому вкусу, по горячим слюнявым брызгам в лицо. На уроках он смотрел на кудряшки Видждан и кусал губы до крови. Утешался кисловатым привкусом себя.

«Милый Понедельник»-сан и Тимур Яценко-сан были разными людьми. По крайней мере для Риды. Наложница никогда не смотрела на Тимура с таким желанием, как в первую ночь каждой недели. В остальное время Тимур, самурай, хоть и не дайме, не достаивался мимолетного взгляда от Видждан. Как будто это он был вещью.

Своим языком Рида прошлась по каждой складочке кожи Тимура, по каждой черточке на лице «милого Понедельника». По всем шрамам от укусов на губах Тимура — этим доказательствам того, что он скучал по ней. Язык Риды стирался до мяса, розовый кончик усеивала россыпь язв, а треугольный лепесток из маленького рта все так же вылизывал тело Тимура, оставляя вначале розоватые вихри вокруг пупка, затем пятна потемнее — на груди и плечах и, в конце, густо-красные разводы на лице. Все, что вылизала Рида, наложница узнавала только в волшебную ночь с воскресенья на понедельник. Как в легендах.

Пенисто-красные иероглифы расцветали на голых телах, самурай и наложница ласкали друг друга.

Потом они шептались о сегодняшней жертве для их ночи страсти. Тимур рассказывал Риде на ушко об очередной глупой бабочке, и под его ласковый голос она тихонько хихикала. Она внимательно слушала, как на большой перемене Тимур вылез из-за засады и мечом пригвоздил к земле девчонку, прятанную в высокой траве. Или как он броском камня сбил с сосновой верхушки пятиклассника и добил его не торопясь — мальчишка, упав, сломал ноги и вопил от боли. Как Тимур расстроился из-за того, что кровь жертвы не брызнула ему на лицо. И как ему пришлось быстро, пока тело не остыло, мараить пальцы в ране и вылизывать их.

— Но ничья теплая кровь не такая вкусная, как твои влажные губы, — почти каждую ночь шептал Тимур, и после этих слов Ридины поцелуи становились еще мокрее.

Но все это было раньше. Раньше — это только вчера.

Сейчас Рида тихо всхлипывала и шептала непонятные слова. Проклинала стражей комнаты. Проклинала Тимура.

На ощупь он переполз обратно на свой тюфяк.

Днем Рида, как обычно, не признала в Тимуре «милого Понедельника». Иначе она бы знала, что это не «милый Понедельник» пинал ее в живот. Не он драл ногтями ее ву-ву. Не он крутил ее соски и повсюду щипал. Тимур не был дайме и не обладал властью в клане. Тимур лишь мог смотреть, как Риду избивали.

Тимур лег на свой тюфяк и слушал: Рида пела погребальную песню, хоронила своих стражей заживо. Желала им треснуть.

Сингенин Андрей был очень силен. Нужен весь клан целиком, нужен каждый дайме, чтобы отомстить ему. После того как демон с красной кожей умрет, Тимур найдет в клане недовольных Пичуком. Та же Лина Апостолова давно тянется к Риде, по ночам слушает в коридоре ее стоны. Чтобы стать стражем и проводить одну ночь в неделю с Видждан, она точно объединится с Тимуром против Пичука и его сторонников. Но сначала — мононокэ Сингенин в железной шкуре.

— Брин ми ту лайф... — шептал Тимур, — ... брин ми ту лайф.

Он произносил слова одновременно с Ридой, чтобы слиться с ней, если не тыкаясь, то хоть так. Проклиная дайме. Проклиная стражей. Проклиная самого себя.

1

Ветер раздувал школьную форму, и одежда, набухая как парус, тянула Андрея в пропасть под ногами. Вдоль сотен окон общежития. В темноту внизу, где пропадало огромное бетонное туловище.

Босые ноги Андрея едва касались крутого металлического отлива окна, от падения в девятирусную бездну удерживали только колено и локоть, упертые в противоположные стенки ниши.

Свободной рукой самурай прошелся вдоль края закрытой оконной створки. Замок плотно прижимал пластик, одними пальцами не подцепить.

Внутри дайме Охотникова и Зотова переговаривались. Обсуждали, сколько печенья отваят Зотову за то, что он предоставил комнату для вылазки. Галдели все, кроме Лиса.

А Лис держал катану Андрея и ухмылялся в окно.

Андрей откинул голову назад за откос окна. Под ночное небо. Отсюда весь мир выглядел как бездонный колодец. Очередная иллюзия.

От окна справа отделяли где-то четыре локтя. Белый язык отлива торчал вперед и лизал бездну, за ним белел еще отлив. Два прыжка по скользким листам металла — и он у цели. Если не сдует в пропасть.

Андрей с трудом отвел руку за спину — рукав распирало ветром, словно труп гнилостными газами, — вынул из-за obi ножницы для ногтей и, разведя пальцами лезвия, засунул одно под створку возле защелки. Под давлением створка со скрипом отжалась, замочный цилиндр выбило из колодки, и окно открылось внутрь. Тренировка окончена. Осталось сдать контрольную.

Где-то в два урочника ночи, прежде чем договорились с Зотовым использовать комнату его слуги для вылазки, Лис пришел к Андрею в комнату. Андрей уже вывел бражный яд из желудка, постояв в раскорячку над писельником и засунув два пальца в рот.

Лис оглядел рисунки на стенах. Вгляделся в желтую лису возле палочных ног Круга жизни. Ухмыльнулся.

— Твоей комнате идет красный цвет, — сказал Лис.

Как только Андрей его впустил, Рита легла на свой тюфяк и отвернулась к стене.

— Здесь его немного, — буркнул Андрей.

— Странно, — Лис потерял обрубки пальцев, — я вижу на стенах только красный.

Краску из стертых листьев клена. Из размельченных человеческих мышц без кожи. Из порубленных внутренних органов. Из липкой крови.

Плечо Риты дернулось. Вместе с песочно-желтым бантом.

— Я готов идти, — сказал Андрей.

Но Лис оперся плечом на рисунок с черной лисой на травяном поле. Лис сказал:

— Тебе придется быть готовым к большему. Потому что зверей можно приручить только так — кормя мясом. Голодный пес, к примеру. Миг назад он был верен тебе, и вот зверь уже отгрызает твою руку. Смотришь на впившуюся в тебя пасть и думаешь: а все же стоило покормить его раньше. Даже если с куска мяса стянули бы рубашку.

Андрей молчал, но это было не все: драным «псам» Лиса нужна в первую очередь чаша самоконтроля, чтобы управлять безумными качелями своего сознания.

Лис потерял плечом о рисунок, стирая с него краску. Сдирая матовую шкуру с лисы. Черные песчинки усыпали чистый пол рядом с тряпочной могилкой Охотникова.

Слышит ли Лис мысли нарисованных зверей?

— Все звери хотят есть. — Лис посмотрел на спину Риты и хмыкнул. — Давным-давно насмерть сразились две тысячные армии, в итоге выжил всего один копейщик, раненый в ногу, неспособный идти. Когда битва отгремела, на поле брани пожрать падали спустился волк оками.

Андрей отступил на шаг. С чего он вдруг заговорил о волках?

— Слушай меня, — сказал Лис, — ибо, когда настанет решающий миг, ты должен вспомнить мои слова. Иначе все пойдет прахом.

— Копейщик притворился мертвым. Когда волк подошел его обнюхать, раненый воин скрутил зверя, — говорил Лис. — Натянул ему на морду лошадиные удила с поводьями, завалился ему на спину. Волк вырывался, катаясь по земле, силился сбросить человека. Не отпуская, копейщик вытянул перед мордой волка копье с нанизанным куском падали.

Это совпадение. Не мог Лис говорить с внутренним волком тайком от Андрея.

Лис шагнул вперед, его плечо зашуршало по полотну, соскребая на пол зеленую траву.

— Нюх повел волка туда, — рассказывал Лис, а внутренний волк невозмутимо вылизывал подушечки на передних лапах, — куда указывал железный наконечник с дохлятиной, и какое-то время они так двигались, но вскоре пасть зверя резко дернулась, сорвав приманку, и тогда копейщик оторвал мяса от собственной раненой ноги. Нанизанная на копье плоть человека вела зверя под ним сквозь леса, луга, равнины, горы. Иногда зверь проворно срывал наживку, которую копейщик снова заменял мясом — содраным с себя. Всю дорогу до людей волк жрал своего наездника. Того, кто его приручал. Когда наконец они дошли до деревни, с одной ягодицы копейщика вдоль волчьего бока свисала только голая кость.

Лис смотрел на Андрея так, словно сам хотел обглодать его ногу:

— Мы с тобой будем готовы к жертвам, чтобы не позволить зверям безумствовать.

Неожиданно Рита подняла голову с тюфяка.

— Но если бы деревня находилась намного дальше, — сказала наложница, — копейщик скормил бы волку себя целиком.

Лис с раздражением пожал плечом.

— У аппетита каждого есть предел, Амурова-сан, — сказал Лис, опустив взгляд на могилку Стаса, — ты же наедаешься одной ватрушкой? Или в тебя запросто влез бы мешок лепешек?

В ответ Рита плюхнулась обратно на тюфяк, проворчав:

— Твой волк кормится не мясом, а правдой, чтобы погадить ложью!

Прежде чем Лис ответил, Андрей сжал ручку двери. Рядом с этими двумя слухачами чужих мыслей было неловко. Пора уже напасть на четвертую комнату в левом крыле девятого этажа.

Только одно смущало: красная доска запрещает рубить, ломать и даже лизать двери и стены.

— Как мы войдем в комнату Видждан-сан? — сказал Андрей. Лис потрогал пальцем края облупившейся краски на травяном поле рисунка. Пощекотал обглоданную лису.

— У? Я думал, Сингенин-сан, ты скажешь: у тебя ведь столько талантов. — Лис пожал плечами. — Через дверь?

Андрей прижался лбом к облезлой доске. Волк, не обращая на него внимания, лизал себя меж задних лап.

— Тогда остается только с улицы? — предположил Лис.

Андрей повернулся к окну. Рита уже села и вглядывалась в чернь снаружи.

— Из клана проживает кто-то на девятом этаже? — сказал Андрей.

— Из нашего нет, — Лис улыбнулся, — но из клана союзников — возможно.

2

Створка окна распахнулась, и Андрей запрыгнул внутрь как раз, когда Алексей Зотов говорил:

— ...Рассчитаетесь четырьмя пачками «Именинного», если бельчонок за окном таки не свалится.

— За окном был только я, — ровно сказал Андрей и подошел к Зотову, — никаких бельчат.

Дайме обоих кланов резко замолчали, ладони правых рук легли на оби. Никто не двигался, все выжидали, одна Гера Ява наклонила голову к Адаму Смирнову:

— Беленький-сан, — прошептала девочка-скелет только блондину, но все в комнате слышали, — я вырезала сетку на своей ночной рубашке — на животе и груди. В ней я почти как голенькая, но не совсем. Зайдешь ко мне поглядеть?

Адам не ответил, только его кисть подвинулась ближе к рукояти меча.

Самураи союзных кланов напряженно смотрели друг на друга. Лис протянул Андрею его катану.

— Приходи-приходи, Беленький-сан, — облизывалась Гера. — У меня в комнате есть розги — Сухой-сенсей разрешил собрать обломки после урока сегодня. Еще есть бусы из скользких круглых камушков, тонкий зубристый стержень, веревка для ручек — все, что тебе нужно. Ах да, и банан.

Желудок Ждана заурчал.

— Беленький-сан, я буду тебя ждать, — говорила Гера. — Ну если, конечно, сейчас тебя не разбудят от иллюзий.

Зотов равнодушно посмотрел в окно.

— Нет белок, — медленно сказал он.

Счет за оскорбление не открылся.

Синие иглы отвернулись от оябуна союзников. Дайме отпустили оби, снова загомонили.

— Предосторожности сделаны? — спросил Андрей Лиса. Предосторожности насчет клана Зотова. Лис понял.

— Сэме на лестнице, — сказал узколицый, — если нас предадут, они прибегут.

Руки Андрея развязали оби, красная материя плавно стекла на пол, затем новичок снял кимоно и хакама. Дайме замолкли и наблюдали, как в ворох одежды плюхнулась перевязь с красными пластинами. Гера закусил губу, глядя, как Андрей стянул набедренную повязку.

— Считайте до пяти сотен, — сказал Андрей, — затем выгляните в коридор. Дверь наложницы будет приоткрыта.

— Мой клан не идет, — сказал Зотов, ухмыльнувшись. — Комнату с окном я вам дал: до утра жду расчета. Четыре пачки «Именинного».

— Ты тоже не идешь, — сказал Андрей Ждану.

— Что? — вскричал круглощекий самурай. — Я — дайме! Какого я не иду?

Из глубинкишок Рябова прерывисто взревел медведь, или свин, или кто там у него

внутренний зверь.

— Если твой живот услышат спящие стражи наложницы, — сказал Андрей, сжав ножницы в кулаке, — тихой вылазки не выйдет.

— Обнажите катаны заранее, — Андрей повернулся к Лютину, — входите в комнату тихо. Колите спящих в висок или в глаз под прямым углом — чтобы клинок достал мозг.

Пасть волка раскрылась. Андрей замолчал, приготовился к издевкам, зубоскальству, глумливым советам, но зверь лишь сонно зевнул.

— Если начнется драка, не машите катаной — заденете своих, — закончил Андрей. — Только колите.

Глеб не возражал, молча кивал. Перед чужаками он не выказывал презрения к своим.

Одним слитым движением Андрей запрыгнул на подоконник и нырнул в окно.

— Ефрем, считай до пяти сотен, — приказал Лис.

— Один, два, три...

3

Ветер больше не препятствовал движениям нагого острого тела Андрея. Руки, как мечи, со свистом рассекли встречную массу воздуха, упершись локтями в откосы, а кулаками — друг в друга. Ноги повисли над отливом и бездной, как овсянка на палочках.

Андрей повернулся к бесконечной тьме и усмехнулся.

Человек выдержит все, чего испугается самый сильный зверь.

Волк оскалился:

«Я бы похлопал тебя по плечу, человек, в самом деле, но у меня нет рук».

Пальцы ног коснулись крутого холодного отлива. Андрей опустил руки, пятки звонко хлопнули по металлическому листу, и нагое тело, оттолкнувшись, прыгнуло вправо.

Четыре локтя бездны мигом пронеслись, носки ударили в отлив окна справа, инерция прыжка и ветер потянули по скользкому металлу дальше за белый кончик. Андрей резко уткнул плечо и колено в стенки ниши, и тело закрепилось, повисло, коптясь на ледяных потоках.

За окном на полу смутно серели несколько тел. Андрей не стал вглядываться — до цели отделял еще прыжок.

Один драный прыжок. Над драной бездной. Под драным ветром.

«Упади, — сказал вдруг волк, — просто опусти колено. Проще ступить на Путь нельзя».

С драным волком внутри.

Дайте только добраться до самураев Красоткина. Если у них есть ватрушки или творожные пончики, кексы, бублики, печенье, блины — которые с творогом, — все достанется Рите. Самураи будут страдать, чтобы насытить наложницу Андрея. Его будущую убийцу.

Андрей вдавил локти в откосы, ноги свесились вниз, отлив звонко хлопнул по ним, и костлявое тело отпружинило вбок, бездна между нишами промелькнула под ним.

Бешеный сердечный ритм успокоился, только когда белый металлический язык окна лизнул подошвы, а плечо с коленом уперлись в спасительные откосы. Девятирусная бездна осталась позади.

Андрей глубоко вдохнул, нос напрягся, выпуская углекислый газ медленно, маленькими порциями. Рука поднесла ножницы к окну.

Андрей отжал тонким лезвием створку, надавил, тихо щелкнуло — окно открылось. Голое тело будто само по себе нырнуло в вонючее тепло комнаты, Андрей сразу закрыл

створку окна. Резко сел, прислушался.

Ушам не хотелось верить. Целых семь носов дышали вокруг Андрея. Три — совсем рядом и четыре — там, где должна стоять стена.

Андрей зажмурил глаза и помассировал пальцами глазные яблоки. Дождался, пока поле зрения под веками из черного стало белым, снова почернело, и тогда огляделся. Три тюфяка со спящими лежали почти вплотную к Андрею, возле них навалили неровную гору чего-то прямоугольного и ребристого — коробок с едой. Вместо стены слева зияла пустота, вертикальный «колодец» — там сопели ученики, которых Андрей увидел в окне после первого прыжка.

Обычно комнаты учеников в общежитии имели одно окно. Но эти две комнаты рядом объединили в одну большую. А значит, второй раз Андрей прыгал зря. Никакой сообразительности.

«Если бы человек был умнее, — сказал волк, — ему бы не пришлось выдерживать столь много».

По воле Андрея из глубин сознания вынырнула ширма и закрыла клетку.

Ученики не могли даже лизнуть стену, не получив выговор. Стену могли снести только уборщики из-за проевшей кладку плесени или насекомых, которые поселились в мелких щелях. Красоткинским повезло с хранилищем.

Андрей прокрался между тюфяками к двери. Его дыхание, шаги, движения и — он надеялся — мысли совсем не звучали, как не звучит игра теней на красной доске сейчас внизу в холле.

Одна рука коснулась двери, другая — крепко стиснула ножницы. Сомкнутые металлические концы вполне могли пробить височную кость и достать мозг. Прежде чем железка погнется или сломается, ее должно хватить на семь ударов. На семь черепов.

Качели выбора закачались. Тень на ширме резко выросла — зверь встал на задние лапы.

А может, железки не хватит на семь уколов, и, конечно же, кто-то точно спит на животе, уткнув в тюфяк лицо. Затылочную кость маленькие ножницы не пробьют с одного удара. Верно, пусть псы Лиса этим занимаются.

Андрей медленно повернул вертушку замка, нажал на ручку. Полоска коридорного света упала на плечо спящего у двери самурая.

Никто не входил.

Андрей закрыл собой свет, вглядываясь в размазанное чернотой лицо вражеского самурая на тюфяке рядом. Если в темноте блеснут два глаза, в один из них — пускай правый — вонзятся ножницы.

Дверь открылась чуть шире, внутрь просунулся Глеб с оголенным клинком. Андрей подвинулся. За Глебом пролезли Султанов и Смирнов, мечи их были опущены. Смирнов шагнул в угол, в густую чернь, рука с катаной произвольно поднялась перед лицом, словно маленький мальчик защищался ладошкой от темноты. Взмах клинка сбил одну из коробок из-под сока в ряду у стены.

Коробка упала, на пол что-то потекло. Кислый запах мочи смешался с тьмой.

Брызги попали на лицо второму от двери спящему. Он повернулся к чужакам в полосе света, внезапно закричал высоким визгливым голосом, и, оказавшись девчонкой, прыгнул с постели в «колодец» в стене, длинные волосы взметнулись следом.

А как будто кто-то в самом деле ожидал тихой вылазки.

Напротив руки Андрея с ножницами блеснули два глаза, непонимающе уставились на

острые металлические концы. Андрей отвел руку в сторону и пнул самурая у двери в подбородок. Челюсть проснувшегося щелкнула, откусанный кусок языка упал в лужу мочи, самурай рухнул без сознания.

Из провала в стене долетали крики, шорох кимоно и скрежет вынимаемых из ножен мечей.

Глеб толкнул дверь:

— Живо внутрь!

И бросился в смежную комнату. На границе комнат короткостриженный схлестнулся мечами с выпрыгнувшим навстречу самураем. В обход дерущихся Султанов и Смирнов нырнули в «колодец».

Лис, Коваль, Казаков вбежали внутрь. Коваль врубил свет. Казаков напал на обнажившего меч самурая у окна.

Лис подал Андрею его катану. Оголив клинок, Андрей бросил ножны под ноги. В этих узких комнатах он бы предпочел катане короткий вакидзаси Риты.

А следующей в комнаты влетела Смерть.

Глеб двумя руками проткнул врага навывлет, пока тот делал замах. Андрей с Лисом обогнули короткостриженного дайме с повисшим на его мече трупом. На ходу ладонь левой руки Андрея легла на тыльную сторону клинка, образуя вместе с кистью правой на рукояти копейный хват.

Во второй комнате кто-то врубил свет, тьма рассыпалась, впереди на красной луже поскользнулся Смирнов, белобрысого самурая понесло назад. Худая спина уткнулась в Андрея, прижала его руку с мечом к бедру.

Справа из-за плеча Казакова вырос самурай Красоткина, катана в его бледных руках взмыла над головой Андрея. Лезвие закрыло собой свет, клинок почернел.

Темный клинок падал на Андрея.

«Взявшие меч, мечом и погибните!»

Руку Андрея с катаной зажало намертво.

Как, уже пора платить? Я отдал Рите всего один сырник. Разве это равнозначная цена?

Черный металл летел вниз. Еще пара вытянок и все, конец.

«Прикройся белобрысым», — проскрежетал волк из-под ширмы.

Андрей не слушал, он попытался шагнуть назад. Не спасет — вплотную к спине дрались Коваль с противником. Вместо головы катана отсечет Андрею плечо.

Встречный меч из ниоткуда отбил черный клинок. И Лис заступил дорогу самураю.

Андрей оплеухой отбросил Смирнова на пол. Развернулся к Лису и противнику.

Самурай уже бил в Лиса — со всей силы, наклонив тело вперед. Слабая без отсеченных пальцев хватка Лиса не выдержит, удар снесет его катану вместе с грудной клеткой.

На пределе сил Андрей успел коротким взмахом сместить тяжелый удар в сторону. Лезвие врага чиркнуло по спине Казакова, следом на сером кимоно вспыхнула красная борозда.

— А-а-а-а-а! — закричал Казаков.

— Коли-и-и! — закричал Андрей.

— Мяс-а-а! — завыл волк.

Обеими руками Лис вдавил меч вперед, заорал.

Под общий ор клинок вошел в трахею врага, пробил шейный позвонок, вылетел наружу, острием уткнулся в памятку бусидо на стене. Ноги убитого подломились, подбородок упал

на лезвие, голова заскользила вниз по клинку и коснулась кровоточащими губами беспалой кисти Лиса на рукояти. На бледном запястье расцвел поцелуй Истины.

Смерть прошлась по смежным комнатам и вышла, сытая и довольная.

4

Довольные дайме клана Охотникова стояли на истыканных телах. Только Серали Султанов с залитым кровью плечом сидел у стены. Ефрем Коваль открыл окно, залетный ветер охладил жар батарей и сердец.

Никто из «псов» Лиса не погиб. Пока самураи Красоткина пытались размахнуться под низкими потолками в окружении своих, дайме просто их кололи. Как научил Андрей. Дранный недосенсей.

Ефрем с Глебом подняли ближайший труп за голову и ноги, поднесли к окну. Лис взял за волосы убитого им самурая, дернул мечом. Натянутые остатки кожи на пронзенной шее порвались, освободив клинок, обезглавленное тело повалилось на пол.

Труп из рук Ефрема и Глеба нырнул в бездну. «Ра-а-аз птенчик», — пропел Ефрем.

У каждого клана свои тайные обряды.

— Меня ранили! — завопил Казаков, махая рукой себе за спину. Лис ничего не сказал, только положил отрубленную голову на труп. Ефрем сразу же наклонился к телу, поднял кровоточащий шар, размахнулся, бросил. Круглый обрубок, сея брызги, улетел в черноту за окном.

— Два-а птенчик, — протянул Ефрем.

Глеб поковырял пальцем рану на спине Казакова.

— А-а-а... Не трогай! — крикнул Казаков. Глеб вынул руку и оглядел красный ноготь.

— Неглубокая царапина, — сказал он. — Вот Султанову-сан досталось.

Узкие глаза смуглого самурая зыркнули снизу вверх на Глеба.

— Султанов-сан проткнул Пичука-сан, — сказал Ефрем, — а он бы стал новым оябуном у чистоплюев.

В угол у окна забились наложница. Копна черных волос упала на одну половину лица, на второй сверкал красный отпечаток ладони. Смирнов наклонился над девочкой, прошептал что-то тихо и мягко.

— Казаков-сан, отведи Султанова-сан в медпункт, — приказал Лис.

Руки Анджея уже тянулись к шее наложницы, когда он резко обернулся.

— Почему я? — вскричал Казаков. Лис улыбнулся:

— Ты ранен — ты сам кричал.

Казаков нервно поджал губы: его подловили.

Нет ничего позорнее, чем быть разоблаченным во вранье.

— Иди в медпункт лечи рану, — сказал Лис. И Казаков, краснея, быстро выбежал в коридор. Султанов поднялся, цепляясь за стены, — дорожка крови стелилась следом по полу и трупам, пока он ковылял к двери.

Резко наложница кувыркнулась вперед, мимо ног Смирнова, к вакидзаси на полу. Глеб прыгнул на вытянутую кисть девочки, вдавив в нее деревянную сандалю. Видждан закричала.

Андрей неосознанно шагнул к плачущей наложнице. Коваль порвал рубашку на ней, оголив худую спинку с трясущимися лопатками.

Потеряв меч, ученики в этой школе вскоре умирают.

— Не трогайте ее, — вырвалось у Андрея.

Коваль и Смирнов поднялись с корточек, шагнули к Андрею, ладони сжали мечи в ножнах.

— Ты не решаешь, — сказал Глеб, — вставай в очередь.

И Андрей повернулся к тому, кто решает. К истинному главе клана Охотникова.

— Скажи же что-нибудь! — крикнул Андрей.

Медленно Лис сжал трехпалую руку в кулак. Бесцветные глаза устало посмотрели на наложницу.

— Андрей, — сказал Лис, — не позволим зверям безумствовать.

Андрей крепко стиснул катану, суставы пальцев заныли.

— Быть готовым к жертвам, помнишь? — прошептал Лис.

От напряжения жилы выступили на предплечьях Андрея.

— Отдай им этот кусок мяса, — говорил Лис, — это по праву их добыча. Не твоя.

Потому что Андрей не заколол ни одного врага. Он только научил Лиса и его «псов». Только открыл им дверь. А самураев Красоткина разбудили дайме и Лис.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Волк глухо засмеялся за ширмой.

Сверкая синеватыми волосами в подмышках, наложница гладила раненую руку.

Лис встал так, что острое катаны Андрея указало ему в живот. Андрей поднял катану к плечу и рубанул воздух. Дайме тут же отскочили от него, три клинка вылетели из ножен. Только Лис стоял с поднятым кулаком и не двигался.

— Сейчас тот решающий миг, о котором я тебе говорил, — зашептал Лис. — Подумай о качелях, которые мы с тобой поставим во дворе школы. Не жертвуй башней справедливости, что в этот миг возводится, ради бесчестного поступка.

Нельзя мешать торжеству справедливости. Даже если с куска мяса сдернут ночную рубашку.

Андрей слышал, как пластик рукоятки затрещал в его ладонях. И Лис тоже слышал.

— Да пойми же! — сказал Лис, — если ты сейчас погибнешь — это будет недостойная смерть!

Щеки Андрея жарко полыхнули. Искоса он посмотрел на гляделку у окна. Круглая линза бесстрастно уставилась в упор на Андрея. За ней мог стоять сейчас кто угодно. Директор, Сугияма-сенсей, сам сегун — могли сейчас видеть, как позорная ржавчина покрывает меч Андрея.

— Пережди в соседней комнате, — шептал Лис, — все здесь произойдет быстро.

И Андрей, стараясь не опускать взгляд на наложницу, вышел в первую комнату. Сначала он метнулся к окну, раскаленное лицо потянулось к стеклу, веявшему холодом. И чуть не пройдясь щекой по лезвию, Андрей отдернул голову назад — обе руки все еще сжимали перед носом катану. Рукоять все еще скрипела в ладонях.

Андрей попытался разжать руки и не смог отпустить собственный меч. Кисти и клинок дрожали. Пальцы не слушались.

«Человек, — сказал волк, ширма перед клеткой куда-то пропала, — похоже, верный вопрос, что ты вечность искал, заключается в одном коротком слове: *пора?*»

Острое клинка смотрело прямо в лицо Андрею, прямо ему в губы. Приложись к конечной точке холодного жала, охвати кончик меча крепко губами, и это мгновение заполнит не легкий иллюзорный поцелуй, а яркая вспышка предсмертной судороги. Тебе станет хорошо, только прижмись к мечу взасос, впусти внутрь себя сталь. Заглоти клинок.

Из соседней комнаты раздался вопль сладострастной боли. Пальцы вдруг обмякли. Андрей выронил меч, клинок зазвенел по бетону.

Мимо кучи цветных коробок Андрей метнулся обратно в «колодец», к стонам и крикам. На пути вырос Лис, оглядел его пустые без меча руки и горевшие щеки.

— Ты все же не такой, как все, — сказал Лис.

— Я самурай, — сказал Андрей и отвернулся. Самураи беспощадны, он не был таким и не имел права врать. Так, никаких позорных мыслей.

— А черномазая — вещь, — сказал Лис, кивнув на кучу из коробок, — как это печенье. Даже странно, что наложниц зовут «сан». Они ведь просто куклы с милыми мордашками.

Надсадные крики наложницы обжигали спину и ягодицы Андрея. Если бы он повернулся, оттолкнул Лиса, шагнул пять раз, то его ноги уткнулись бы в Риду Видждан — на полу, голую, раздираемую сверху Адамом и Ефремом. Высунутый язык Риды коснулся бы ступни Андрея.

Вроде милые восковые мордашки, а за ними красные рты, горячее дыхание в носоглотке, капилляры, полные горячей живой крови. Или холодной краски из стертых листьев клена?

— Тем более, другие кланы не должны узнать, — говорил Лис, — что сегодня клан Охотникова обогатился едой.

Голос Риды срывался, хрипел, звонкие вскрики прекратились, еще немного — и девочку в самом деле превратят в вещь.

Андрей подошел к двери в коридор, нужно найти форму, надеть. Все, кроме драной оранжевой повязки.

Вдруг дверь перед его носом открылась. Жгуты из золотых волос стегнули Андрея по глазам, сильный запах диких трав резанул ноздри.

— Видждан-сан, лакомка, ты не спишь... — быстро прошептала Лина Апостолова, янтарные глаза уставились в синие иглы Андрея. Воительница посмотрела на его ребра, впалый живот, сжавшуюся тыкалку. Моргнула пушистыми ресницами. Раз, второй.

И потянула катану из ножен.

Андрей схватил ее кисть, с усилием дернул от меча вверх. Одновременно повернулся к воительнице спиной, перехватив за локоть, скользнул под ее правое плечо. Сжал тонкую крепкую руку на плече и перебросил Лину через себя. На миг грудь Апостоловой сплюснулась на остром хребте Андрея, затем воительница рухнула на пол. И тут же врезала коленом Андрею в лицо.

Хлестким ударом голого ученика выкинуло в коридор. Весь в белом порошке, Андрей вскочил с пола и бросился обратно в комнату. Апостолова уже встала и вынула из ножен катану.

Лина полуповернулась к «колодцу» в смежную комнату и застыла. Оттуда больше никто не кричал и не хрипел. Риду Видждан наконец превратили в немую куклу.

Андрей шагнул к Апостоловой, в одной руке она сжимала меч, в другой — ватрушку.

— Я принесла это лакомке, а вы... — сказала Лина и стиснула лепешку в кулаке. Бледное треугольное лицо изуродовала гримаса ярости. — Ублюдочный демон! Я верну тебя в Извне!

Сдавленная ватрушка упала ей под ноги. Апостолова схватила катану обеими руками и вскинула длинный меч над головой. Андрей снова шагнул к воительнице. Он протянул белые, как у призрака, руки к нежному лицу с двумя мутными от слез янтарями. К густым

светлым волосам и к десятку резинок, что плотно их стягивали.

К Лису за спиной девочки. К катане в здоровой и трехпалой руках, что опускалась на все это великолепиие.

— Нет! Не надо! — закричал Андрей.

Лис ухмыльнулся и опустил клинок. Еще один тонкий девчачий крик прозвучал в трупной комнате. Порубленные резинки разлетелись в стороны, светлые волосы раскидало по полу. Силы вдруг покинули Андрея, он рухнул на колени. Затем взял с пола ватрушку — всю в липкой кленовой краске.

Темные брызги на творожной начинке остыли. Так бывает, когда люди превращают в вещи других людей.

Андрей глупо улыбнулся и откусил кусок лепешки.

1

Рита изо всех сил держала темп. Если она еще сбавит скорость, то совсем сдастся и остановится. Шорох сухой травы под сандалиями сменился стуком деревянных подошв по асфальту, ноги больше не спотыкались, но Рита уже не могла глубоко дышать. Вязкая слюна склеила распухший язык с ротовой полостью. Сердце билось об грудную клетку.

Ученики 8 «Б» цепью растянулись вокруг старшей школы, Рита даже числа такого не знала, какой по счету круг она сейчас заканчивала. Она плелась позади всех одноклассников, кроме Марины Ягодки, и ее временным ориентиром была тень солнца на низких спрессованных тучах.

8 «Б» бежал и бежал, потому что на уроке Сингенин Андрей неверно рассказал легенду про сгоревшего самурая.

При каждом выдохе легкие Риты трещали, как замерзшая вишня на ветру. От пота рукава кимоно растянулись до самых колен.

Каждый новый шаг приближает тебя к утрате своего «я», граница между мыслью и движением ног рассыпается, стирая подчистую ощущение «я живу, я существую». Это единственный опыт постижения истинной природы, который можно найти в школьном расписании.

Наш Бесконечный круг жизней и смерти.

Время обеда прошло три урочника назад, а есть не хотелось. Горячая вонючая струйка пару раз стекла по ее ногам. Когда ей хотелось пить, она сосала мокрый от пота ворот кимоно на груди. Ее икры и бедра вытерпели столько судорог, сколько она не умела считать.

Они бежали, потому что сегодня Буглак-сенсей был не в духе.

Если твое тело — это иллюзия, ты можешь бежать бесконечно. Солнце делает свой вечный круг, ты — свой.

Когда батареи в школьных коридорах включают к зиме, слой старой пыли на них поджаривается и воняет, — так пахло сейчас горячее дыхание Риты.

Ты ищешь глазами цель, хотя бежишь в никуда. Это иллюзия жизни. Нечего силиться вернуть то, что ушло.

Стоит круглой тени вверху перевалить половину небосвода, и ты уже не видишь разницы между прошлым и настоящим. Твой мертвый брат несется рядом с тобой, он ухмыляется с издевкой, как никогда не ухмылялся. Брат из прошлого, но Рита из настоящего, потому что она не сдастся, поднимает колени перед собой. Рита из прошлого сдалась бы.

К сумеркам со лба Риты вместо волос свисали мокрые водоросли, еще пара кругов — и они полностью растворятся в обильном поту.

Каждая кость в теле жгла изнутри, как раскаленная палка, мышцы вокруг нагретой трубы позвоночника медленно испарялись. Тонкие руки болтались и хлестали по бедрам.

Брат беззвучно шевелил губами. Сандалии Риты хлюпали по маленьким желтым лужам, которые на бегу сделали ученики.

Волшебный круг вне времени. Мало того что в нем прошлое бежит рядом с настоящим, еще он привносит что-то свое. Ведь брат никогда раньше не улыбался.

В прошлом Рита только хотела быть тенью Стаса. Незаметной, неосязаемой тенью. Но Стас хватал ее за руку и говорил:

— Посмотри на меня, и если я увижу страх в твоих глазах, то отпущу тебя.

Его слова не могли не возбуждать. Риту трясло от них, она почти кричала. Держи меня, держи крепко!

Стас обожал бусидо. И, не задумываясь, рубил слабаков и нерях, стоило им попасться на глаза. А Риту Стас не рубил, Риту он пытался сделать сильной.

В прошлом сестра и брат часто спали голыми под раскрытыми окнами, крепко обнявшись.

Как-то Рита срывала еловые иголки для рисунка темного леса под луной, и к ней из зарослей выбралась дикая рыжая кошка. Она сразу далась Рите на руки, и наложница гладила мягкую шерстку, когда их увидел брат. Клинок Стаса мигом вылетел из ножен и прибил ушастого зверька прямо из дрогнувших рук Риты к стволу ели.

— Ты слаба, — сказал тогда Стас.

В тот день на переменах Рита еще пару раз приходила к ели погладить восхитительную шелковистую шерсть на трупке котенка. А потом котенок запах гнильем, шкурка его некрасиво поблекла, и Рита перестала ходить к той ели.

Стас ненавидел слабых и неопрятных. Если бы Андрей не разбудил брата в свой первый день в школе, его бы самого разбудил Стас — за мягкое кимоно и грязные ноги.

Еще в седьмом классе в их комнате брат приказал сестре раздеться догола. Стас взял сестру за белые бедра и оторвал от пола, жесткие красные волосы на его голове щекотали ей живот.

Поставив Риту на подоконник, Стас распахнул окно. Зимний ночной воздух проник в комнату. Мурашки усыпали кожу Риты, Стас покосился на них.

— Ты слаба, — сказал он.

— Это не от холода, — ответила она.

Его сильная рука больно сжала Рите запястье, а затем брат толкнул ее в бездну за окном.

Тьма под ногами бросилась навстречу, и Рита повисла на жестком тросе из костей и сухожилий брата.

— Посмотри на меня, — крикнул сверху Стас, — и, если я увижу страх в твоих глазах, то отпущу тебя.

Рита тряслась от этих слов и холодной пустоты под ногами. Взгляд приковала чернота внизу, щеки дрожали. Мороз быстро превратил нежную кожу в ледяную корку.

Рука Стаса вскоре тоже слегка задрожала.

— Я не собираюсь держать тебя вечность, — кричал брат, — либо подними голову, либо пади.

Все способно ускоряться, кроме твоего жалкого белого усеянного мурашками тела. Рухни в бездну, и мираж исчезнет, весь этот постоянный стыд, вечная боль, презрение брата. И Рита поняла, как глубоко увязла в своем теле. Ее незрелые груди, сырые подмышки, растянутое хваткой брата запястье. Это тело уже умирает.

Рита с силой сжала кисть Стаса, белое лицо поднялось к черноглазому судье.

— Как скажешь, брат, — равнодушно сказала Рита, и ни один мускул больше не дрожал на кукольной маске.

Стас вглядывался долгую вытянку, затем втащил сестру в комнату.

Внутри Рита схватила себя за плечи. Озноб бил ее никчемное тело. А над ней возвышался Стас, похожий на огненного демона. Красные волосы тряслись на ветру, словно

языки жаркой преисподней облизывали лицо. Кимоно распахнулось, и голая веснушчатая грудь манила прижаться, прильнуть губами к левому соску и всосать жар горячего сердца.

— Мне холодно, — Рита потянула руки к брату, но он ударил ее в живот, и наложница, кашляя, упала на пол. Перешагнув Риту, Стас шире распахнул окно.

Ночь она спала голая, брат запретил прикрываться, сам разделся и сопел рядом нагой и недостижимый.

В следующую ночь перед сном Стас снова велел сестре лечь голой у раскрытого окна. Но Рита села к нему на тюфяк, ее рука погладила горячую мускулистую шею.

— Мне холодно, — прошептала она.

— Ты слаба, — лишь сказал он. Рита пожала плечами и потянула вакидзаси из ножен. Стас смотрел.

— Что еще ты придумала? — спросил он, когда короткий клинок обрел свободу.

— Ты знаешь: я слаба, — сказала Рита, — если это проблема, я решу ее. Все вокруг меняется, но мы не можем порвать с нашим видением о том, кто мы есть. Мы не знаем будущего, поэтому прошлое навечно с нами. Ты, брат, как высокая сосна, а я валежник у твоих корней. Если тебя больше это не устраивает, я решу проблему.

И Рита коснулась своего живота острием вакидзаси. Стас резко выбил из рук сестры меч. Вытянку они смотрели друг на друга.

— Мне холодно, — повторила Рита, обняв Стаса. Он сдавил наложницу в ответ, так что все косточки в ней сладко затрещали. Брат и сестра легли на тюфяк, почти сразу уснули, не отпуская друг друга.

Тень у солнца потерялась в свалке туч на горизонте, а Рита все бежала. Ремни сандалий стерли лодыжки до крови.

Простые мысли стали казаться великими откровениями.

Пробежать бесконечность кругов или ни одного — никакой разницы. Вечность и пустота — суть одна. Если бы Рита никогда не рассталась с братом, то не ценила бы так время с ним, не скучала бы сейчас по его сильной шее и больно сжимающим рукам.

Схлопни вечность — выйдет ничто.

Слава сегуну, будущее когда-нибудь оборвется смертью, иначе Рита была бы бесконечной пустой иллюзией как дурацкая жизнь.

Мертвый брат справа опять язвительно ухмыльнулся.

Кто знает, вдруг однажды Рита так же будет скучать по Андрею. Хотя вряд ли.

С вылазки Андрей пришел в комнату, когда рассвело. Все утро до построения он сидел на полу и странно улыбался стене перед собой. Губы и подбородок его были в хлебных крошках, руки — в порошке. Убийца двух оябунов что-то тихо бормотал себе под нос.

Рита с расстёгнутой на груди рубашкой ходила перед ним, а он смотрел только на листок бусидо на стене и шептал что-то про Апостолу-сан. Что-то про ее резинки для волос.

На построении Андрей встал позади всех членов клана Охотникова. Когда Лютин, ведя переключку, произнес: «Сингенин-сан», Андрей ничего не сказал, и тогда Лис впереди крикнул: «здесь!».

Сразу после построения Рита повела Андрея в столовую. На пороге он застыл и указал пальцем на раздаточную ленту.

Сотни подносов с вонючими голубцами, сырниками и ягодными компотами очередью

ползли к противоположной от входа стене. Хромированные держатели ленты спрятались под плотным рядом пластиковых подносов.

— Откуда все это? — закричал Андрей, его указательный палец дрожал, — еще вчера нас морили голодом!

— Господин, иногда сегун нас испытывает, урезая на три-четыре дня порции, — быстро сказала Рита и облизнулась на большой желтый сырник на проехавшем мимо подносе. — Но испытание позади. Пойдем же завтракать, а?

В столовую вслед за двухмордыми вошли дайме клана Охотникова.

— Где Лис? — Андрей перегородил дорогу Лютину.

— Лиса-с-с-са-а-ан, — протянул Глеб, — не будет на завтраке. Следи за языком, Сингенин-сан.

— Порции, — Андрей махнул рукой в сторону тарелок. — Он говорил: мы умрем с голоду.

— Если бы порции урезали дальше. — Глеб оскалился. — Ты это прослушал, Сингенин-сан?

Дайме держали ладони на оби и сверкали глазами. Между ними и Андреем Рита топталась на месте, с трудом сдерживая притяжение к желтым творожникам. И Андрей отступил в сторону, дайме прошли к раздаче.

На уроке бусидо Буглак велел Андрею рассказать классу легенду о самурае господина Сомы.

Андрей поднялся со стула, взгляд его не отрывался от спины Лиса. Рита нахмурилась: как будто они и так всю ночь были не вместе.

— Когда имение господина Сомы загорелось, его слуга самурай вызвался спасти родословную книгу господина от пожара, — говорил Андрей. — Без раздумий бросившись в горевший дом, самурай нашел книгу, но к тому времени огонь уже охватил все вокруг. И самурай...

Лис повернулся к Андрею, и господин сразу шагнул к нему. Рита слегка стукнула кулаком по парте. Вот тянет же!

От резкого стука Буглак вздрогнул, поднял взгляд с листка в руках на класс.

— Сингенин-кун, чего молчишь? — закричал завуч. — Посмел забыть легенду?

— Нет, сенсей, — наконец Андрей отвернулся от гадостного узкого лица.

— Так говори живо!

— Самурай обнажил катану, — сказал Андрей, — и вонзил ее. В пол.

Весь класс разом выдохнул: КУДА? Ученики посмотрели на Андрея, а он говорил дальше:

— Между досок в полу. Самурай разломал пол, вскопал мечом землю и зарылся вместе с книгой под дом. Когда разгребли развалины после пожара и выкопали самурая, он был жив, а книга — цела.

Вот так Андрей привел Буглака в ярость. Завуч с трудом сдерживался, а Марина Ягодка, эта глупая недотычка, еще и ляпнула:

— Буглак-сенсей, а вы ведь учили, что самурай разрезал себе живот и засунул книгу во внутренности, чтобы уберечь ее? — Эта глупая недотычка почесала белокурую макушку. — Хотя так бы книга, в самом деле, могла сгореть.

Грузное тело Буглака поднялось со стула.

— Класс, молчать! — крикнул завуч. — Ни слова!

Слюнявые брызги учителя долетели до лица Риты и повисли на ее ресницах. Поднять руку и вытереть глаза она не решилась.

— Сингенин-кун, самурай из твоей легенды жаждет жить? — спросил Буглак.

— Нет, сенсей, — склонил голову Андрей.

— Сингенин-кун, ты жаждешь жить?

— Нет, сенсей.

Буглак упер тяжелые кулаки в столешницу.

— Доказать, Сингенин-кун. Сегуну нужно доказать. Идите на улицу и бегите, пока вам не велят остановиться. Докажите, что жизнь не властна над вашим духом, что плоть не сковывает вас. Если вы остановитесь и опозоритесь — что ж, классную дверь я оставлю открытой, мечи будут ждать вас здесь. 8 «Б», живо на улицу!

Звонки с уроков и на уроки звенели, а 8 «Б» все бежал. Рита видела мир вокруг ярких желтых пятен разной формы и величины, хотя давно должно было стемнеть.

А откровения все приходили.

Нескончаемый бег — всего лишь еще одна борьба с телом, этим жалким плаксом. Оно стонет, испражняется, просит пить, а ты гонишь вонючего ссыкуна вперед. Топчешь кровоточащими ногами твердую землю, несмотря на то, что печень режет внутри, а мочевого пузыря словно болтается между ног.

Ветер вдруг обдул Рите лицо, и мимо пролетела Марина Ягодка. Лицо и волосы глупой недотычки закрывали желтые вспышки. У Риты закружилась голова.

Все. Теперь Рита позади всего класса, снова она — самая слабая.

Брат беззвучно засмеялся.

Теперь Рита пойдет вслед за Стасом, Андрей же целиком достанется Бесхвостому.

Но вместо того чтобы остановиться и пойти в класс бусидо, вместо того чтобы взять свой вакидзаси и совершить сэппуку у школьной доски, вместо того чтобы привычно сдать, Рита быстрее застучала сандалиями.

Ты — вещь, кукла, так выполняй же скучную механику своего тела: держи рот открытым, дыши не переставая, опускай и поднимай колени как можно быстрее. Быстрее! От тебя требуется только это.

Еще быстрее!

Быстрее, я сказала, слабая дрянь!

Еще быстрее-е-е-е-е-е!

Асфальт закончился, недотычка Ягодка промелькнула и осталась позади. Рита бешено рванулась по полю. Одноклассники в серых кимоно выросли впереди, вдруг очутились рядом, отстали, исчезли. Ее стремительный бег уносил их за спину, усталые лица провожали Риту безразличными взглядами. Ученики потеряли почти все силы, и удивить их было невозможно.

Впереди стало пусто — никаких серых кимоно. Только плавающие желтые пятна на лысых кустах и стенах школы. Наконец, появился и он. Одинокий серый прямоугольник с алой полоской оби поперек стремительно увеличился, приближаясь. Господин Риты мог быть только там — далеко впереди остального класса. До сего мига.

Рита поравнялась с господином, Андрей повернул голову к ней. Его сухой рот запахнулся от удивления. Мой господин, насколько же ты силен, раз еще способен удивляться?

Небо и школа перед глазами исчезли под сотнями сотен желтых вспышек.

Рита пошатнулась — ее затошнило. Но она на целый шаг опередила господина!

Наконец Рита могла больше не ходить с расстегнутой грудью перед ним. Не льстить, не навязываться. Брат, ты это видишь? Возрадуйся: Рита стала сильной.

Ноги заработали быстрее, и вот Рита уже на два шага впереди Андрея.

Мой господин, не такой уж ты и быстрый!

И зрение вдруг оставило Риту. Она споткнулась, чьи-то твердые руки подхватили ее на лету.

Брат?

Господин?

И черный колодец поглотил мир.

Белые стены и потолок медпункта выглядели как слепленные из плотных облаков, молочно-бледных и холодных. Желтую занавеску затянуло в открытое окно и трепало над темным школьным двором.

Рите подсунули под нос что-то резко пахнущее, и она проснулась. Ее сломанное тело без сил лежало на мягкой койке, ее голова не могла подняться с подушки, ее испуганный взгляд смотрел на дерганье желтой и пушистой, как хвост нарисованной лисы, занавески, пока в рот вливали густой теплый раствор.

— Забавно, — сказал мрачный скрипучий голос, — обезвоживание и голод спровоцировали резкое уменьшение крови в организме Амуровой-кун. Затем сердце не справилось с возросшей нагрузкой и не смогло быстро увеличить выброс крови. Если попростому — клеткам Амуровой-кун не хватило кислорода. Редко в старших классах из-за такой неопытности происходят обмороки. Даже у наложниц — они знают свой предел и научились балансировать на нем. Забавно.

— Простите, Сошин-сенсей, — сказал звонкий голос, и Рита узнала Андрея. — Сегодня Амурова-сан преодолела предел, и не только свой — всего класса. Сегодня Амурова-сан обогнала всех нас.

— Вот как? Забавно, — уныло, без интереса протянул старый голос.

— Сошин-сенсей, простите. Но что будет с Амуровой-кун?

— Уборщики отвезут ее в общежитие утром.

— Сошин-сенсей, прошу, разрешите перенести Амурову-сан в общежитие мне самому. Сейчас.

— Синегин-кун, разве уроки закончились?

— После того как Амурова-сан потеряла сознание, Буглак-сенсей прекратил урок и велел мне отнести ее к вам. С вашего позволения я забираю Амурову-сан.

Риту осторожно подняли с кровати. Голову и левое плечо Риты прижало к твердому и теплому телу. Знакомый запах пота и грязной кожи. Рита закрыла глаза.

— Сингенин-кун, подожди, — снова скрипнул голос сенсея, — если Амурова-кун сейчас не поспит, то, скорее всего, не доживет до утра.

— Сошин-сенсей, простите. Но уроки закончились, поэтому ничто не может потревожить сон Амуровой-сан. И не потревожит.

— А ты зачем же вызвался нести ее? Потерпи до завтра и можешь дальше делать все, что обычно делаешь с ней, когда темнеет. Не сдержишься в эту ночь — и других ночей с этой наложницей у тебя не будет.

— Сошин-сенсей, простите. Единственное, что я должен Амуровой-сан — это защищать ее как своего слугу. Больше ничего я не обещал Амуровой-сан делать с ней ни днем, ни ночью. Прощайте.

Сандалии Андрея застучали по полу. Рита зарылась носом в складки кимоно, пахнувшие потным сильным животным.

— Это в самом деле... забавно, — скрипучий возглас сенсея донесся до Риты уже во сне.

2

Когда Рита проснулась, пить ей не хотелось, а Андрей сидел на краю Ритиногo тюфяка и вытирал брызги с ее подбородка. Ночью господин несколько раз поднимал голову Риты и заставлял пить из кастрюли воду.

— С возвращением, — сказал Андрей. — Можешь спать еще. Построение будет только через два урочника.

— Господин ранен? — Рита коснулась красных пятен на рукаве Андрея.

Андрей закрыл пятна другим рукавом.

— Нет, — сказал он, — пока я нес тебя к комнате, на нас напали двое семиклассников.

— Эти крысы решили, что господин — легкая добыча, только из-за того, что твои руки несли меня, — резко прошипела Рита, — они поплатились?

— Я разбудил напавших от иллюзии жизни.

— Господин — могучий мечник, — улыбнулась Рита, ощупывая оби и тюфяк под собой. Знакомой твердости нигде рядом не было.

Андрей потянулся и поднял с пола у стены сложенный холмиком оби:

— Я знаю, о чем ты думаешь.

Рита поднялась на локти и оглядела комнату.

— Ты не должна пробуждаться, — сказал Андрей.

Рита повернула голову, ее ищущий взгляд скользнул по подоконнику.

— Но я выспалась, — сказала она.

— Не прикидывайся, что не понимаешь, — приказал Андрей. — Вчера ты не опозорилась. Буглак-сенсей прекратил урок сразу же, как ты обогнала меня.

Рита смотрела на серый сверток ткани в руках Андрея.

— Чье это оби? — спросила Рита.

— Неважно, — сказал Андрей и указал на рисунок над ним. Белоснежная лиса извивалась на черном фоне, распушив семь радужных хвостов. — Эти рисунки на стенах созданы тобой не просто так.

Рита встала на колени, у дальней стены из-за спины Андрея выглянула черная рукоятка вакидзаси. Рита на четвереньках поползла к мечу.

— Чтобы достойно умереть, не нужно рисовать ни лис, ни вишен, ни полную луну! — закричал Андрей. — Зачем ты разводишь краски и наносишь их на полотна? Зачем, к демонам, ты вообще дышишь? Зачем ты пообещала служить мне? Вчера ты одолела свой предел не затем, чтобы умереть сегодня.

Рита взяла вакидзаси и снова встала на колени. Андрей бросился к ней, сверток выпал из его рук.

— Ради чего ты бежала? — Андрей схватил Риту за плечо. — Все умрут, кто-то — достойно, кто-то — нет. Но только ты и я живем ради цели.

Андрей держал Риту крепко, но не причиняя боли.

— Ну же, ударь меня! — крикнула Рита и вырвалась из рук Андрея, — накажи наконец меня за то, что я так слаба! Когда я опередила тебя на один-единственный шаг, казалось, все закончилось. Я возомнила себя сильной, как господин или брат. И тут же поломалась, как кукла. О сегун! Что я только бы не отдала ради твоей силы, господин! Но ты брезгуешь даже просто повеять ею на меня: обнять, толкнуть, ударить, да хоть пнуть! О сегун! Если бы ты и вправду был демоном Извне! Если бы ты мог наполнить мощью мои мускулы, это было бы волшебно! Проник бы ты через сосцы в мою кровь и нагрел ее до жидкого огня... Или обернул бы мое тело в змеиную чешую и научил дышать губительным для всех ядовитым смрадом — плевать. Если бы ты сделал меня сильной, господин, все вопросы меж нами решились бы тут же.

Рита опустила голову к ножнам.

— Все-таки я не демон Извне, — тихо сказал Андрей. — Я не могу нарастить на твоём теле чешую, шипы, жало. Но я могу научить тебя владеть мечом, как никто здесь не умеет.

Рита потянула вакидзаси из ножен.

— Не выйдет, — сказала она. — Катана слишком тяжела для меня.

Резко распахнув кимоно, Рита поднесла острый клинок к животу.

— Выслушай меня, — быстро сказал Андрей, и Рита подняла на него глаза. — Я говорю не о катане. Если бы в этой школе ученикам позволялось выбирать меч, я бы взял вакидзаси.

— Что? Почему, а?

— Когда лезвие меча заточено настолько остро, что даже его простое прикосновение смертельно опасно, тяжелый клинок без надобности, — сказал Андрей. — А чем короче и легче меч, чем на вид он бесполезней, тем быстрее ты извлечешь его и нанесешь удар.

Острие вакидзаси смотрело на Риту. Бесполезный меч, которым она никого никогда не пробуждала.

— Прошу, покажи.

— Для этого убери клинок в ножны.

Рита повиновалась.

Одна вытяжка, и вот господин и наложница стоят друг напротив друга. Андрей поправляет вакидзаси за оби Риты, сильные пальцы берут ее левую руку и кладут на ножны у самого верха, затем прижимают кисть ее правой руки к рукоятке вплотную к цубе. Теплое дыхание господина согревает Рите лоб. Начавшийся восход щедро облучает комнату розово-желтым светом.

— Поверни меч в ножнах на половину прямого угла вокруг линии, соединяющей острие и конец рукояти, — говорит Андрей, направляя руки Риты. Рассвет окрашивает розовым его зубы и белки глаз.

Прикосновения господина мягкие, не как у брата, они не оставляют на коже кровоподтеков, даже красноты. Зачем сильным кистям притворяться слабыми? Зачем этот клинок так долго выглядел бесполезным?

— Теперь извлекай меч, начиная медленно и ускоряясь при выходе клинка из ножен, — говорит Андрей и слегка сжимает правую руку Риты. — Представь, что я твой противник. Целься острием мне в горло.

Рита резко выдергивает лезвие из ножен, круговым движением меч вспарывает перед ней воздух. На миг она закрывает глаза, готовая услышать хрип пронзенного горла и бульканье кровавой каши.

— Не спеши, — вместо предсмертного сипа слышит Рита у самого уха. И чувствует

господина за спиной, в то же время руки Андрея ни разу не отпустили Риту, будто он, как бестелесный призрак, прошел сквозь меч и наложницу. Но призрак не может дышать тебе в ухо так жарко.

— Держи вакидзаси параллельно полу так, чтобы лезвие не дрожало, — говорит господин. — Острие меча показывает, насколько ты невозмутима. Если острие трясется — значит, самурай не владеет собой. И тем более не владеет мечом.

Никаких сверхспособностей, как с братом. Лишь легкие уверенные движения. Вместе с господином Рита быстро, почти не сгибая обе руки, заносит меч над головой. Клинок снова летит в Андрея сверху, но неуловимый господин тут же смещается к правому плечу Риты.

— Не спеши, — бесстрастно повторяет Андрей. — Наклони острие ниже рукояти. Эта позиция для режущего удара вниз, но, если противник ударит раньше, его меч соскользнет по лезвию, не поранив твоей головы.

Все это сильно отличается от того, как учил Риту брат.

Полгода назад холодным вечером Рита потянула к Стасу руки. Было это на следующий день после того, как Стас позволил Рите обнять его, после того, как брат и сестра спали вместе раздетыми на одном тюфяке. Рита раскрыла объятия, но Стас отмахнулся от нее и ткнул в сестру ножнами с катаной.

— Живо бери, — сказал брат. — Ты обязательно научишься владеть истинным мечом. Иначе я сам вспорю тебе живот.

Брат не говорил так много слов, как господин.

Брат рассекал ладонью воздух.

Брат кричал:

— Руби!

После четырех широких взмахов Рита уже не могла поднять меч, руки ее повисли как плети, спина сгорбилась, и острие длинного клинка уткнулось в пол. А брат продолжал кричать:

— Руби!

Брат снова требовал от Риты невозможное. Как в легенде о южанке.

Давным-давно благородному князю с диких южных земель привезли новую наложницу. Кожа ее была черна словно пепел, а пухлые губы и язык были ярко-розовыми. Тонкая как травинка и мягкая как персик, наложница увлекла князя, и он подолгу с ней забавлялся.

Здесь и сейчас Андрей берет локти Риты и слегка их разводит:

— Когда начнешь рубить, своди локти и не держи крепко меч. Так в момент удара ты сможешь усилить хватку.

Прошлое снова шагает об руку с настоящим. Вечер полугодичной давности бежит за тобой.

Тогда под гневным взглядом брата Рита тяжело дышала и силилась поднять катану. Стас наклонился к ее уху и крикнул не сдерживаясь:

— Руби же, заберут тебя демоны!

Согласно легенде, однажды у благородного князя гостил сегун. Господин господ посмеялся над прислуживающей за столом южанкой и, назвав ее чушкой, удалился. Оскорбленный князь велел наложнице смыть с кожи срамный черный цвет до заката.

В настоящем у Риты нет другого выхода, как стать сильной.

Здесь и сейчас Андрей медленно опускает ее руки, одновременно сгибая в локтях. Клинок совершает круговой взмах, удаляется от тела вначале и приближается в конце. Если

бы господин переместился вперед, лезвие рассекло бы его на последней трети движения.

Не смотри в увлеченные глаза господина.

Не произноси даже мысленно такие слова, как благодарность, желаю, возьми меня, поцелуй.

На закате благородный князь явился в покои черной наложницы. С ложа утех на изогнутые арабски шелкового ковра стекала кровь. Хлопья темной кожи плавали в красной луже на светлой постели. В центре покоилась нагая южанка, ее бедра, ее блестящие груди, ее тонкая шея, ее гладкое лицо стали рыхлыми, мокрыми и сочно-розовыми. Из волокнистых тканей оголившихся розовых мышц сбегали сотни красных ручейков.

Говорят, южанка смогла избавиться от срамного цвета, только соскоблив его вместе с кожей.

В прошлом Рита видела только один путь избавиться от срамной слабости — соскоблить ее мечом вместе со своей жизнью.

— Руби, слабая кукла!

От резкого крика брата в ухо Рита едва не упала. Стас разгневался, и Рита попыталась решить проблему как умела.

Молча она перехватила катану острием клинка вниз от мизинца, дрожащие руки вскинули тяжелый меч и резко опустили. Клинок упал, острый конец коснулся живота Риты.

Никогда конец срамной слабости не был так близко.

Но брат резко пнул по клинку. Риту и катану отбросило прочь друг от друга.

Сталь зазвенела по бетону, Рита упала и потрогала косую царапину возле пупка в распоротом кимоно.

Прежде чем сестра встала, Стас сел на нее верхом. Стальные пальцы брата сжали ее левую грудь так сильно, что она чуть не потеряла сознание.

— Ты принадлежишь мне! — закричал брат и ударил кулаком Риту в скулу. — Никогда не смей портить мои вещи! Слабая дрянь, ты поняла? Поняла, что ты моя вещь?

И брат стал лупить сестру, тяжелые кулаки сверху месили тело словно яичный желток для Ритиной краски. Рита вопила, слабые руки тщетно пытались остановить удары, тонкая поясница извивалась под братом. Стас держал ее, бил, орал «не смей», «слаба», «кукла», «моя», из его черных глаз брызгали слезы. Щеки и лоб тряслись.

Пытаясь защититься, Рита уперлась ладонью в промежность Стаса. Словно в ответ хакама на паху брата стали влажными и липкими. Стас тяжело задышал и прекратил бить. Затем вдруг упал на Риту. Вдавился всем тяжелым телом в сестру.

Рита обхватила руками спину брата. Тонкие губы наложницы прижались к мускулистой шее. Стас уперся в бедра сестры отвердевшим низом живота и засопел ей в плечо.

Наказание закончилось, и Рита перестала на что-либо быть способной. Кроме как лежать на полу и ощущать трение друг о друга сломанных ребер, тяжесть сверху, соль братских слез на разбитых предплечьях, кровоподтеках на лице, царапине возле пупка. Соль проникала внутрь ран, жгла.

Тогда Рита мечтала, чтобы брат никогда не оставил ее и не прекратил обдавать кипятком своей силы.

Здесь и сейчас Рита не имеет права быть слабой. Ведь брата больше нет с ней.

Клинок замирает перед Ритой, Андрей вплотную прижимается к ее спине, чтобы не отпустить локти наложницы.

— Мы закончили извлечение и рассечение, — говорит Андрей, — теперь повтори без

мен...

Но Рита подает голову назад, ее тонкие губы останавливаются совсем близко у раскрытого рта Андрея.

— Наверно, невыразимо сложно — обладая такой опасной силой, не поддаться настроению и не разбудить того дерзкого, кого бы ты на самом деле хотел не рассекать клинком, а подчинить, — тихо говорит Рита. — Или дерзкую, а?

В ответ Андрей опускает взгляд и неожиданно стонет:

— Вчера на вылазке я не сделал этого. Я позволил дайме разбудить Видждан-сан. Я позволил Лису-сан разбудить Апостолову-сан. Имел я право им мешать? Я мог остановить всех, но ничего не сделал. Кусок мяса — сказал Лис про Видждан-сан. Вещь. Добыча дайме.

— Вот как, — говорит Рита, — Видждан-сан и Апостолова-сан. Ты бы желал сразу обеих?

Лицо Андрея краснеет, он озирается на гляделку.

— Спасти? Да... Это недостойно, знаю, — шепчет господин, — я не был в долгу перед ними, значит, не мог их защитить. Но... Стоит мне закрыть веки... то вижу гневные янтарные глаза Апостоловой-сан.

— Вот как, — говорит Рита, — таки обеих. Но Апостолову-сан больше. Это потому что она была светленькой? Или рослой, почти как господин, а?

— Амурова-сан, — вдруг говорит Андрей, — тебе тяжело? Почему ты трясешь мечом?

Клинок вакидзаси в руках Риты так дрожит, что острие нельзя поймать взглядом рядом ни с одной из сотен пылинок, танцующих в солнечных лучах. Но это ничуть не значит, что Рита не владеет собой. И тем более — не владеет мечом!

— Вот как, — говорит Рита, — господин, а может потому, что Апостолова-сан могла драться катаной, а?

Андрей отпускает локти Риты и встает перед ней. Трясущийся клинок вакидзаси целит ему то в грудь, то в плечи, то в рот.

Из тени в углу рядом со шкафом высовывается красно-рыжая шевелюра. Невозможно не узнать идеал из прошлого. Это грубое лицо с черными глазами. Эта мускулистая шея.

Голова господина вдруг склоняется в легком поклоне. Вроде бы стоит немного выше поднять вакидзаси — и лезвие рассекает бледный лоб надвое. Но наивно так думать: никаких рассечений не выйдет, только услышишь еще одно небрежное «Не спеши».

— Я тоже не ведаю почему, — говорит Андрей, — но благодарю тебя. Не думал, что меня кто-нибудь поймет и не осудит. Я разберусь с Лисом-сан.

Брат в углу язвительно ухмыляется, его ладонь указывает на Андрея и рубит воздух.

— Но ведь, — шепчет Рита, — я еще никого никогда не пробуждала от иллюзий.

Андрей поднимает глаза, на голый острый клинок прямо под носом даже не смотрит.

— У меня был наставник в Михеевской школе, — говорит господин, — сенсей однажды сказал: убьешь чудовище — и сам станешь чудовищем.

— Вот как? Значит, все ученики делятся на чудовищ и кукол. Повезет тому, кто разбудит сильнейшее чудовище в школе и заберет его силу.

— Повезло мне, — говорит господин. — Впервые за всю старшую школу вижу кого-то, кто признался, что он не чудовище.

— Ты льстишь мне, господин. Наложницы не то что не чудовища, а так просто куклы, — пожимает плечами Рита и убирает меч в ножны.

Чтобы стать сильной, стать самураем, стать чудовищем, нужно много тренировок,

намного больше, чем Рита умела считать.

Тренировка продолжается. Господин смотрит, как Рита извлекает меч и рубит воздух между ними. Брат в углу то улыбается, то безмолвно шевелит губами, то его ладонь снова рассекает воздух.

Здесь и сейчас Рита прекратит быть слабой. Ведь больше некому отомстить за брата.

Хотелось поскорее закончить, поэтому Лис одной рукой схватил голову пятиклассника за рыжий хвостик, а костяшками второй с размаху вlepил по его пухлым губам. Россыпь белых осколков посыпалась из раскрывшегося маленького рта мальчика. Лис ударил снова, и кожа на костяшках его изувеченной руки порвалась об обломки зубов, высунувшихся из-под разбитых губ пленника.

— Пробудись же, вот достал! — вскричал Лис.

Здесь, в подвальных комнатах Кодзилькинской старшей школы, ученики либо орут, либо тихо плачут. Это единственные звуки здесь. Помимо шороха крыс за стенами. Помимо журчания воды в ржавых трубах. Ну еще, бывает, кто-то смеется.

И никаких говняных разговоров о долге и чести. Слава сегуну!

Спинка стула под телом пятиклассника скрипела. Его руки мелко дрожали вместе с привязанными к ним шаткими подлокотниками. Нависая над мальчиком, Лис молотил его по лицу, пока маленький нос не свернулся в сторону и не прилип кончиком к правой щеке.

— Будь благодарен и пробудись, — сказал Лис переводя дух.

Катана торчала из-за оби Лиса прямо напротив лица связанного пятиклассника. Темно-коричневые глаза пленника посмотрели на черную рукоятку меча.

— Конечно, я могу тебя зарезать, — сказал Лис, — но задумывалось, что твоя мучительная смерть принесет мне удовольствие. Как раньше.

Короткий вопль раздался из-за закрытой двери, откуда-то из соседних комнат слева. И сразу за ним — счастливый, полный радости смех. Лис с завистью посмотрел на левую стену комнаты, всю в засохших ржавых подтеках. Каждое темное пятно — словно распятая на бетоне тень. Словно память, словно след разложившегося мученика. Неплохая замена лоскутным алтарикам из свернутых оби.

Месиво на месте губ пятиклассника что-то прохрипело и сплюнуло на заплесневелый пол влажно-красный ком.

— Спрашиваешь, за что меня благодарить? — спросил Лис.

Обеими руками он резко дернул вверх рыжий хвостик на голове пятиклассника.

— Благодаря мне тебе больше не нужно гадать, проживешь ты этот день или нет, — сказал Лис, — ведь ты знаешь, что нет.

Лис дернул хвостик еще раз и посмотрел на ком вырванных рыжих волос в руках.

— Я подарил тебе свободу, — сказал Лис. — Я вложил в твой разум неоспоримое знание, что сегодня ты проснешься от иллюзий. Свобода — это когда не остается надежды. Когда знаешь, что ничего уже нельзя сделать. Забудь об обетах и обещаниях. Все кончено, я задушил всякую надежду для тебя. Так расслабься и сдохни уже!

Лис отряхнул руки. Рыжие волоски медленно полетели и опали на распахнутое кимоно пятиклассника, прилипли к красным полоскам влажного мяса без кожи на бледной груди. Соскользнули на сверток оби на полу у стула. Часть волосков попала мальчику на лицо и прилипла к сломанному носу. Часть залетела в рот с выбитыми зубами.

Лис сел мальчику на колени и приблизил лицо к темно-коричневым почти черным глазам.

— Ты здесь, потому что у каждого есть ненавистный идеал, — сказал Лис, — но Стас прекратил им быть для меня. Поэтому я не отгрызу тебе щеки и губы.

Лис схватил пятиклассника за горло и принялся душить его. Стул под двумя учениками трясся. Мальчик хрипел в руках Лиса, старшеклассник вдавливал хрупкий маленький кадык внутрь и ухмылялся одной из вездесущих гляделок над дверью.

— Ради этого мига вы и затеяли эту школу Катаны, уважаемые учителя? — крикнул Лис потолку.

Чтобы после уроков и Полезной работы ученики рвали друг друга на куски когтями и зубами у вас на глазах? Чтобы каждый мог насладиться чужой или своей смертью?

— Вас это заводит так же, как нас? — спросил Лис у гляделки.

Громкий рев и плач раздался сквозь правую стену комнаты, тут же им вторили возбужденные стоны.

Пятиклассник перестал дышать, но Лис давил кадык дальше. Лис хотел коснуться им шейных позвонков.

— О, вовсе нет, уважаемые учителя. Не так же, — просипел Лис. — Вам по душе только смотреть. Этим вы и отличаетесь.

Спуститься в подвал школы — так же возбуждает, как возлечь с нагой наложницей. Прежде чем прийти сюда, каждый сбрасывает с себя обличье гордого самурая и прилежного ученика, оставляет наверху память о бусидо и расписании на завтра. Здесь ты тот, кто есть на самом деле. Здесь ты — мясник и палач.

Шея пятиклассника вдавилась внутрь словно блюдце. Лис отпустил сникший труп и поднял серый сверток с пола. Заткнул за оби новую игрушечную могилку, чтобы отнести в комнату в общежитии.

— Глеб! — крикнул Лис.

— Тут, — послышалось из-под двери.

Лис подошел к двери и дернул засов. Под светом старых шипящих лампочек Глеб стоял спиной к нему и вглядывался в полумрак узкого коридора.

— Сегодня в подвале людно, — буркнул Глеб.

— Да, знаю, — сказал Лис.

— И вправду слышишь их мысли?

Дверь справа затряслась от сильного протяжного крика. Мучили взрослого ученика с уже окрепшими голосовыми связками.

— Их вопли, — сказал Лис, — а ты стал говорить как Сингенин-сан.

Глеб хмыкнул и зашагал к лестнице. Лис не отставал. Оба дышали ртом. Воздух в подzemелье давно протух от сотен каток пролитой крови, стены и пол дышали запахом испражнений и вываленных внутренностей. Внизу не прижились ни зеленое яблоко, ни цветущий ландыш, ни сирень, ни морская свежесть. Пахло истиной без иллюзорных прикрас. Вечно смердело.

— Сегодня он искал тебя, — сказал Глеб, поднимаясь на первый этаж.

— Значит, завтра найдет, — ответил Лис. — Больше не лови для меня рыжих мальчишек.

— А каких ловить? Может, рыжих девочек?

— Это зеленоглазую ведьму-то? Андрей вмешался так не вовремя, что из нее не получилось приманки для Красоткина-сан. Теперь Железногрудый почти не расстается с наложницей. Забудь, — сказал Лис. — На время.

Мы уничтожаем все, что способны уничтожить. И тех, кого желаем, — в первую очередь.

Но владеть Стасом Лис больше не желал, и больше незачем мстить за это желание. Ни труп зеленоглазой ведьмы, ни рыжие мальчишки Лису больше не нужны.

Последние лестничные пролеты, короткий темный коридор первого этажа, холл у красной доски, железная дверь наружу — и два ученика вывалились на крыльцо, всматриваясь во тьму внизу.

— Мне плевать на наложницу, — сказал Глеб и помолчал. — В это время малышка бегала у забора вчера. И позавчера.

Лис хмыкнул: поглядим.

Путь пролегал сквозь ночную темноту и замершую полынь. Ноги спотыкались, руки тыкали во тьму впереди, гигантские острые клинки чудились глазам, когда лунные лучи редко пробивали навес из туч.

Лис пропустил вперед Глеба. Если на них нападут, Лису надо спастись. Глебу — как повезет, но Лису надо спастись.

Бусидо. Долг чести перед именем. Постулат восьмой: «Ученик без рассуждений и без страха бросается на вражеские мечи...» — говно, говно, говно, говно, говно, вбитое в голову сотнями уроков, опять захлюпало и засмердело внутри Лиса. Сразу потянуло блевать. Чтобы не быть как все в школе Катаны, требуется смелость и воля. Чтобы быть трусом, требуется бесстрашие. Ибо никто здесь не задается вопросом, как он сможет послужить сегуну, если вспорот себе живот?

Здесь научили резать себя при ничтожном намеке на позор. Потому что кто-нибудь обязательно увидит и расскажет всем. И ты не сможешь больше смотреть людям в глаза. Но есть иной выход: разбудить свидетелей твоего позора. Самураев, кукол, учителей — всех. И тогда станет не перед кем стыдиться.

Ветер прошуршал промозглой листвой в черной роще за двором. Оттуда донеслось:

— Раз листок, два листок, — подул новый мощный порыв, и считалка ускорила: — три, четыре, пять...

Глеб тихо проскрежетал: «Эх, этот Коваль».

Блеснул ряд гляделок на верхушках столбов, круглые линзы отражали пробившийся сверху свет луны.

За стальной сеткой забора щуплые низкие тени гонялись друг за другом по двору начальной школы. Одни тени били кинжалами танто в спины других, удары подрезали младшекласников на бегу, они падали, катились по траве, затем вскакивали и сами бросались в погоню за бывшими преследователями, тыча вперед кинжалами. Это был самый разгар игры «самураи-разбойники».

Глеб прижался лицом к сетке забора.

— Приспичило мелюзге сейчас играть, — сказал он, рассматривая младшекласников. — Трусы! Все их танто в ножнах!

По тонкой спине каждого «разбойника» било не острое лезвие, а деревянный чехол, прятавший убийственную сталь. Ни один сизый клинок не сверкнул в ночи, ни одна красная капля не окропила темную траву.

Лис зевнул.

Лис помнил начальную школу.

Лис помнил: ученикам с первого по четвертый классы всегда запрещалось снимать ножны с клинков. Запрет висел на красной доске в холле начальной школы.

Ну а Глеб и все остальные помнили только бесконечную кровавую бойню, что началась

после того, как они поступили в среднюю школу. После того как в пятом классе ученикам выдали вакидзаси и разрешили оголять мечи. Сотни выпитых чашек зеленой отравы на уроках чаепития вытравили все остальные воспоминания. Взамен их головы попытались заполнить речитативами о Колесе жизни и смерти через многократные повторы на уроке Круга жизни.

Ох, вот это воистину позорно — ничего не помнить, кроме тарабарщины, что жизни — спицы Колеса, что смерть — ось Колеса. Никто ни разу не спросил, а обод колеса тогда что?

Тени все носились, падали, толкались, сбивались в кучи, дробились, пока их возня резко не утихла. Двор опустел, опавшие листья мело ветром. Тучи, словно черные крысы, грызли по краям луну.

Одинокая девочка затопала по мерзлой траве, сверкая серебряными кудрями.

— Малышка, — простонал Глеб. Пальцы его вцепились в сетку.

В середине двора девочка встала на колени, ее маленькие ладошки соединились и протянулись к лунному огрызку.

— Она так каждый раз делает, — шептал Глеб, прижимаясь лицом и туловищем к сетке. — Кому она выказывает подчинение? Кому протягивает вместе руки, чтобы их заключили в оковы?

— Это не жест покорности, — сказал Лис. — Твоя желанная малышка молится.

Глеб не слушал, он так вдавился в сетку, что еще немного, и через скрещенные прутья его тело высыплется горкой нарезанных кубиков.

— Прощу, — выдохнул Глеб, — добудь мне ее!

Лис ждал этих слов. Так он управлял кланом — давал дайме то, что они желали.

— Слуга Господа-кун, — крикнул Лис, — обернись.

Малышка поглядела на них, ее ладошки вдруг опустились и сжали рукоятку танто за оби.

— Слуга Господа-кун, сам светлейший дайме, сам блистательный отличник Лютин Глеб-сан услышал о тебе, — кричал Лис. — Он возжелал увидеть слугу Господа. Не прогневай задержкой светлейшего.

Малышка встала, быстро отряхнула форму. Девочка маленькими торопливыми шагами рванулась к забору. Густые серебристые волосы трепыхались белоснежным покрывалом за тонкой спиной.

Глеб сообразил оторваться от сетки, спина выпрямилась, подбородок гордо вздернулся. Лис, наоборот, слегка ссутулился.

— Вы правда помните Распятого Боженьку? — спросила девочка. — У нас никто не помнит Распятого Боженьку, кроме меня.

Лютин облизнулся, глядя на девочку. Малышка убрала упавший на глаза локон чистого снега и посмотрела в ответ прямо и просто. Затем спохватилась и представилась.

— Агнец Лолита, — сказала малышка, неловко поклонившись.

— Сам светлейший господин Лютин, — указал Лис на молчавшего Глеба, — а я — слуга Лис. Агнец-кун, ты еще не привыкла кланяться? Как давно ты в Кодзилькинской школе Катаны?

— Не помню, — сказала Лолита, ее бледный лобик исказила задумчивая морщинка, — помню только, когда меня привели, листья на деревьях были еще зелеными. И солнышко светило.

Из темной рощи позади донесся крик Коваля: «Сотый листок! Сотый листок!»

— Вы помните Распятого Боженьку? — повторила Лолита.

— Я помню все, — улыбнулся Лис.

Воистину. Сингенин Андрей помнил из прошлого только качели, Коваль — игрушкучассу, что печатала бумажные ленты с цифрами, а Лютин — белокурую сестренку, с которой игрался.

У каждого ученика своя боль — то единственное драгоценное воспоминание, поверх которого выросли, как мясо на кости, все кипящие страсти с острыми позывами, безумными наклонностями, а также страхом новой потери.

Но выпитая кислая дрянь на уроках чаепития не свела с ума Лиса, в отличие от остальных. Мир за стенами не исчез из его головы. Как и узкая розовая щель меж ног матери, из которой он с плачем вылез на этот свет. Как и похороны отца. Как и побои старшего брата. Как и иконы с грозным ликом Распятого Боженьки — или, вернее, Господа Бога.

— Агнец-кун, — сказал Лис, — как насчет сладкой шоколадной пасты?

— Лис-сан? — переспросила Лолита.

— Или сгущенное молоко с сахаром? Может, сочные ягоды, спелые персики?

Малышка сдула с лица снова упавший локон.

— Постелька с теплым одеяльцем и пуховыми подушками, в которых так приятно нежиться?

Малышка перевела непонимающий взгляд с Лиса на светлейшего истукана, которым притворялся Глеб.

— Сказка на ночь, — говорил Лис, — или горячая мокрая утроба. Или прозрачная река. Или... Или «принести кадило Боже наше»?

— Каждение? — выдохнула малышка и схватилась за сетку забора. Глеб едва не сорвался к ней, но устоял и сипел сквозь стиснутые зубы.

— Да, — улыбнулся Лис. Когда отец умер, мать полдня водила Лиса с братом смотреть, как бородатый слугитель в золотой рясе разжигает душистую смолу и распевает странные протяжные песни. Черета бесконечных нудных молитв и земных поклонов — нет глупее жизни. Если эта скучная нудятина — самое драгоценное воспоминание малышки, то, когда Глеб вцепится в ее кудри, может, она не сильно расстроится.

— Вы проводите служение? — спросила Лолита.

— У господина есть кастрюля, уголь и смола, — сказал Лис, — светлейший Лютин-сан желает увидеть каждение, но нет слуги, способного исполнить ритуал.

— Прошу, прошу, прошу, — запричитала малышка, низко склонившись перед Глебом, — я могу провести служение, светлейший Лютин-сан. Я все-все знаю об этом.

Глеб смотрел, как ветер касался густых волос на опущенной голове и плечах малышки, и слюна текла с его нижней губы на подбородок.

— Достояна ли ты служить светлейшему-сан, он решит только после того, как ты докажешь, что способна провести ритуал, — сказал Лис.

Малышка сложила ладони перед грудью в молитвенном жесте.

— Доказать нужно сейчас же, — сказал Лис.

— Да... — произнесла девочка. Но не сдвинулась с места.

— Так ты докажешь? — спросил Лис.

— Да... — девочка неуверенно кивнула и переступила с ноги на ногу.

— Агнец-кун, — сказал Лис, — а ты знаешь, что такое «доказать»?

— Нет, — малышка стыдливо опустила голову.

Слюна капала с подбородка Глеба в траву, а Лис соображал, глядя на Лолиту. Либо дура, либо в самом деле поступила в школу совсем недавно. Ей еще не успели вдолбить в голову, что учиться здесь значит постоянно доказывать свою безупречность. Докажи либо пробудись от иллюзий.

— Перелезь забор, мы дадим тебе смолу, кастрюлю, уголь. Ты проведешь обряд, и господин решит, как с тобой поступить.

Малышка посмотрела на три ряда колючки на верху заборной сетки. Торчащие во все стороны шипы усеяли темные полосы металла.

— Господин, нам пора, — сказал Лис Глебу. — Пойдемте.

Белая девочка быстро полезла на забор. За пару вытянок она вскарабкалась почти на самый верх, белые ручки ухватились за первую проволоку, и темные капли брызнули из-под маленьких пальчиков на ржавую сетку.

Лолита закричала. Вся она затряслась, вытянулась, но не отпустила проволоку. Не прекращая кричать, малышка полезла дальше, кривые зубцы сдирали с нее одежду, волосы, кожу, мясо. Позади на темных колючках сверкали белоснежные хлопья вырванных локонов, реяли обрывки кимоно. Гляделки безразлично смотрели.

Если Господь Бог малышки и существует, то он лишь безучастно наблюдает за ней, как господа учителя.

Как наблюдала ведьма-мать Лиса, когда брат избивал его.

Тогда Лису было семь лет. Их с братом отца разбудил от иллюзий автобус — большой железный монстр снес его на огромной скорости. Так сказала мать.

Она была матерью только Лису. Брата Павла исторгнула щель другой женщины — первой умершей жены отца.

После того как автобус разбудил отца, брат бросил учебу и стал подрабатывать, чтобы помочь матери Лиса прокормить их. Павел пропадал сутками, а когда приходил, то похудевший, усталый, раздраженный, он срывался на Лисе, избивая до синяков. Иногда брат заставлял Лиса опускать голову в писельник и лизать изнутри мокрую чашу, пока его не тошнило. Мать Лиса не мешала Павлу.

Те, кто просто наблюдают, все и устраивают. Господь Бог создал этот мир без надежды. Господа учителя построили школу Катаны. Мать Лиса, беря деньги Павла, дала ему власть над сыном. И над собой.

Однажды поздней громовой ночью яростные раскаты за окном испугали Лиса, и он бросился из постели в комнату матери. Включив свет, Лис увидел, как нагая мать скрутилась вокруг нагого брата Павла. На кровати, на которой раньше она спала с отцом, мать терлась волосатой щелью об тыкалу брата, а Павел жадно мямл ее большие белые груди, насасывая один из темных торчавших сосков. И оба стонали.

Мать увидела Лиса и с криком оттолкнула Павла. Ее здоровые груди тряслись. Брат вскочил, голый, разъяренный, слезы брызнули из его глаз.

— Ты ничего не видел! — вскричал брат. Лис посмотрел на вдруг обвисшую мокрую тыкалу Павла, и тут же удар в ухо повалил его на пол. Павел взобрался на Лиса и стал колотить его костяшками по лицу.

— Ничего не было! И ты ничего не видел! — слышал Лис сквозь звон в ушах. — Ничего!

Удары резко оборвались. Над лицом Лиса встала мать, узкая розовая щель с влажными от сока брата волосатыми губами нависла над ним. Белая капля упала с черного кудрявого

завитка Лису на разбитый нос.

Мать ударила Павла и прошипела:

— Убирайся.

Мать снова ударила брата, и он выскочил из комнаты. Через пару минут, то есть через пару столовок наружная дверь громко хлопнула. Один стук, а затем только — плачь голой матери и тишина. Старший брат покинул Лиса и никогда не вернулся.

В единственный раз, когда мать Лиса не захотела просто наблюдать, братья расстались. Эта большегрудая ведьма разлучила Лиса с его ненавистным идеалом.

Пропасть времени между братьями ширилась. Невыносимая разлука тянулась годами. До тех пор пока Лис не встретил красноволосого Стаса.

Наконец малышка перелезла через все колючки и сорвалась с забора. Израненная, в крови, девочка плакала и силилась подняться.

Глеб схватил ее за шиворот и вздернул с земли на ноги.

— Благодар... — начала говорить малышка, но «светлейший» зажал ей рот ладонью и крепко прижал к себе. Девочка забилась в его руках, тут же кулак «блистательного отличника» ударил ее в живот, и она сникла.

— Увидимся завтра на уроках, — бросил Глеб Лису и уткнулся лицом в растрепанные белые кудри девочки. Круглые глаза малышки смотрели на Лиса.

— Подожди, — сказал Лис.

Истинный глава клана Охотникова подошел к намертво слипшейся парочке. Трехпалая рука коснулась оби малышки, пошарила вдоль ее левого бедра.

— Вот он, — Лис отнял у малышки танто в ножнах и улыбнулся. — Все же завтра поищи для меня нового мальчика. — Он помедлил. — Только не рыжего, а чернявого.

— Может, еще с синими глазами и вечно раскрытым ртом? — спросил Глеб.

— А что не так? — сказал Лис. — Да, с драными синими глазами.

Разоблаченный светлейший жадно вдохнул запах с загривка малышки.

— Драными? — переспросил Глеб, ухмыляясь. — А ты стал говорить как Сингенинсан.

— Желаю приятной ночи страсти, — попрощался Лис.

Лютин и его добыча скрылись в высокой траве и ночной тьме. Подвальная комната с задушенным трупом на стуле ждала их. Малышка точно обрадуется, когда увидит на стенах темные пятна с распятыми руками и ногами — совсем как у ее Распятого Боженьки.

Ножны не снимались с танто. Чехол намертво прилепили к клинку. Лис подергал его вверх-вниз, размахнулся и выкинул бесполезную игрушку обратно за забор. И двинулся к притихшей роце.

Ученик школы Катаны живет ради достойной смерти. Ибо жизнью сраная куча, а смерть одна.

Хотя не только ради смерти. Непокорный, властный, суровый Стас стал для Лиса старшим братом. Новым смыслом жизни. Хоть и лишил его двух пальцев.

Но Андрей отобрал родного человека у Лиса — да-да, у Лиса, а не у зеленоглазой ведьмы. Ибо дух Павла переродился Стасом, как и дух ведьмы-матери Лиса облачился в плоть недотычки Амуровой, чтобы снова разлучить братьев. Старая ведьма ради нежного юного облика ухлопала огромные дойки. И наверняка сузила раздолбанную родами щель между ног. Все ради того, чтобы снова поссорить братьев. Неугомонная тварь.

Сучья хрустели под ногами Лиса. Впереди тихий голос шептал:

— Пятьдесят сотен один листок, пятьдесят сотен два листка...

Приняв горлом меч Андрея, брат чуть снова не оставил Лиса с ведьмой. Как в первый раз, когда мать ударила и выгнала Павла. Но не случилось, сегодня во время вылазки Лис понял — старший брат вернулся к нему в новом обличье. С новым нравом и мастерством.

Странно выходит, на первый взгляд: в третий раз брат переродился при жизни своего предыдущего воплощения, чтобы самому себе перерезать глотку на уроке литературы. Но как раз этому здесь и учат: пробуждать самих себя от иллюзий.

Нечего удивляться. Старший брат ничего не помнит до школы Катаны, старший брат, как и все рабы бусидо, забыл прежнюю жизнь. Бредит только о каких-то качелях.

Старший брат отразил удар чистоплюя по Лису. И Лис сделал то же самое для него. Братья узнали друг друга, почуяли нутром связь между ними. Вовремя, ибо этой школе давно уже пора пасть.

В роще Ефрема Ковалья скрутило судорогой на мерзлой траве. Высохшая пенистая слюна облепила его подбородок, дайме водил взглядом по черным кронам и тяжело считал каждый листок, что из темноты приносил к нему ветер. Лис сел на притоптанные папоротники рядом.

— Почему листья? Надоело считать трупные кости? — спросил Лис, зевая.

— Две сотни и пять костей, — прохрипел Ефрем, — их всегда две сотни и пять костей, сколько бы тел я не вскрывал. Надоело.

Его глаза лихорадочно блестели и следили за притихшими деревьями. Припадок прошел, но остаточные спазмы все еще сводили жилы на руках Ефрема в натянутые струны, как сводит лапы крысе, когда ее хребет резко пронзает катана голодного ученика.

— И ты решил сосчитать то, что нельзя счесть? — сказал Лис. — Вот почему так темно — звезды предпочли спрятаться от твоего дотошного взгляда.

— Лис-сан, я ковырял трахею наложницы, что мы завладели... Видждан-сан вроде, — сказал Ефрем. — Ее дыхательная трубка... Она ветвится, понимаешь?

— Лучше бы ты поковырял наложницу намного ниже шеи, — улыбнулся Лис. — Вот Смирнов-сан без рук там одним местом пролез.

— Послушай, Лис-сан! Раньше я не видел столь многого, что я открыл только сегодня! Дыхательная трубка в груди любого из нас ветвится на два крупных стебля, а те делятся на все более мелкие ветви, совсем как стволы и ветви деревьев! Как кроны над нами! Трахея и желтый клен над тобой — или эта лысая вишня рядом, или тот сгнивший куст, да любое дерево, что ветвится, — подобны себе и друг другу!

— Неужели? — сказал Лис. — Ну если бы ты все же полазил там, где Смирнов-сан, то сейчас бы не сидел в кустах, а из окна своей комнаты разглядывал реюющий флаг. И искал бы подобие девчачьей щели в черном кругу на белом полотне.

Ефрем на локтях подполз к Лису. Неуверенной рукой счетовод схватил горсть упавших листьев.

— Почему эти листья ветер сорвал с веток, а другие пощадил?

— Они желтые и сухие, — пожал плечами Лис.

— Да, желтые, — Коваль раздавил листья в труху, — и не похожи на те, что остались жить на ветвях. Точно так же как ветер срывает отличные листья, огромная внешняя сила действует на нас, учеников, и уничтожает слабых и недостойных, пробуждает от сна.

Лис взял с руки Ефрема желтый листок с обломком черешка.

— Мы сами пробуждаем от иллюзий недостойных, — сказал Лис.

— Могучая сила влияет на наши умы, — ответил счетовод, — и заставляет устранять непохожих на большинство. Ритм жизни и смерти, что двигает окружающую нас иллюзию-мир, отражается везде, как в движении светил и сиянии необхватного неба, так и в любой мелочи. Смена дня и ночи, уроков и перемен, поступлений и выпусков, ночей страсти и мечей, обедов из фаршированной капусты и черных котлет — эти противоположности подобны между собой. Подобное же отделяется от отличного.

— Так, — сказал Лис, — но что за сила, что за ветер веет в наши головы и стравливает нас?

— Бусидо? — Ефрем словно спросил у листьев, что вдруг сдунуло быстрым порывом.

— Разве бусидо велело тебе ковырять трахею Видждан-сан? — возразил Лис. — Бусидо извлекло из полутрупов, что я тебе достал, все кости? Дранных две с чем-то сотни костяшек на каждое тело, а? Не помню такого постулата в Долге службы сегуну. И в Долге послушания учителям тоже. Черепушки, позвонки, ребрышки, лопатки... Нет, ни слова, даже ребрышек, даже копчика там не помню! Неужто в Долге чести перед именем написано: «Ученик очищает кости беспомощных от падали, нумерует их и хранит у себя в комнате»? А ниже жирным подчеркнуто: «Да не забудет после ученик валяться в падучей и брызгать слюной обильной, как у самой бешеной крысы»?

Ефрем стиснул кулак, поломанные листья посыпались на папоротники. Ладонь дайме вытерла слюни с подбородка.

— Ну что тогда? — спросил сборщик костей.

— Охотишься ли ты за скальпамисереброволосых девочек, как Лютин-сан, — ответил Лис, — иль, как Коваль-сан, ищешь внутри жертв одинаковые узлы толстой кишки — направляющий ветер один. Нет, не бусидо, порыв сей, буйный и пылкий, зовется Великим Голодом. Угли этой жаровни сжигают твое и мое нутро. Пламя, что не погасить, зов, что не подавить, возбуждение, что раз испытав, ищешь снова и снова. Даже когда рот самой премиленькой куколки заглотнет кончик твоей тыкалке, будет не столь сладко, как подбросить одну тонкую щепку в жаркий страстный пламень Великого Голода. Таков он!

— Ты давно это понял, — прошептал Ефрем, — а я только сейчас. Что насыщает твой Великий Голод?

Лис встал и огляделся. Где-то из черной листвы на двух учеников смотрела гляделка, слушала их, может, передавала сказанное учителям или стражам. Скажи лишнее — и завтра влепят сразу три выговора. Привет сэппуке в актовом зале.

— Коваль-сан отличается от прочих дайме, — улыбнулся Лис, — Коваль-сан всегда в поисках новых знаний, подробных объяснений. Но что, по-твоему, стоит там?

Ефрем схватил низкий сук клена, руки рывком дернули его вверх на еще слабые ноги. Ученик-расчленитель взгляделся во тьму за зубастыми папоротниками и кустами.

— Средняя школа, — сказал Ефрем и закрыл глаза, — три корпуса, четыре этажа без подвала, пять десятков и четыре кабинета, семь десятков и восемь окон...

— Жаба, — прервал Лис, — огромный, голодный, мерзкий демон. Я вижу алчную тварь. Столовая — чрево его, подвал — орган, что мечет икру, из которой вырастают палачи, а длинный цепкий язык расстелился темными коридорами и лестничными шахтами — где острые катаны постоянно рассекают чью-то плоть. Мы все — лишь вкусные мухи для гигантской жабы.

— Жаба? — Еврем открыл глаза. — Лис-сан, ты не просто видишь закономерности в природе. Ты сам выдумал дикие подобию. Но породил ли твой разум чудовище в самом деле?

— Нет, ибо целый мир — только сон, скопище выдумок и кошмаров, и в самом деле их нет, — сказал Лис. — Я разрублю череп жабе, но сначала раздавлю черную змею, порву пасть громовому псу и изгоню чернильного демона.

— Старшие кланы, — проговорил Ефрем. — Твой Великий Голод невероятно горд.

— Ну а Коваль-сан получит столько учебного материала, сколько пожелает изучить, — пообещал Лис и двинулся во тьму. — До завтра.

— Ты только сэме! — крикнул Ефрем ему в спину, — не забывай!

Лис не ответил, сломанные ветви, опалые листья, трава, замерзшая земля хрустели под ногами. Изувеченный ученик шагал во тьме навстречу новому дню в объятиях жабы.

1

Андрею снились объятия Риты и то, как ее мягкие пальцы ласкают лезвие катаны, ничуть не ранясь.

А когда возбужденный теплыми касаниями клинок увлажнился и заблестел, глаза Риты пожелтели, и кровь брызнула из нестерпимояркихянтарных зрачков.

Ты больше не спишь.

Никакой возможности уснуть. Бессонница — это когда дух настолько слаб, что боится собственных порождений. Но от себя не смыться. Даже в писельник.

Задолго до тонкой полоски света на восточном горизонте Андрей постучался в могильник на седьмом этаже. Сонный Лис открыл дверь и пропустил его.

— Самурай без клана, — сказал Лис, — так подумают о тебе, если ты не наденешь оранжевую повязку.

Свертки оби лежали на полу, чистые, выстиранные. Ни пылинки не пачкало грубой серой ткани.

— Ты заставляешь недостойно подумать о тебе, Лис-сан, — ровно сказал Андрей.

— Да? — Лис сел на пол. — И почему же, Сингенин-сан? Прошу, садись.

— Ты сказал: нашему клану грозит голод! — Андрей навис над увечным учеником, кисти его сжались в кулаки напротив лица Лиса. — Но драные порции никогда не урезают более трех-четырёх дней!

— Я придумал незатейливую уловку, чтобы ты послушался дайме и напал на самураев клана Красоткина, прежде чем они нападут на тебя, — ответил Лис. — Это ты хотел услышать?

— Признаешь? — сказал Андрей. И резко повернулся, железный кулак чуть не расшиб Лису нос. Андрей взгляделся в сверток оби у порога и сказал:

— Здесь лежал оби Охотникова-сан, что ты мне отдал. Откуда на его месте взялся новый? Неужели Султанова-сан извела рана?

— Серали жив, я всего лишь подвинул старые свертки, — пожал плечами Лис.

— Почему этот крайний один мокрый, а остальные сухие? — заметил Андрей.

— Нерасторопный Рябов-сан наступил, пришлось перестирать, — сказал увечный ученик. Лис сказал:

— Мне пришлось хитрить, чтобы ты не опозорил себя и сразился со своими врагами. Послушал бы ты меня иначе?

Он сказал:

— Думаешь, когда сегуны древности посылали воинов на верную смерть ради победы над врагом, всегда говорили смертникам об этом?

Он сказал:

— Почему, ты думаешь, в легенде, чтобы спасти страну, отец без единого слова бросил семь юных девственных дочерей в пасть демона-кита Бакэ-кудзира? Прыгнули бы девы сами?

Он сказал:

— Почему, когда слуга узнал о неверности супруги своего господина, тут же совершил сэппуку, чтобы не расстраивать господина горькой правдой о его позоре?

Лис развел руками, указал на рядки свертков. Он сказал:

— Иногда нужно недоговаривать ради тех, кого хочешь спасти. Это не обман.

— Ты далеко не сегун и сэппуку не совершал, — возразил Андрей, — мы прокрались ночью, как драные крысы, ради драного печенья.

— Дело не в печенье, — сказал Лис. — Дело в позоре. За позорное бегство тебя бы наказали. Видел ты когда-нибудь, как оружие черных стражей плюется железом?

Кулаки Андрея задрожали, ноги его вдруг подогнулись, ученик сел на пол. Внутренний волк с жалостным «у-у-у!» лег на брюхо и закрыл красные глаза передними лапами.

— Видел. Плевалки разукрасили красными узорами всех моих одноклассников, — сказал Андрей.

«Не всех», — проскрипел волк.

Заткнись, драный зверь!

— Я стоял в десяти шагах, — добавил Андрей.

— В первых рядах? Удачно! Никому из учеников здесь так не везло, — сказал Лис. — Где-то раз в три месяца Буглак-сенсей объявляет всеобщий сбор школы на поле у западной стены. Там стражи показательно наказывают какого-то осрамленного ученика. Имя виновника никогда не называют — сенсей говорит, что самурай теряет имя вместе с честью. Безмянного привязывают к столбу у стены и заплевывают железом. Стоя на краю поля, мы видим лишь, как дергается фигура в кимоно в такт грохоту черного оружия.

Лис подвинулся к Андрею и сказал:

— Я хотел только, чтобы тебя не было на этом столбе.

Чтобы жить без позора, мы убиваем других. Вот весь закон доблести и чести. Сенсей, верный вопрос — это как мы дошли до такого?

Лис положил руку, холодную искалеченную руку на сжатый кулак Андрея и сказал:

— Ведь мы — братья.

— Братья? — переспросил Андрей, рот его широко раскрылся.

— А кто же? — сказал Лис. — Там у Видждан-сан я отбил клинок, что целил в тебя. Ты отклонил тот же меч, когда им рубили по мне.

Лис застенчиво улыбнулся.

— Никто прежде не делал подобного для меня.

Пощада равно Позор. Подстрекай, дерись, побеждай, ибо другого справедливого закона нет. Но откуда чувство, что законотворцы что-то в нем извратили?

Лис облизал губы и положил кулак Андрея себе на бедро.

— Не грусти. Мы начали стройку нашего будущего с подвала, помнишь? Под землей всегда темно.

Лис поднес кулак убийцы двух оябунов к влажным губам.

— По древнему ритуалу в каждую опору нового здания обязательно заживо замуровывают жертву. Чтобы постройка была надежной, — сказал назвавшийся братом. — Но мы-то поставим для надежности побольше опор. Так ведь, старший брат?

— Старший? — переспросил Андрей. — Разве мы не в одном классе?

— Сейчас одного, — прошептал Лис.

Изувеченный ученик приложился влажным ртом к средней костяшке на руке Андрея. Почти так же целовали трехпалую кисть Лиса кровоточащие губы красоткинского самурая.

Местным ученикам никогда не надоест придумывать новые обряды. Теперь у того кровавого поцелуя будут копии копии копии копии копии его копии.

Андрей забрал руку из ладоней Лиса.

— Никаких больше хитростей, — сказал Андрей, — никаких больше уловок. Иначе строй драное будущее без меня.

— Как велишь, мой дайме, — согласился Лис.

Андрей поднялся и шагнул к двери.

— Увидимся на уроках, — попрощался убийца оябунов.

— Да, и будь бдителен. На всякий случай, — сказал Лис. — Последнего ученика привязывали к столбу у западной стены как раз три месяца назад.

2

Представь урок литературы, на котором читают Песни смерти прославленных смертников. Сложно придумать другое домашнее задание по этому предмету, кроме как сочинить собственную Песню о том, как ты умрешь.

Учитель Чушкин ходил взад-вперед перед классной доской и не отрывал взгляда от потолка.

Учитель читал нараспев:

*Омыта и ясна,
Теперь луна сияет.
Гнев бури миновал.
Теперь все сделано,
И я могу уснуть
На миллионы лет.*

Голос учителя замолк, пухлые ладошки судорожно погладили кимоно на животе. Весь 8 «Б» внимательно следил, как двигались руки просветленного.

— Великий «отец смертников» Ониси Такидзаро сочинил под стать своей великой чести и великую Песню смерти, — сказал учитель. — Великая сила бьется в великих словах великих... М-да, сила в словах. Но пора узнать то, как вы доработали свои «гимны Истины», так сказать.

Первой велели выступить Марине Ягодке. Стройная ученица встала и низко поклонилась учителю за оказанную честь, длинные светлые волосы подмели грязный пол. Кончики соломенных прядей тут же почернели и спутались.

Наложница повернулась к классу, высоко подняла подбородок и прочитала:

*Толстая шишка
входит в меня,
А школа все там же...*

Пару вытянок господствовала тишина, весь класс задержал дыхание. А в третью вытянку учитель завизжал:

— Ягодка-кун! Какая это Песня смерти? Что за толстая шишка? Какая, к демонам, разница, что там в тебя входит? — тараторил Чушкин. — Несколько недель назад ты читала: «острый клинок жизнь наконец оборвет». Но что стряслось? Как острый клинок затупился до толстой шишки?

Марина Ягодка смотрела прямо на темно-зеленую доску, нежный кругленький

подбородок девочки все так же гордо поднимался.

— Сенсей, я есть наложница, — сказала она.

Марина Ягодка посмотрела в глазки учителя за мутными круглыми стеклами и сказала:

— Я есть наложница. И мне ни к чему рассуждать о режущих и колющих ранах. Ибо самураи дерутся не со мной, самураи дерутся за меня. За мое тело.

Марина Ягодка развела руки в стороны, открыв всю себя взгляду учителя. Кончики пальцев пробежались по линиям бедер, узкой талии, коснулись вершинок груди. Она сказала:

— Дерутся за это узкое лоно, дерутся за эту маленькую грудь. Плевать, насколько острый меч у моего господина или у его врагов, волнует только, чем и как господин будет входить в меня. Волнует, насколько невыносимо больно сегодня ночью господин будет терзать это тонкое лоно, эту маленькую грудь, это тело вообще. И да, сенсей: шишка у Ахметова-сан толстая и страшная.

Марина Ягодка дернула плечом и застыла. Чушкин глядел на наложницу, поджав губы. Руки его резко и коротко потеряли пухлый живот.

— Сенсей, — вдруг сказала Марина Ягодка, — его шишка просто ужасно огромная.

— Я... услышал, Ягодка-кун, — пробормотал учитель.

— Да, сенсей, — сказала Марина Ягодка. Затем она сказала:

— Когда она входит в лоно, так дерет изнутри, будто древесный ствол заколачивают в тебя, сенсей.

— Ягодка-кун, садись на место! — велел учитель.

Марина покорно села. Чушкин мелкими шажками прошел вдоль ряда парт у окон.

— Султанов-кун, — сказал учитель, — прочитай свою Песню смерти.

Серали поклонился, судорожно дернулось его раненое плечо, пухлое от компрессов и бинтов под кимоно. Одновременно смуглое лицо разрезали морщины, нечеткие и широкие, как складки на коже запеченного яблока, мякоть в котором переварилась и растаяла. Серали сказал без выражения:

Песнь смерти? Зачем?

Без света нет тени...

Чушкин покивал.

— Доработай, — велел учитель, — Султанов-кун, ты не солнцеликий. Используй сравнение проще, чем вездесущий свет. Может, светлячок или тусклая лампа? Или разводы на мутном пыльном зеркале? Садись, Султанов-кун.

Серали не двинулся.

— Сенсей, я не сравниваю, — сказал ученик, который разбудил Пичука-сан, который мог бы стать новым оябуном в клане чистоплюев. — Я и есть свет Истины. Все вокруг ложь. Вы, сенсей, ложь. — Ученик сузил глаза. — Когда меня наконец разбудят от иллюзий, тени рассеются. Я — карательный луч смерти, я пронзаю лживых, слабых, бздливых — всех, кому нет места в моем сне. Ибо сильный рассудок подчиняет воображение.

8 «Б» смотрел на учителя. Чушкин снова закрыл ладонями торчавший пухлый живот — там, где за пупком сидел его незащищенный ребрами ученый Дух. Слегка ковырнуть кончиком меча натянутую на пузыре кожу — и Дух сенсея выльется наружу вместе с красной струей.

Второй раз за урок ученики попирали второй постулат Долга послушания учителям — беспрекословно подчиняться учителю. Иначе Ягодка и Султанов нарушили бы более важный Долг чести перед именем, оклеветали бы себя, приняв не свою Песню смерти. Даже учителя не должны сметь оскорбить самурая. А то рискнут перевернуть на себя чашу безумия, что сами наполняли столько лет.

Поэтому Чушкин только сказал:

— Садись, Султанов-кун.

Следующим выступил Исайкин-кун, то есть Лис. Узколиций ученик прочитал с улыбкой:

*Горная река
В бездну летит,
Рев ее громче.*

8 «Б» смотрел на учителя. Но Чушкин только возвел глаза к потолку и велел Лису сесть. Настала очередь Андрея. Грозный Железногрудый, убийца оябунов, по слухам, не человек, а красный мононокэ, неожиданно мягко пропел:

*Лепестки дрожат —
наконец тепло!
Засверкал румянец плодов
Сквозь ветви сакуры.*

— Нет-нет-нет, — очень тихо заговорил Чушкин, — почему ты говоришь это? Ты не должен так говорить. Тьма, бездны, сон, гибель, может шишка, как у Ягодки, но не тепло, не плоды сакуры...

Учителя слышал только Андрей.

— Вы правы, — сказал новый ученик, — я ни слова не упомянул о том, как уйду в вечность. Лишь как хочу жить.

Ноги Чушкина задрожали, сенсей схватился рукой за парту Сингенина. Ладонь учителя коснулась свежих царапин от ногтей на пластиковой столешнице — следов очередного ночного ритуала кровожадных учеников. Резкие края царапин впились в подушечки пальцев учителя, придали ему сил. Чушкину стало плевать на стих Сингенина, на лживые слова этого чудовища.

— Разве так? — спросил учитель. — Разве за любовь к лепесткам тебя зовут Железногрудым-сан? А ты не забыл свой первый урок здесь? Того рыжего ученика, что ты полоснул мечом?

Чушкин указал Андрею на борозду на пластике, погладил глубокий разрез в столе.

— Не ты ли игрался здесь прошлой ночью? — спросил учитель. — А может, под румяными плодами ты разумел жизни учеников? Вот какие ягоды влечет тебя сорвать побольше?

— Нет, Чушкин-сенсей, — сказал Андрей, — я только хочу узреть красоту настоящей сакуры.

— Чушкин-сенсей, — подняла руку Марина Ягодка, — прошу, скажите, а что такое сакура?

— Сорняк, Ягодка-кун, — буркнул учитель литературы, — мелкий и вонючий сорняк.

Чушкин тяжело прошагал к учительскому столу и упал в кресло.

— Сингенин-кун, к следующему уроку сочини Песню смерти, — велел учитель литературы. — Я хочу, чтобы ты рассказал на уроке, как умрешь.

Андрей неглубоко поклонился и сказал:

— Чушкин-сенсей, а вы думали, как умрете сами?

Учитель резко закрыл лицо руками, через миг опомнился и с усилием убрал заслон рук между своим лицом и 8 «Б», классом этих опасных хищников.

— Представляли вы себе, как умрете? — спрашивал Сингенин. — Могли бы вы нам прочитать свою Песню смерти?

Учитель положил руки на стол. На идеально гладкое покрытие — на первый взгляд. Когда учительский стол портили, уборщики все ремонтировали. Полировали мелкие царапины и потертости. Наносили грунтовку на широкие вмятины и глубокие укусы, а затем заполняли специальной пастой под цвет стола. В глубине серого пластика под пухлыми ладонями учителя скрывались паутины борозд, сотни кратеров от ударов, пересекались острые воронкообразные дыры. Внутри учительского стола таилась летопись агонии.

— Не сегодня, — ответил Чушкин. — Амурова-кун, ты следующая.

Поклонившись, Рита прочитала без выражения:

Отцвести достойно,

Без гниения.

И почивший примет.

Чушкин посмотрел на гладкий стол под руками и сказал:

— Сингенин-кун, жду от тебя подобный стих к следующему уроку литературы.

3

В кабинете Круга жизни ученики 8 «Б» снимали с оби мечи и прислоняли оружие к стене. Напротив стоял гладкий и почти пустой учительский стол, только на краю столешницы теснились два завязанных серых мешочка.

Марина Ягодка вошла в класс перед самым звонком. Авраам Выгузов проводил наложницу Черных Змеев до порога — сведя брови, грозно оглядел макушки восьмиклассников и поспешил по коридору на урок 10 «А».

— Сингенин-сан, — позвала Марина, приветственно кивнув, — скажи, какая она? Сакура!

Волшебное дерево, сказал Андрей, оно цветет всего пять дней в году. Как рассказывал наставник, когда розовые и белые цветы сакуры распускаются, склоны гор, берега рек, рощи и сады, где цветет дерево, становятся невыразимо прекрасными, и ты любишь ими, часами не двигаясь с места.

— Белые и розовые цветы? — переспросила Марина. — Как у вишни у стены?

— Думаю, сакура намного красивее жалкой вишни, — пожал плечами Андрей.

Марина быстро-быстро заморгала глазами, она сказала:

— Где же сакура...

— Господин, — прервала наложницу Рита, — ты бы желал Ягодку-сан?

— Что? — сказал Андрей.

— Сингенин-сан, в самом деле? — спросила Марина и улыбнулась ровными белыми

зубами.

Рита наклонилась и подняла с пола свой вакидзаси.

— Господин, ты удивился моему вопросу, — сказала она. — Значит, ты не желаешь подчинить себе Ягодку-сан, как желал подчинить Видждан-сан и Апостолову-сан?

Как златовласую воительницу и черногривую наложницу, что превратились в холодных неживых кукол. С остывшей кленовой краской внутри.

— Нет, только не так, — сказал Андрей.

Рита улыбнулась Андрею одними губами. Глаза ее источали холод.

— Тогда я избавлю тебя от этой глупой недотычки! — прошипела Амурова и одним резким движением обнажила клинок.

Прозвенел звонок.

Руки Риты замерли.

Рыжая наложница посмотрела на клинок вакидзаси, острие целило прямо в круглые голубые глаза Ягодки. Белокурая девочка попятилась к окну.

Рита сказала:

— Господин, на уроках нельзя убивать.

Андрей встал между наложницами. Клинок Риты теперь целил в него. То в глаза, то в рот. Снова.

— Нельзя, — сказал Андрей. — Идем на урок, Амурова-сан.

Дверь хлопнула, и следом за Сухим-сенсей в кабинет вошла толпа пятиклассников. Сухой-сенсей взял мешок со стола, сорвал с него завязку и перевернул вверх дном. По желтому линолеуму застучал круглый горох.

Без слов пятиклассники наклонились и засучили до колен хакамы. Широкие серые складки штанин окутали сверху голые худые ноги — так же, как низкие клубки туч нанизываются на высокие скелеты мертвых деревьев.

Учитель открыл тумбочку стола, внутри, словно клубок страстных змей, переплелись знакомые розги.

— Вохмой «Б», — прохрипел Сухой, — хевоня вы в роли гохпод.

Весь урок пятиклассники стояли голыми коленями на горохе, восьмиклассники ходили по классу и секли розгами каждого из них, кто шевелился или подавал любой звук громче вдоха.

Лис почти не отходил от худого черноволосого мальчика. Розги в трехпалой руке вновь и вновь секли по смольным волосам младшекласника. И по синим глазам, которые мальчик едва успевал закрывать перед ударом.

Андрей ни разу никого не ударил.

4

Рита поднялась на цыпочки и сорвала с нижней ветви клена кучу красных листьев. В ее бледных руках пятиконечные звезды с багровыми прожилками атели, словно лужи крови на снегу. Ладони наложницы смяли листья. Красные острые вершины послушно согнулись. Резные края листьев, на вид острее меча, не рассекли тонкие пальчики так же, как не рассекла возбужденная катана во сне Андрея.

Словно ни один клинок не хотел навредить наложнице. Словно погибнуть от меча могут только те, кто взял меч для убийства. Рита ведь еще никого не пробуждала от иллюзий.

Серые косматые тучи над рощей слегка-слегка побледнели под напором полуденного

солнца.

Рита заткнула мятые листья за оби.

— Как раз закончилась темно-красная краска, — сказала ученица, — а она нужна, чтобы нарисовать красно-желтую лису.

Андрей всматривался в окружавшие их заросли шиповника, бересклета, сирени, лещины. Слушал шелест листьев и скрип веток. В разгар большой обеденной перемены ученики многих старших кланов группами прочесывали рощу между северной и западной стеной. Заросли здесь были густыми и труднопроходимыми. Лучшего убежища для слабых пятиклассников на всей территории школы было не сыскать. Если бы именно в роще на них постоянно не охотились.

— Желтая лиса? — переспросил Андрей. Слава сегуну, что закончилась краска, а не серые полотна для холстов. Новым Гардеробщиком Андрею с его глиняным сердцем никогда не стать.

— Сегодня приснилась, — сказала Рита и на вытянку прикрыла веки. — Вообще-то почти все: морда, шея, лапы, бока, семь хвостов — были красными и лоснились как кровь. Желтым отливали только грива и глаза.

— Не рисуй! — вскричал Андрей. — Я не хочу каждое утро просыпаться и видеть кругом желтоглазых лис. Хватит на стене той морды с янтарными глазами.

Рита посмотрела на него, потянулась и сорвала еще красных листьев.

— Вчера ты приказал мне жить ради цели, господин, — сказала Рита, сгибая вдвое остроконечные звезды, — сегодня ты прогневал Чушкина-сенсей, заявив, что твоя цель — красота. Ведь под сакурой ты мыслил ее, а? Красоту?

— Это не мой стих, — вдруг сказал Андрей, — наставник читал мне его.

— Еще утром ты хотел созерцать красоту, — словно не слушая, сказала Рита и потрясла листьями клена в воздухе. — А я созидаю красоту. С помощью красок и одежды мертвецов.

Рита бросила листья, белая ладонь обхватила рукоять вакидзаси в ножнах. Наложница сказала:

— Господин, если тебя больше это не устраивает, я решу проблему как умею.

— Нарисуй глаза зелеными, карими, голубыми или любыми другими, — предложил Андрей, — кроме желтых.

Рита медленно потянула меч из ножен. Наложница сказала:

— Мне снилась не такая.

Она подумала и сказала:

— У Ягодки-сан голубые глаза. Странно, что господин их упомянул.

Вообще-то не только голубые, сказал Андрей.

Убийца оябунов больше не смотрел на шиповник, бересклет, спирею. Его взгляд прирос к вакидзаси Риты.

Андрей сказал: с зелеными или карими глазами лиса тоже будет красивой, почему Рита так уперлась?

Наложница сказала:

— Это будет другая красота. Не та, что нужна мне. И господину.

Короткий меч тихо выползал из деревянного чехла. Наложница сказала:

— Ты больше не смотрел на мои рисунки после того, как я повесила их на стены. Бесхвостый наговорил тебе что-то про меня. Что-то гадкое.

Андрей возразил: Лис ничего не рассказывал про Риту. Кроме того, что она рисует на

школьной форме, снятой с трупов. Кроме того, что Рита превратила комнату Андрея в могильник десятков учеников, которых он никогда не видел. Всего-то.

Рита отмахнулась левой рукой и обнажила клинок. Она сказала:

— Если господину так хочется не отходить от лисы, это будет не Бесхвостый, а мой рисунок! На желто-красную лису господин точно будет смотреть. В моем сне господин не отрывался от нее.

Рита взяла вакидзаси в обе руки мизинцами вверх от острия.

Клинок даже не ранит ее — ту, что ни разу не пробуждала чудовищ. И все-таки Андрей схватил кисти Риты, большими пальцами нажал на середины тонких запястий, хрупкие белые кулачки рефлекторно разжались, клинок выпал из них и воткнулся в землю.

— Ну и рисуй драную лису! — крикнул восьмиклассник. Рита благодарно поклонилась.

Андрей резко шагнул назад, повертел головой по сторонам, ладонь его схватила катану.

— Амурова-сан, подбери вакидзаси, — велел Андрей напряженным голосом.

Рита посмотрела на катану Андрея, подняла меч и спросила:

— Господин снова хочет, чтобы я бросила ему вызов?

— Ты не слышишь мяуканье? — сказал Андрей и сам ответил: — Конечно, нет. От меня ни на шаг.

Пригнувшись, убийца оябунов со слугой пролезли под омертвелыми стеблями шиповника, сандалии их утонули в густом покрове мохнатой ветвистой травы. Они сопели и продирались, пока заросли вокруг не поредели, не перетекли в поле с мерзлой однолетней зеленью. И перед глазами не вырос высокий бетонный столб.

Вокруг столба ходил невысокий ученик, шестиклассник. Русая голова с хвостиком задралась, выставила небу огромный кадык на тонкой, точно ножка стула, шее. С плоской верхушки столба шипел грязный одноухий котенок. Ученик оголил вакидзаси и подпрыгнул. Клинок выстрелил вверх, острие меча едва не достало лапы котенка. Зверь отшатнулся, задняя лапа ступила за край столба, провалилась в пустоту. Котенка дернуло вниз, когти передних лап закрипели по камню. Но зверь, шипя, удержался наверху.

— Только облезлый котенок, — сказала Рита и убрала вакидзаси в ножны. Взгляд ее скользнул по шестикласснику. — Точнее, два облезлых котенка.

— Жди здесь, — сказал Андрей не останавливаясь.

Беззвучным шагом крадущегося восьмиклассник ходил за спиной русого ученика. Бетонный столб на уровне груди и головы Андрея пробили роем небольших дыр, только в одном круглом отверстии поблескивал застывший свинцовый плевок. В остальных дырах свинец засел так глубоко, что было не разглядеть. Катана Андрея даже не оцарапала бы этот камень.

— Зачем тебе котенок? — вдруг сказал Андрей. Шестиклассник вздрогнул, обернулся, увидел: в пяти шагах перед ним возник самурай в красном оби. Тот самый Железногрудый, что пробудил оябунов двух кланов. Говорят, не человек, а красный мононокэ.

Шестиклассник отступил, его спина уперлась в столб.

— Ты голоден? — сказал Железногрудый. — Оставь котенка, и я дам тебе еды. Печенье. Сок. Еще рыбу.

Шестиклассник смотрел на руки Андрея. На пустые руки, без меча.

Андрей услышал, как натужно закрипел пластик, когда шестиклассник из всех сил сжал рукоятку вакидзаси и бросился в атаку. Резко Андрей шагнул вправо, тело развернулось боком. Клинок шестиклассника обдул лицо колким ветром, пролетев мимо.

Ребром ладони Андрей ударил по спине ученика, и тот рухнул носом и огромным кадыком в землю.

Андрей вынул меч из руки упавшего. Повертел головой по сторонам и вынул катану из ножен.

— Уходи, — бросил он шестикласснику, — сюда идут двое. Тяжелых.

Шестиклассник пополз по траве прочь, не решаясь встать. Рита подошла к столбу и скучаяще поковыряла пальцем дырку в бетоне. Котенок изогнулся дугой, зашипел, она не обратила внимания.

Двое высоких самураев вышли к столбу. Очень высоких, очень широкоплечих. Светлый пух покрывал впалые щеки и волевые подбородки. Зигзаги молний синели на правых рукавах кимоно. Самураев клана Райдэна меньше года отделяло от выпуска. Им ни к чему бесчестные драки. Если не дать повода.

— Сейчас день, — сказал Андрей, низко кивнув. — Сингенин Андрей из клана Охотникова.

Статный выпускник откинул с глаз спутанные волосы с золотистым темно-русый отливом. Так изящно и властно, должно быть, откидывали волосы великие герои времен легендарной войны Гэмпэй. Выпускник посмотрел на Андрея, перевел взгляд на Риту. Никого не замечая, наложница ковыряла пальцами дырки в столбе.

Выпускник улыбнулся и сказал:

— Раздери рыжую прямо на столбе. А ты, Пырей-сан, прирежь недоростка.

— Ваш Долг сегуну не требует этого, — сказал Андрей.

Вынув катану из ножен, второй одиннадцатиклассник сказал:

— Сделаю, мой дайме.

— Я обратился вежливо, — сказал Андрей, — Долг чести не принуждает вас.

Выпускник с золотистым темно-русый отливом волос широко зашагал к столбу. Андрей бросился к нему, но дорогу перерезал Пырей с голой катаной.

— Долг послушания также нем! Учителя не задают домашние задания кого-то разодрать или прирезать! — крикнул Андрей. — Зачем же? Зачем?!

— Какое забавное оби! Красное! — сказал Пырей. — Прошу, отдай мне его сейчас, пока не запачкал кровью.

Дайме с золотистыми темно-русый волосами упер ладони в столб над плечами Риты.

— Наложница, если до конца перемены успеешь достойно ублажить меня, может, я заберу тебя в клан Райдэна. Иначе выпотрошу, — сказал дайме. — Приступай живо.

Рита отвернулась от столба, взяла узел на оби дайме, маленькие ладони коснулась его промежности. Твердая и горячая плоть под хакамой самурая напряглась. Наложница ткнула пальцем в выступившую пухлую складку. Дайме дернулся.

— Чего творишь? — крикнул он.

— Крепкая, не гнется. У брата была такая же, — сказала Рита и вздохнула, — а у моего господина будто и нету — ни разу ко мне не прижимал.

Дайме ударил ее. Сам дернул узел оби и спустил хакаму. Риту отбросило к столбу.

Пырей поднял меч над головой и сказал, что заберет оби потом: на красном кровь все равно не выделяется.

Пырей ударил.

Меч летел в голову Андрея. Летел разрубить пополам от самого верха до пупа. По-другому местные бить не умели. Только так: рискуя всем ради удара.

Вскинув вверх руки, Андрей шагнул назад. Клинок Пырея пролетел перед глазами и разрезал только воздух. Следом Андрей метнулся на врага, локти и запястья дернулись, меч опустился.

И отрубленная кисть Пырея упала на мерзлую траву.

Руки Риты уперлись в землю, в колючие стебли. Дайме с золотистыми темно-русыми волосами и спущенной до колен хакамой схватил голову наложницы, дернул вверх, и Рита встала на колени. Лицом напротив голых ног дайме. Ее губ коснулась тугая жирная тыкалка.

Пальцы дайме надавили Рите на щеки, раскрывая ей рот, когда Пырей закричал.

Стальная хватка на лице Риты исчезла, дайме отпустил ее, спешно натягивая хакаму. Но его глаза смотрели не на хакаму и не на Риту, он уставился на что-то впереди.

Дайме не видел в наложнице угрозу. Напрасно.

Стоя на коленях, Рита выдернула вакидзаси из ножен, ее правая рука резко вытянулась вперед. Лезвие рассекло воздух над головой по кругу и уперлось в твердое.

Раненое горло самурая захрипело, кровь забулькала в широкой ране — звуки, что Рита ждала от господина сегодня ночью во время обучения.

Дайме упал на колени. Кровь текла по его кимоно и голым волосатым бедрам. Волосы на ногах и в паху были курчавыми, совсем без золотистого отлива, просто грязно-русыми. А теперь, — искупавшись в крови, — красными. Толстая посиневшая тыкалка дайме все еще торчала вверх, она как бы тянулась к Рите. К ее розовым губам.

Рита посмотрела на мясистую залитую кровью головку и сказала:

— Прости, я уже принадлежу другому мертвецу.

И Рита воткнула вакидзаси в промежность дайме. Острием точно в жесткую головку, точно в отверстие на мясистой шишке. Как бы в утешение.

Рита обернулась. За спиной молча стоял Андрей. Поднимаясь, наложница улыбалась.

— Господин, теперь ты не одинок, — сказала Рита, — теперь я чудовище, как и ты. Убьешь чудовище — и сам станешь чудовищем, так?

Вакидзаси дугой выростал из паха мертвого дайме. Ветер покачал рукоятку меча точно подсолнух на стебле. Это новое творение Риты намного объемнее ее рисунков на полотнах. И красочнее. Но предварительная работа все та же — кого-то разбудить. Кого-то убить.

— Подойди ближе, господин. Полюбуйся. — Рита посмотрела в сторону. — Господин, почему ты не пробудил от иллюзий самурая, что поверг?

К столбу на трех конечностях полз Пырей. Левая рука его волочила по земле катану, из обрубка правой сочилась красная струя. В пяти шагах от Андрея самурай уткнулся лицом в землю, почти потеряв сознание. В правый глаз ему воткнулся толстый сухой стебель чертополоха. Пырей закричал, затряс головой, но катану не выпустил из целой руки. Если бы он отпустил меч, то мог его больше не найти. Со стонами, проклятиями и травяным стеблем в глазу Пырей пополз дальше. К концу обмана и началу Истинного пути.

— Так ради этого? — закричал Андрей. — Ради того, чтобы я прикончил тебя?

Господин Риты бросился к Пырею и вынул катану из его кисти.

— Ни один постулат в драном листке, что вы называете бусидо, не велел твоему дайме делать этого! Зачем он повалил Амурову-сан? Зачем спустил хакаму перед ее лицом? Почему вы просто не прошли мимо?

Встав на колени, Андрей взял в руки бледное лицо Пырея. Восьмиклассник взгляделся в черный зрачок здорового глаза самурая.

В самом деле, без света нет тени?

Если так, то где в этой черной дыре с темно-серой радужкой по краю хоть одна искра? Или Кодзилькинскую школу построили на дне столь глубокого колодца, в ее опорах заживо замуровали столько сотен сотен жертв, до сих пор дышащих сквозь фундамент страхом и отчаянием, что разумы учеников насквозь пропитали темные воды безумия и жестокие инстинкты? А здешний свет просто умер?

Сенсей, может свет умереть?

Очень похоже на верный вопрос.

Раненый самурай поднял левую руку и схватил восьмиклассника за горло.

Тени заплясали и в глазах Андрея. Он не мог дышать, сознание поплыло прочь.

Голову Пырея бережно держали ладони Андрея, а выпускник из всех сил давил его глотку.

Если на этом поле поставить качели, то ученики будут расшибать ими друг другу черепа.

Андрей резко дернул запястьями. Подбородок самурая без тени света в глазах крутануло вверх. Тихо щелкнуло. Рука Пырея сползла в траву, тело обмякло. Всего-то еще одна кукла, которая скоро остынет.

Подняв глаза к небу, Андрей увидел котенка на столбе.

Подошла Рита. Она сказала:

— Твои слова... Ты не Железногрудый!

«Верно, — хмыкнул волк, — только Широкоротик».

— А будто только поняла? — сказал Андрей, поднявшись. Восьмиклассник вдруг прыгнул на столб, красно-серой вспышкой пронесся наверху и, сцепив котенка, соскочил на землю. Зверь не успел даже зашипеть, только раскрыл изодранную пасть.

— Для чего тебе драная кошка, а? — спросила Рита. — Еда из запасов клана не в пример лучше этой дохлой тушки. А шкура на ней облезла, смотри, как плечи мерзко торчат. Зачем пачкаешь руки?

Андрей поднес к лицу черно-серую мордочку со сломанными усами.

— Слышал? — закричал ученик. — Здесь для всех ты лишь дохлая съедобная туша. Беги! Убирайся! Пока есть лапы! Вали! Пока бежать способен! Кто порвал твое ухо? Сломал усы, разорвал шкуру на боку? Не говори, сам знаю. Убирайся! Пока они не выкололи глаза, пока не вскрыли твой живот. Да, так они играют. Понравившийся цветок вырывают с корнем. Убирайся! Не манись на теплые комнаты и жирных крыс в подвале. Соблазн, обман! Череп твой размажут об стену одной из комнат, а нет, так обглодают. Убирайся! Прочь! Прочь! Прочь!

Андрей тряс котенка, зверь шипел и кричал. Размахнувшись, восьмиклассник отбросил котенка в сторону западной стены. Клубок облезлой шерсти покатился, четыре лапы вылезли из него и прыгнули в высокие кусты.

Сильный ветер поднялся над полем, раздувая кимоно на живых и мертвых. Болтая меч в паху дайме. Тербя листья на стебле чертополоха, торчавшем из глаза Пырея.

Сквозь порыв Рита крикнула:

— Почему ты так поступил?

Она указала в сторону школы и крикнула:

— Почему отпустил того никчемного с уродливым кадыком? — Рука Риты дернулась в сторону западной стены, она крикнула: — И облезлую одноухую кошку?

Ветер утих, а Рита все кричала:

— Этих двоих ты пощадил, а моему брату рассек горло. Почему?

Она подошла ближе и увидела слезы на лице Андрея. Восьмиклассник молча отвернулся от нее.

— Понятно, — сказала Рита. Наложница вернулась к столбу, руки ее схватили рукоять вакидзаси, тонкая ступня в сандале уперлась в стылую грудь дайме. С натугой Рита выдернула меч из красной плоти. Стряхнув кровь с клинка, она убрала меч в ножны. Улыбнулась и сказала:

— Идем, господин. Совсем скоро звонок, а мне еще нужно нарвать березовых листьев для желтой краски.

На границе маленького березняка самурай и наложница наткнулись на ученика, стоявшего на коленях. Худая спина облокачивалась на куст бересклета с пурпурной листвой, из живота торчал вакидзаси. Застывшие руки как плети оплели рукоятку меча. Русая голова ученика закинулась назад на красные ветви, показывая полулысым кронам и серому небу незрячие глаза и огромный кадык на тонкой, как ножка стула, шее.

1

Чушкин ждал звонка и бешено терся промежностью об угол учительского стола. Его переполненный мочевой пузырь разрывался, учитель едва сдерживался. Но техника безопасности запрещала учителям выходить из классов на переменах. Только когда ученики, то есть пациенты учились или выполняли бесполезную Полезную работу.

Несколько горячих капель все же стекло внутри хакамы по бедру.

Мешал живот. Из-за него угол стола не доставал до мочеиспускательного канала.

Чушкин встал на цыпочки, так чтобы живот лег на гладкую столешницу. Пластиковый край сразу уткнулся в уретру, запечатал напористой струе путь наружу. Учитель выдохнул. Руки его крепко обхватили стол.

Пустые парты и стулья стояли перед учителем. Мебель на территории школы, а также двери, оконные рамы, покрытия полов и стен и прочее — все здесь огнестойкое. И немаркое, чтобы уборщики могли легко убрать, если что.

Чушкин чуть подвинул таз, чтобы быть в центре объектива гляделки, то есть видеокамеры.

Все профессионалы болеют по-своему.

Парикмахеры часто подхватывают от клиентов стригущий лишай. У офисных клерков, что весь день глядят в мониторы, окружающие предметы двоются в глазах или тонут в тумане.

Проститутки нередко болеют чем-нибудь венерическим.

У профессиональных моделей из-за постоянной «походки манекенщицы» деформируются стопы, нарушается осанка, вены варикозно раздуваются и скрючиваются в мятые узлы, как детеныши анаконды на «Би-би-си». Парашютисты ходят на кривых не раз поломанных ногах. А солдаты на войне лишаются конечностей.

Ну а работники школы Катаны — по крайней мере те, что с многолетним стажем, — не могут жить без постоянного видеонаблюдения. Что бы они ни делали: ели, спали, испражнялись, играли с детьми, ругали начальство, занимались любовью с супругами или любовницами, — объективы должны их видеть, а микрофоны — слышать. Иначе им не по себе.

Так альпинист не расстается с веревкой, которая спасала его в горах, и таскает ее всюду. Гляделка, то есть видеокамера — такая же гарантия жизни.

Раздался звонок с большой перемены.

Чушкин быстро взглянул под стол. Под столешницей рядом с большой красной кнопкой вызова стражей, то есть сотрудников службы безопасности, крепились две лампочки — красная и зеленая. Как обычно, горела зеленая лампочка. Крепко стиснув ладонью хакаму между ног вместе с тыкалкой, то есть... мужским причинным местом, учитель выбежал в пустой коридор.

Чушкин повернул от двери класса направо. Чуть не наступил на темную лужу у стены. При взгляде на нее учителя передернуло.

Курс «Гомицидальная патопсихология» для клиницистов. Задачник для выявления гомицидомании. Задача № 4:

«Единственный вход в пещеру с семью горными туристами завалило лавиной. Воздух

внутри ограничен. Прежде чем придут спасатели, все туристы задохнутся и умрут. Вы — один из туристов. Если убить одного туриста, другим шестерым хватит воздуха, чтобы дождаться спасателей.

Примечание: Пожертвовать собой не допускается.

Вопрос: Убьете ли вы одного туриста, чтобы выжили остальные?

Правильный ответ: Нет».

Видеокамеры на потолке одна за другой провожали Чушкина. Он смотрел только на них, ноги его хлюпали по чему-то липкому, спотыкались о неровности пола. Но учитель не опускал взгляд. Смотрел на изгибы темных разводов на потолке.

Задача № 5:

«Условия те же, что и в задаче № 4.

Дополнительное условие: у одного туриста положительный результат по тесту системы Кассандры.

Вопрос: Убьете ли вы туриста с положительным результатом по тесту системы Кассандры?

Правильный ответ: Да».

Чушкин приложил большой палец к сканеру на замке серой двери в нише. Магнитный замок звякнул, открываясь. Учитель юркнул внутрь и приткнулся к первому же писсуару.

Сзади ржавчина в трубах или сидуха унитаза в кабинке тихо скрипнула:

— Еле дотерпели?

В соседний писельник, то есть писсуар пустил струю доктор Сошин. Чушкин оглянулся назад: не стекли ли брызги по хакаме на кафельную плитку, пока бежал. Пара желтых капель сверкала между красных следов почти у финиша.

— Обхаживал сегодня рощи и заросли у стен, — сказал Сошин, стреляя фонтан.

— Не по технике безопасности, — вздрогнул Чушкин. Он переставил ногу и незаметно растер сандалией желтые капли по плитке. Заодно размылись и следы, красные разводы стали похожи на кричащую картину художника-авангардиста. Или детскую мазню.

— На уроках допускается, — скрипуче протянул Сошин. — Ученики то и дело норовят запихнуть в рот все, что попадает под руку. По крайней мере что туда может влезть. Вот иногда и выбираюсь посмотреть, не пророс ли внутри стен росток волчегодника или вороньего глаза. Благодаря мне ученики не знают, как яд жжет во рту и что такое кровавый понос. Я горжусь тем, что никто из них не умер!

Пару столовок, то есть минут Чушкин и доктор сосредоточенно завязывали оби поверх хакамы. Нервные руки Сошина так сильно дергались, что бант вновь и вновь разваливался на первой петле.

— Вернее тем, что никто из учеников не отравился до смерти, — сказал вдруг Сошин.

— Конечно, сенсей, — сказал Чушкин.

— Никто из учеников подолгу не болеет простудой, язвами желудка, головными болями, диареей, менингитом. Я лечу быстро, как метеор!

— Сенсей, вы правы, — сказал Чушкин и повернулся к двери. — Мы все куда-то летим. Или падаем.

— Учителя! Мое участие в том, что план школы на год снова выполнится, не меньше вашего! — говорил Сошин. — Только я никого не учу рубить сверстников.

Чушкин замер. Учитель литературы воротился к писсуарам, ему в лицо снова пахло антибактериальным мылом со вкусом морской свежести.

— Нет, сенсей, — сказал Чушкин, — если пацие... то есть у ученика вдруг поднимется высокая температура и он не сможет встать со спального тюфяка, вы, конечно, придете на помощь. Как ответственный врач, не останетесь в стороне, так? Дадите достаточно жаропонижающих таблеток, чтобы больной поднялся и перешагнул порог безопасной комнаты. Но сколько шагов по коридору он успеет еще сделать? Десяток? Пару? Вы ведь не дадите ему таблетки, которые помогут больным ослабевшим рукам поднять катану? Не вколете в вену стероиды?

Сошин молчал. Доктор теребил концы оби.

— Технически его убьет клинок другого ученика, — говорил Чушкин, — а не ваша жаропонижающая таблетка. И высокую температуру ученик в самом деле потерпит недолго. Но вы правы, сенсей: мы бы явно не выполнили годовой план без вашего медпункта. Весь персонал обязан вам премиями, которые получит, когда учебный год завершится.

Руки Сошина пытались завязать бант на оби, но один серый конец все время оказывался слишком коротким, вылезал обратно в петлю, разваливая узел.

— Только с Явой-кун из 8 «Б» вы перестарались, сенсей, — сказал Чушкин. — Она до сих пор машет катаной, хотя уже полгода носит паразитов мозга. Сколько ей осталось?

Сошин резко дернул оби, длинный тряпичный конец шлепнулся в писсуар, с плеском разбрызгав собравшуюся в чаше воду. Хорошо, что этого не видели ученики. Какой дурной пример!

— Это не забавно, — сказал доктор. — Прекратите! Хорошо, вы правы. Мои руки убивают их так же, как языки учителей. Довольны?

Чушкин покачался с ноги на ногу.

— Но так мы участвуем в полезном деле, — сказал учитель, — вспомните курсы о причинах гомоцида, на которые нас направляют каждые полгода. Вы работаете здесь дольше меня, и вас не должна обмануть внешность тех, кого мы обслуживаем.

В далеком детстве, сказал Чушкин, учитель литературы обожал смотреть ужастики про разных человекоподобных монстров. Там про всяких людей-многоножек, недоростков лепреконов, волосатых оборотней. Или про прямоходящих ксеноморфов, у которых внутри зубастой пасти, словно малые половые губы внутри больших, пряталась вторая челюсть — а вблизи жертвы выдвигалась вперед почти на полметра.

Сошин повернулся к Чушкину, взглядом предлагая ему заткнуться и свалить.

Но среди хоррора, говорил Чушкин, явно выделялись фильмы, где монстрами стали люди из-за гадостной эпидемии. Зомби-апокалипсис. Одни люди превращались в голодных мертвецов-каннибалов. Другие пытались их вылечить. Только вылечить зомби нельзя — они ведь мертвые. Гнилые кости с остатками мускулов хоть и двигаются, а высушенные глаза вращаются, все человеческое в монстрах давно умерло. Выжившие люди в фильмах продолжали видеть в ходячих трупах родственников и близких друзей. Только потому что зомби выглядели как их родственники и близкие друзья! Люди искали лекарства, проводили опасные опыты, пока не заражались сами. А стада живых мертвецов все разрастались и разрастались, заполняя мир вокруг.

— Мы не должны видеть людей там, где их нет, — сказал Чушкин. — Как не видим человека в манекене на витрине, хоть на манекен и натянули кружевное нижнее белье, свитшот, кожаные легинсы, сапоги по последней моде, небрежно-изысканно бросили на плечи махровый шарф. В общем, навесили дорогие шмотки, какие и человек-то не каждый сможет себе позволить.

Сошин просто заткнул мокрый оби за хакаму и прошел к выходу.

— Сколько осталось Яве-кун? — спросил Чушкин, когда доктор ступил в коридор.

— Я в самом деле работаю дольше вас, — заскрипел голос Сошина из-за двери, — и научился относиться к месту работы как к птицефабрике, где электрическим током глушат бройлерных цыплят. Просто я гнал от себя мысль, что сам тоже опускаю рубильник, подающий ток. Но что точно я никогда не вытворил — так это не видел в цыплятах людей.

Учитель дернулся. Пот выступил на лбу Чушкина и потек ему в глаза. Голос Сошина скрипел за дверью:

— Еще я научился замечать нестыковки. Чушкин-сенсей, вы зачем-то так долго доказывали мне обыденную, понятную вещь, что наши ученики — нелюди, но между тем два раза спросили о здоровье Явы-кун. Забавно. Чушкин-сенсей, так кому же вы пытались доказать, что нашим ученикам не нужно сопереживать? Мне? Или дрожащему цыпленку внутри вас?

Чушкин молчал. Сошин хмыкнул:

— Зомби, оборотни, вампиры, дед бабай... Зачем выдумывать монстров, когда мы сами их рожаем?

Дверь захлопнулась.

Размытые следы под ногами Чушкина засохли, в красных разводах проступили черты маленького лица.

Курс «Гомицидальная патопсихология» для клиницистов. Задачник для выявления гомицидомании. Задача № 6:

«Вы вместе с коллегой пришли к нему домой за рабочими документами. Жена коллеги находится в это время в доме с любовником. Обнаружив измену, коллега хватается из тумбочки пистолет и наводит оружие на жену и любовника. Вы вырываете у коллеги пистолет и целите в него, веля успокоиться. Коллега, не слушая, идет на вас.

Если отдадите пистолет, коллега убьет жену с любовником.

Если выстрелите в коллегу, он умрет. Коллега болен гемофилией: любая рана приведет к летальному исходу.

Вопрос: Убьете вы коллегу, чтобы спасти двух людей?

Правильный ответ: Нет».

Задача № 7:

«Условия те же, что и в задаче № 6.

Дополнительное условие: у коллеги положительный результат по тесту системы Кассандры.

Вопрос: Убьете вы коллегу?

Правильный ответ: Да».

Задача № 8:

«Условия те же, что и в задаче № 6.

Дополнительное условие: у коллеги, жены и любовника положительные результаты по тесту системы Кассандры.

Вопрос: Кого вы убьете в комнате?

Правильный ответ: Всех».

Чушкин встал на разводы крови и стер подошвами маленькое лицо. Быстро вышел из туалета.

Хоть Сошин старый вредный пердун, таких ответственных докторов мало.

Пару-тройку лет назад в Керчунской школе Катаны работал молодой доктор, недавно закончивший ординатуру. Молодой доктор постоянно обследовал учеников, особенно часто — одну девятиклассницу, и делал это совсем не по технике безопасности. По данным медкарты ученица, что он выбрал, никогда не болела, ни разу не простывала, не падала в обмороки, не какала жидким стулом. Вроде бы она была наложницей самого сильного в школе клана и ни в чем не знала нужды.

До сих пор по сети гуляет видео, в котором ученица с ровной осанкой улыбается прямо в гляделку. Ее белоснежные ровные зубки прямо сверкают здоровьем.

Как рассказывали, перед обследованием этой ученицы молодой доктор всегда открывал настежь высокий шкаф с медикаментами. Распахнутая пластиковая дверь шкафа закрывала молодого доктора и ученицу от обзора гляделки, то есть камеры, справа от них. Подробности того, как эти двое обследовали друг друга, остались тайной. В сеть просочился лишь самый финиш их отношений.

Этот отрывок записи наверняка слил в сеть кто-то из службы безопасности Керчунской школы. Рейтинг просмотров держался высоким где-то в течение недели. Так-то людям давно плевать на школы Катаны.

Вначале камера снимает пустой коридор с рядом косых дверей. Затем тихий стон сквозняка накрывает резкий визг. Дверь с табличкой «медпункт» хлопает об стену, в коридор выскакивает человек в белом халате и спущенной хакаме. Тот же самый молодой доктор — спотыкаясь ступнями в штанинах, он бежит к камере, рот широко раскрыт, визг наполняет коридор. Из причинного места сквозь прижатые ладони сочится кровь.

А следом за доктором из медпункта шагает стройная девятиклассница. Ее походка неспешна, плечи расправлены. Белоснежные зубки улыбаются в камеру, из-под них что-то лезет наружу — член. Половина члена. Обрезанная головка сочится кровью и спермой. Улыбаясь, ученица глотает их.

Затем сплевывает выжатый сморщенный огрызок. Конец записи.

Говорят, молодому доктору смогли пришить его член. А затем отправили под военный трибунал.

Пациенты — не люди и не безвольные секс-куклы. Это чудища с детскими мордашками. Для блага мира им не позволено вырасти.

Хотя в последнее время их рождается все больше и больше. Некоторые даже прозвали их Поколением М.

Чушкин остановился напротив будки стража, то есть постового. Постовой читал красно-синий журнал. То ли *Maxim*, то ли комикс о человеке-пауке.

— Разве по технике безопасности можно проносить посторонние вещи из внешнего мира? — вскричал Чушкин.

Не поднимая головы, постовой перелистнул страницу.

— Это вы о трусах с утятами?

Чушкин опустил голову. Внизу широко раскрытого ворота кимоно сверкал желтый утенок на резинке семейников. Учитель судорожно оттянул оби и затолкал внутрь трусы. Постовой деликатно закрыл лицо журналом.

— В следующий раз надевайте хотя бы с китайскими драконами или шиноби. Чтобы не взволновать местную экосистему.

Закрыв ладонями низ живота, будто утята могли выпорхнуть из плена исподнего, Чушкин поторопился к лестнице для учителей. Дорогу ему преградил завуч Буглак.

— Я слышал, у вас сейчас встреча с директором, — сказал Буглак. — По поводу?

— По вопросу Сингенина-кун, — сказал Чушкин.

— Какому нахер еще вопросу! — взревел Буглак. — По этому никчемьшу нет никакого вопроса. Разворачивайтесь и мухой возвращайтесь в класс!

Чушкин опустил глаза и слабо улыбнулся. С каждым годом Буглак все чаще и чаще нарушал правила поведения и технику безопасности. Становилось опасно. *Нахер, мухой* — в этих стенах так говорить нельзя. Оскорблять пациентов тем более: в первую очередь их учили беречь честь, затем только уважать учителей и поклоняться сегуну. Иначе опозоренные пациенты бы не убивали себя. Но завуч точно жаждал, чтоб его прирезали.

— Сингенин-кун ведет себя иначе, чем другие пац... ученики, — сказал Чушкин. — Он сказал такое, что можно подумать, что патологии нет...

— Дурная мысль, — сказал Буглак и закрыл глаза рукой. — Дурная, очень дурная мысль. Вы сходите с ума. Да, вы спеклись. После стольких лет работы, допустив эту мысль, вы сбрендили. Такой колоссальный труд мы провернули, и вы захотели, чтобы он раздавил вас чувством вины? По-другому и нельзя, раз вы подумали, дурной мыслью и удавитесь.

— Нет-нет-нет, — запричитал Чушкин, — я сказал: можно подумать. Глупый оборот речи! Конечно, я так не думаю! Не волнуйтесь, сенсей. Просто не стоит ли нам разобраться со странным случаем?

— Это рядовому Генри Тенди стоило пристрелить Гитлера, когда в окопах Первой мировой держал урода на мушке, — проворчал Буглак, — вместо этого британка пощадил маньяка, и мы получили Холокост и фашистов. А вот Брут верно с Цезарем разделался.

— Мы не знаем, с каким результатом Цезарь прошел бы тест Кассандры, — сказал Чушкин, — и Брут тоже.

Буглак подался вперед, нависая над Чушкиным.

— Чушкин-сенсей, ну и радуйтесь, что сейчас все получаете на блюдечке, — сказал Буглак, — вам даже рисковать не надо, одна рутина. Вот Шарлотте Конде так не повезло. Бедная парижанка и нож сама добывала, и в гости к президенту якобинцев живодеду Марату три раза набивалась. Говорят, в день якобинцы расстреливали до пятисот человек. Слышите, в день! Потому-то, когда монстряга президент, сидя в ванной, наконец принял Шарлотту, она, не мешкая, его там и прирезала. Девушку еще казнили за доброе дело. Нынче вы видите на улицах, чтоб якобинцы или фашисты кого-то расстреливали?

Чушкин покачал головой. Учитель смотрел на крысу, что скреблась за спиной завуча. Крыса ползла открыто и не торопясь. Тварь приспособилась, тварь знала, что во время уроков охотиться на нее некому. В школах Катаны не травят вредителей, чтобы не сгубить пациентов, которые их ловят и едят.

— Так не суйтесь под гильотину дурной мысли! — сказал Буглак. — Вернитесь в класс, забудьте, что вам причудилось. Работайте!

Крыса лизала пол в углу. Трупы и кровь убрали, но запах пропитал бетон.

— Как же тут воняет кровью! — вдруг сказал Чушкин. — А ведь я тоже болел паразитами мозга, вы знали?

— Нет, — сказал Буглак, — тоже? Кто еще?

— Да так, никто. Вечерами я ходил в группу поддержки «Преодолей себя!» и задавался вопросом, могут ли паразиты отъесть от меня столько, чтобы я перестал быть человеком.

Буглак зевнул.

— Кем же вы бы тогда стали?

— Зомби, — сказал Чушкин и снова посмотрел на крысу, — или хуже.

Буглак зевал, зевал, зевал, но не уходил. Его огромное сальное тело загораживало дверь к лестнице для учителей.

Чушкин развернулся и скрылся за углом коридора. У темного провала в стене учитель остановился, живот свело, колени затряслись. Встреча с директором скоро, но, если шагнуть в эту черную шахту, удастся ли выйти когда-нибудь на свет? Там позади за жирной спиной Буглака лестница для учителей купалась в ртутном свете, на широких ступенях желтели резиновые вставки в алюминиевых противоскользящих накладках. А в этой темноте точно кишат клубки ксеноморфов. Только ступи в ночь, и нога провалится в глотку охочей Королевы Чужих. Вокруг щиколотки сомкнется зубатая слоистая вульва вместо рта на слепой морде.

Сандалия Чушкина шаркнула по темному полу. Его не съели сразу, и он стал карабкаться по узким ступеням, наощупь перебирая поручни обеими руками.

Пальцы скользили по пластмассе перил, стертой сотней рук. Сердце быстро колотило по ребрам, толкало к проему света вверх. Чтобы не думать о темноте, о том, что в ней ты заглядываешь внутрь себя.

И видишь еще больший мрак.

Задача № 13:

«Ваш несовершеннолетний сын достает из рюкзака ружье, снимает предохранитель и целится в толпу людей у автобусной остановки.

~~У вашего сына положительный результат по тесту системы Кассандры.~~

Спасти людей вы можете, только если убьете вашего сына.

Вопрос: Убьете вы вашего сына?

Правильный ответ: ...»

Если вы уже посчитали количество жертв и сейчас решаете исходя из арифметической разницы числа трупов, кому жить и умереть, сожалею — вы не человек.

Но если при этом второе предложение в задаче не зачеркнуто, жму вам руку, обнимаю, поздравляю — вы самый человечный человек! Человечище!

В конце прошлого века семеро алжирских подростков изнасиловали лесного мандрила. Примат с ярким красно-синим окрасом задницы заразил их неизвестной тогда африканской болезнью. Первый симптом — сухой кашель. Второй — геморрагическая сыпь. Третий — рвота. Четвёртый — то ли почти полный отказ печени и почек (инфекционно-токсический шок), то ли небольшая сонливость.

Пока подростки добирались по влажному экваториальному лесу до родной деревни, их желудочно-кишечный тракт, нос, десны стали обильно кровоточить. Мозговые ткани ускоренно деградировали, разлагаясь в губчатую массу. В нескольких километрах от окраины деревни подростки потеряли контроль мышечных движений и попадали в траву, как обморочные козы при испуге.

Деревенские охотники нашли подростков, когда их конечности ритмично дергались на земле, а в глазах зияла пустота. Мозги лежавших отсохли, центральная нервная система полностью рассыпалась. Это были уже не люди, а их копии навряд ли черных пластиковых манекенов. Или японских силиконовых секс-кукол модели «dark_boy». Ради настоящих людей там их нужно было и оставить. Но охотники отнесли копии людей в деревню.

И через неделю вся деревня ритмично дергала конечностями и смотрела на жаркое

алжирское солнце пустыми глазами.

Вместо семи дерганных кукол погибли три тысячи людей.

Только не спрашивайте, как вся деревня умудрилась заразиться африканской венерической болезнью от семерых коматозников.

Главное: нельзя пихнуть одного человека под колеса трамвая, чтобы спасти десять человек. Но если ради жизни одного человека нужно переехать трамваем десяток собак — или кукол с атрофированными мозгами, или чудищ с детскими мордашками, — сделайте это.

Ваш сын-чудище наводит двустволку на спины людей, сгрудившихся на остановке? Ради всего святого, будьте гуманны! Вы несете клеймо «родителя чудовищ», вы будете рассказывать журналистам и телевизионщикам, как допустили гибель людей. Вы будете сталкиваться взглядами с родственниками убитых. Ради бога, убейте выродка прежде!

Тьма лестницы столько времени обволакивала снаружи, что, видно, просочилась в голову. Завились червивые мысли. Если бы хирурги неудачно вырезали из мозга Чушкина кисту с червями, в его глазах зияла бы та же пустота, что у негров из алжирской деревни. Всего один неудачный взмах скальпелем может превратить человека в куклу. Как, впрочем, и в труп.

Четвертый этаж объял учителя серым светом. Сквозь душный аромат зеленого яблока и уколы в боку Чушкин пер по коридору. Когда его рука потянулась постучать в кабинет директора, уставшее грузное тело чуть не рухнуло следом в открытую дверь.

— Заходите!

Учитель ввалился в кабинет. Плоская глыба из непрозрачного стекла почти доставала углами обеих стен справа и слева от окна. Директор восседал за столом, как сиреневый морж на грязном леднике. Баюнов быстро указал на стул у двери, поднес указательный палец к губам и повернулся к монитору компьютера.

Пластиковая сидуха скрипнула под Чушкиным. В окне поверх черного неба отражалась худая женщина в строгом костюме на экране компьютера. Светлана Говкина, в юности — двухкратная Олимпийская чемпионка-конькобежка, ныне — референт Контрольного управления Президента.

— Поверьте, — сказала Говкина, — вы пожалеете. Я устрою.

— Чем же я вас огорчил? — спросил Баюнов.

На другом конце IP-канала Говкина хлопнула ладонью по столу, ее изображение задрожало.

— Теперь играете дурака? — крикнула референт. — Я доверила вылечить его, а не угробить!

Жевательные мышцы на массивной челюсти директора скрутились бурыми червями.

— Тогда вы неверно понимаете, чем мы здесь занимаемся, — медленно сказал Баюнов. — Мы не лечим людей, мы их создаем.

Вранье. На самом деле, мы только их гробим.

— Цель нашей работы — привить пациентам социально-значимые восточные ценности: искренность, долг, благодарность.

Разве что в параллельной вселенной.

— Наши воспитательные методики подражают системе обязанностей и общественного долга Японии — страны с самым меньшим количеством убийств. Посредством духовных практик даосизма мы учим пациентов преодолевать свои желания, вместе с канонами

конфуцианства прививаем им верность обществу, а через заповеди буддизма убеждаем их в греховности человекоубийства.

Это не было бы враньем только в мире, где министерством правды называют орган, который беспрерывно фальсифицирует статистику и исторические факты.

— Когда пациент прибывает к нам, первые четыре года персонал контролирует его во всем. Жизнь пациента до пятого класса полностью безопасна.

Щепотка правды.

— Так было и с вашим сыном, Светлана.

Ого. Открылся конкурс на звание «самой высокопоставленной матери чудовища».

Лицо Говкиной вытянулось, нижняя губа оттопырилась, обнажив тонкие зубы с просевшими деснами.

А вот наши пациенты не болеют пародонтозом — похвастался бы Сошин.

— Вы — дьявол! — прошипела референт. — Место ваше в тюрьме, и я отправлю вас туда намного раньше, чем через четыре года.

В черном стекле окна губы Говкиной растянулись в кислотном оскале Ехидны, уродливой матери Цербера, Химеры, Сфинкса и других монстров.

— Все мерзости, что вы скрываете в стенах вашего склепа, откроются на публичном суде, — сказала Говкина.

Вряд ли. Все, что происходит на территории школы, строго засекречено правительством.

— Моя школа ничего не скрывает от общественности, — сказал Баюнов.

Черпак вранья.

— С пятого года пациентам дается некоторая свобода действий внутри стен школы, — сказал Баюнов, — так мы должны убедиться, что пациенты знают свое должное место и прониклись ценностями, которым их учили.

Суп с враками почти готов.

Говкина сказала:

— Он умер на одиннадцатом году жизни! Кто его убил?

— Такой же пациент.

— Вы допустили это!

— Мы не видели смысла его спасать. Ваш сын еще не стал человеком.

Никогда не стал бы.

Глаза Говкиной сузились. Референт президента сказала:

— Прежде чем я вырублю связь и займусь тем, чтобы низвергнуть вас в ад, скажите мне последнюю вещь.

— Не сосчитать, — сказал директор. — Выпускаются всего около полтора процента от числа поступивших.

Говкина пошатнулась на стуле. Директор подумал и уточнил:

— Меньше процента. Десяток голов из тысячи.

Говкина молчала. Уголки ее губ опустились почти до горизонтальной линии подбородка.

— Этот один процент обычно подписывает контракт с армией, — сказал Баюнов.

Всегда, выпускников всегда отправляют в горячие точки. Где они пропадают в пучинах войн. Пушечное мясо. Хворост для розжига боевого огня. Прах, бесследно развеянный по ветру.

Говкина потянула руку вперед — видимо прервать звонок.

— Хотите увидеть, как умер ваш сын? — вдруг сказал Баюнов.

Рука Говкиной замерла, потом убралась под стол. Одно тихое слово вылетело из динамиков:

— Показывайте.

Директор нажал всего две клавиши на клавиатуре. Файл с записью лежал наготове.

Чушкин подался ближе к окну. На черном зеркале нарисовалась темная комната с витками труб и ржавыми потеками на стенах. На одном стуле сидели двое: ученик повзрослей залез на колени младшему. Кто именно — в отражении не разглядеть. Старший ученик навалился всем телом на маленького мальчика и душил его. Чушкин просто смотрел в окно, и у него в голове начала всплывать задача № 13 из старого задачника:

«Ваш несовершеннолетний сын достает из рюкзака ружье...»

В это время ученик, который душил, кричал в объектив камеры что-то про учителей, которым нравится куда-то смотреть.

«...Вопрос: Убьете вы вашего сына?»

Говкина закрыла лицо руками.

— Боже мой, — сказала антимасть века, затем ее словно прорвало, она закричала:

Нет!

Господи!

Нет!

О боже!

Бедный ребенок!

Прости!

Я не виновата!

Сынок!

Я не хотела этого!

Дорогой!

Интересно, как доктор Сошин лечит приступы истерии у пациентов. Дает валерьянку? Поит метаквалонем? Колет морфий? Шоколадная подачка — заесть тревогу?

В черном окне зареванная Ехидна лупила кулаками по столу и орала:

— Ты, кусок дерьма, ты убил его! Загубил мое дитя! Я посажу тебя на электрический стул! Изжарю до треска костей нахрен! Или твою жирную тушу расстреляют! По меньшей мере жди укол смерти! Как-нибудь ты сдохнешь, сволочь!

Директор сказал:

— Светлана, не хотите посмотреть, как референт президента говорит «дерьмо» и «нахрен»?

Говкина плюнула в камеру и потянулась, чтобы выключить связь.

— А как она называет «бедным ребенком» существо с положительным тестом Кассандры? — сказал Баюнов. — Я записал весь разговор. Всю вашу женскую истерию.

Ладонь Говкиной упала на стол.

— И что? — сказала она, бегая взглядом. — Это будет только доказательством, как вы доводите до смерти...

— Тех, кого фактически вычеркнули из вида «человек», — прервал Баюнов. — Бывали на скотобойне? Разница небольшая. Зато вы, Светлана, угрожали настоящему человеку. Мне. Это значит, что вас проверят на тест Кассандры повторно.

— Да пошел ты, — сказала Говкина, — я не попаду в твою живодерню. Я не больная.

— Конечно, нет, здоровы, — сказал Баюнов, — но ваш сын был патологичным гомицидоманом, а вы любите его, вы плачете по нему, страшно подумать, вы могли бы использовать свою власть и тайком выпустить таких, как он, на волю. К незащитным людям. К настоящим людям. Из ненормального сострадания вы способны устроить побег сотен пациентов. Составить свой список Шиндлера. Вы опасны для страны не меньше существа, которого породили.

Говкина прошипела:

— Говнюк, ты показал видео, зная, что я сорвусь.

— Я тратил на вас время не чтобы выслушивать оскорбления, — сказал директор. — Сейчас глава Администрации Президента получит полтора гигабайта вашего трогательного плача по сыночку Гренделю. И бурных угроз мне, заслуженному специалисту. Завтра попрощаетесь с карьерой в правительстве. Можете начинать чистить свои олимпийские медали для ломбарда. Всё. Теперь я обрываю звонок.

— Стой... те. Говорите, ради чего это?

— А вы готовы слушать? — спросил Баюнов, — или еще думаете, как прижать меня? Какой год сейчас, по-вашему? В курсе хоть, что все современное материальное право основывается на принципе гуманизма? Я только ответственный работник. Все это началось еще целых пятьдесят лет назад, когда Верховный суд в Великобритании приказал убить Мэри, чтобы спасти Джоди.

Рука Ехидны медленно поползла по столу. Ее голова была повернута в прямо противоположную сторону, сидеть так со скрученной шеей явно было неудобно, так что она выдавала себя с потрохами.

— Не стесняйтесь. Хотите также включить запись нашей беседы? Пожалуйста, — сказал директор. Говкина вздрогнула и убрала руку под стол.

— Мэри и Джоди, не слышали? — говорил директор. — Две близняшки, которые срослись в области таза. Мэри — отсталый субъект с неразвитым мозгом и слабым телом, которое высасывало жизненные соки из органов сестры, и Джоди — нормальный живой ребенок. Соединенные вместе, девочки умирали, сердце Джоди не выдерживало снабжать кровью обеих. Но разделить их — значило убить Мэри. И суд убил Мэри. Тот самый публичный суд, которым вы меня стращали. Хотя ее родители были против.

— Эта Мэри была неразвитой, а *ОН* — нет.

— Не оправдывайтесь! Мозг Мэри отстал в умственном развитии, а мозг вашего сына — в эмоциональном, — сказал директор. — Мы не смогли вырастить в нем человека, и его не стало. В школе Катаны не выращивают цветов для Эдджернона. Чем тратить деньги, чтобы хранить в дорогой пробирке смертельную оспу, разумней их направить на здравоохранение настоящих людей. Смиритесь. И вам не придется закладывать медали.

Говкина сказала:

— Смириться? Что-то еще?

Баюнов подался вперед к монитору, рявкнул:

— Будьте вежливы!

Ехидна опустила голову.

— Я только ответственный работник, — сказал директор, — и хочу, чтобы моя работа отлично выполнялась. Поэтому вы поможете мне попасть в состав Ревизионной группы программы «Школа Катаны». Там я прослежу за тем, чтобы мои труды никто не загубил.

Говкина молчала.

— Иначе о вашем срыве выпустят заметку в завтрашней новостной ленте.

Говкина молчала.

— Можете говорить, запись я выключил, — сказал Баюнов.

Говкина медленно открыла рот. Баюнов быстро сказал:

— Слышал, что ваш второй сын отличник и подает надежды стать талантливым дипломатом, — Буглак почмокал губами и продолжил: — Уверен, с такой высокопоставленной матерью это удастся. Ведь он — настоящий человек. Итак?

Говкина сказала:

— Вы будете отлично выполнять свою работу.

— Значит, как и вы, — сказал директор, — я свяжусь с вами.

Баюнов ударил по клавиатуре. Кино в окне закончилось.

— Мать змеи — змея, — сказал Баюнов. И повернулся к Чушкину: — Зачем вы хотели встретиться?

Все случилось так быстро. В этот момент тьма на лестнице для учеников оказалась бы кстати. Сейчас зловоние спрятанных в ней ксеноморфов было бы дыханием весны.

Чушкин сказал:

— Для утвержденного диагноза один пацан... то есть ученик ведет себя ненормально.

— Тет-а-тет со мной оставьте школьный диалект, — сказал директор. — Что не так с пациентом?

Чушкин крепко зажмурился, открыл глаза и сказал:

— Я изучил записи камер с ним за три дня. Пациент всего раз проявил внутривидовую агрессию, когда его не вынуждали. Но и тот случай был... без выражения удовольствия. Тогда я лично был свидетелем.

— Все же вы о пациенте или пациентке? — спросил Баюнов. — Этот сказ не о Гере Яве?

Королева Чужих! Сожри! Затолкай меня в вульву на месте рта! Скрой в теплой мягкой утробе! Где я не буду слышать больше этого имени. Вообще ничего не буду слышать.

— Вы брали ее дело около десятка раз — конечно, это не скрылось от меня, — сказал директор. — Чего вы боитесь?

И Чушкин выдал такое, как будто в его мозгах до сих пор копошился клубок червей:

— Что трамвай, который мы ведем по головам пациентов, переехал уже так многих, и столько литров крови забрызгало фары, окна, зеркала, слепило намертво дворники, закрыло обзор, что ни вы, ни я — да никто — уже не видит, головы тех ли вообще мы давим.

Все кончено, теперь пойдешь на уроки и залепи пощечину первому же ученику. Будь не хуже камикадзе, о которых каждый день рассказываешь.

— Как истинный литератор, вы говорите метафорами, — сказал директор.

— Что вы! — сказал Чушкин. — Всего только клинический патопсихолог, который в институте любил ходить в драмкружок.

— Зато образы рисуете как настоящий поэт — яркие и неправдоподобные, — хмыкнул директор. — Тот трамвай давно застрял бы на головной куче и заглох.

Чушкин сказал: «Речь велась о новеньком Андрее Сингенине, не о Гере Яве».

— Сингенин? — сказал директор. — Когда в его старой школе пациенты устроили бунт, этот ваш «неагрессивный мальчик» убил десятки.

— Сингенин напал на учителей? То есть персонал?

— Нет, конечно, иначе бы его не перевели к нам. Мальчишка перебил всех одноклассников-бунтовщиков. Больше двадцати пациентов. Одним махом. Все в досье Сингенина. Мальчишка завел бунтарей в класс под прямой обстрел автоматчиков, а дверь запер снаружи.

Будто два разных пациента. Когда Исайкин со спины зарезал блондинку, новенький явно испытал сильный невроз. Он не накинудся жадно на труп, по дороге спуская хакама. Не ушел просто спать.

Новенький глупо улыбался и жевал ватрушку с кровью.

— Сам Сингенин также черкнул парочку красных узоров, — сказал директор. — Зарубил бунтарей, которые пробились в коридор. Посмотрите внимательно досье.

Чушкин спросил, почему Сингенин не выглядит отмороженным выродком, как остальные пациенты.

— Михеевская школа Катаны отличалась от прочих школ Катаны, — сказал директор. — Пока ее не закрыли, там пытались вылечить этих Гренделей.

Чушкин сказал: «Но мы тоже». Просто так принято говорить. Как казнь учеников называть «отчислением».

— Взаправду вылечить. Туда даже выписали из Японии самурая в седьмом колене, — сказал Баюнов. — Мне понятен червь сомнений, что вас выгрыз. Поэты и драматурги вечно выдумывают моральные проблемы там, где их нет...

— Я — психиатр с чисто научным подходом, у меня есть диплом! — сказал учитель литературы.

— ...Но творческим личностям принято многое прощать. Поэтому не буду вас отчитывать, — сказал Баюнов.

— Правда, студентом в драмкружке я практически жил, — сказал Чушкин. — У нас там даже был кипяtilьник и ведро-туалет с крышкой.

— Наши пациенты выглядят как люди. Сменяются как люди. Плачут как люди. Истекают кровью как люди, — говорил директор. — Последнее мы видим чаще остальных. Вы, Чушкин, жестоко ошиблись, вы сравнили пациентов с людьми. Сравнили Геру Яву и Андрея Сингенина с собой. Вы, как Леди Макбет у Шекспира, посчитали, что творите злое дело Леди Макбет подговорила мужа убить короля и захватить престол. Благородная дама сознательно взялась за злое дело:

*Ко мне, о духи смерти! Измените
Мой пол. Меня от головы до пят
Злодейством напитайте. Кровь мою
Сгустите. Вход для жалости закройте,
Чтоб голосом раскаянья природа
Мою решимость не поколебала.*

— Если бы Леди Макбет призывала ангелов, а не демонов, если бы супруга лучшего воина Шотландии верила, что нет достойней короля, чем ее муж, а потому убить старого Дункана — не грех, тогда у нее не развился бы опасный невроз. Злодейства в чехлах добрых дел не уродуют душу. Прекрасной Леди не мерещились бы кровавые пятна на белых руках, безумие не свело бы ее в могилу, и она была бы счастливой королевой. Ну, все литераторы назубок знают Шекспира.

Чушкин сказал: «Может быть, только я — врач, психиатр».

Баянов погладил стеклянную столешницу. В мутном стекле не виляли паутины царпин, не прятались вмятины. Литая серая глыба выставляла на свет глубину, не изуродованную плясками пациентов. Пациенты пытались и умирали на всех других столах и партах школы. Этот же ледник оставался чистым, какой могла бы быть душа Леди Макбет, зарежь она короля Дункана из доброго участия, с лаской в глазах.

Чушкин сказал: «Но все же проверить пациента не помешало бы. На всякий случай».

Директор бухнул кулаком по столу. Баюнов сказал:

— Вы же, в точности наоборот, творите добро и сомневаетесь в этом. Дам выбор: назовите имя пациента, и его повторно проверят на Кассандре. Но только одно имя.

Чушкин открыл рот, а затем вдруг почесал затылок. Поскреб в том месте, где под волосами прятался шрам от вскрытия черепа. Через эту дырку когда-то извлекли кусочек мозга с паразитами.

Баюнов сказал:

— И если по этому пациенту Кассандра снова выдаст положительный результат, вы, Чушкин, подадите в отставку. Только так. Согласны?

Учитель литературы задрожал. Глаза Баюнова посветлели.

— Да бросьте, Чушкин, — сказал директор. — Выйдите молча за дверь, и я забуду ваши глупые страхи. Продолжим работать как ни в чем не бывало. Даже готов обговорить, чтобы вы взяли скорый отпуск не по графику. И на размере премий ваша минутная слабость не скажется. А сейчас вставайте, топайте-топайте.

Чушкин встал, колени его тут же согнулись и не выпрямлялись. Качаясь, учитель открыл дверь.

Директор повернулся к монитору, защелкал мышкой. В отражении на окне возникли игральные карты на зеленом поле. Красные и черные масти разлетелись по семи стопкам.

Баюнов раскладывал «Косынку», когда Чушкин пробухтел за порогом.

— Да-да, до свидания, — сказал директор. — Дверь крепко захлопните.

Чушкин крикнул громче:

— Сингенин Андрей!

И хлопнул дверью.

1

Когда наконец закончилась Полезная работа, Лис скрылся в роще у северной стены. Смирнов и Казаков охраняли его. Все трое еле ковыляли. Ноги почти не поднимались, деревянные подошвы шаркали по земле и камням, ослабелые руки с трудом раздвигали мерзлые кустарники на пути.

Высокие полулысые кроны закрыли звездную дверь в черном заполненном тучами небе. Тени резко разрослись и поглотили восьмиклассников.

Все время от обеда до темноты восьмые и девятые классы копали дурацкий ров возле школы. Завтра этот ров велют закапывать обратно пятым, или шестым, или седьмым, или десятым, или одиннадцатым классам. Послезавтра кто-то из них снова будет раскапывать ров.

Туда-сюда.

Когда-нибудь обиженная земля развернет глубины и поглотит школу за издевательство над ней. И Лис будет смеяться, падая в бездну.

Впереди деревья обступили по кругу плоскую крышу на четырех столбах, без стен. Внутри беседки ждал завуч Буглак. Напротив учительского живота почтительно склоняли головы двое пятиклассников.

Лис и дайме вступили под деревянные перекладыны крыши. Наверху на одной из несущих балок мерцала линза гляделки.

Восьмиклассники поклонились завучу.

— Буглак-сенсей, — сказал Лис, — вы велели прийти.

— Исайкин-кун, Смирнов-кун, Казаков-кун, — кивнул Буглак. — А мне тут случайно встретилась эти двое достойных мужей.

Худые пятиклашки мигом зарделись от похвалы. «Достойные мужи» не знали, куда деть руки. Их колени и подбородки затряслись еще тогда, когда восьмиклассники вошли в беседку.

— Буглак-сенсей, — сказал Лис. — Вы желаете обсудить мое поручение при них?

— Если нет, — сказал Казаков, — мы мигом их устраним.

Рука дайме схватила рукоять катаны и потянула меч из ножен. Перед глазами учителя пятиклассники не опозорили себя бегством. Меленькие ладошки дернулись к рукояткам вакидзаси.

— Не нужно, — сказал завуч. — Исайкин-кун, эти достойные мужи как раз рассказывали мне, что направлялись в одно интересное место. Мы последуем за ними и по пути все обсудим.

Клинки вогнались обратно в ножны. Пятиклассники повели учителя и Лиса, позади шли Смирнов и Коваль.

Навстречу из теней соткались три высоких самурая. На их сильных шеях извивались черные змеи. Змееносцы увидели завуча за спинами пятиклассников и исчезли обратно в темных зарослях.

Творилось что-то странное.

До этого Лис никогда не видел, чтобы учителя покидали классы. Тем более шастали по кустам.

— Исайкин-кун, раньше я велел тебе принять в клан Сингенина, — сказал Буглак.

Интересно, если Лис вскрыет в роще жирное брюхо Буглака, гляделки на деревьях увидят?

— Не вы, — сказал Лис. — Директор велел через вас.

Буглак раздраженно сорвал чахлые листья с куста и бросил под ноги.

— Ты хорошо справился, — сказал завуч. — Теперь ты убьешь Сингенина. Разбудишь этого двоичника от иллюзий.

Лис чуть не выхватил катану и не снес Буглаку голову на месте. Нельзя так заставить вестями врасплох!

— Разбудить Сингенина велел директор? — спросил Лис.

— Я велю тебе, Исайкин-кун, — сказал Буглак. — Или я уже не твой завуч?

Ну вот, теперь перед этим жирным гусем придется изображать, как будто я раскаиваюсь. Его точно нельзя зарубить?

— Простите, сенсей. Конечно, вы — мой достойнейший учитель и единственный завуч. — Лис склонил голову. — Меня удивило ваше поручение. Считал, что вы с директором заинтересованы в том, чтобы Сингенин выжил.

— Исайкин-кун, директору плевать на жизни бездарей и отстающих учеников, — сказал Буглак. — Более того, имена неудачников в списках учеников школы пятнают ее честь. Избавляться, Исайкин-кун, как можно быстрее избавляться от жалких клоунов — так велит твой и мой долг.

Лис пощелкал ногтем по рукоятке катаны. Мой старший брат — мое смертельное оружие против вас. И вы поняли это слишком рано.

— Очень жаль. Я не могу предать члена своего клана, — сказал Лис, — иначе я обещу себя.

— Да что ж тебя! — вскричал Буглак. — Ладно, я разрешу твоему клану прогулять еще день уроков без выговоров и выселений.

Лис поперхнулся, сдерживая смех. Зачем мне этот день, если вы заберете моего брата? С кем я буду гулять во время уроков по роще? Кто будет смеяться вместе со мной над неудачниками, сидящими в это время на иероглифописании?

— Вы как всегда щедры, сенсей, — сказал Лис. — Но долг есть долг.

— Ты быстро учишься, — кивнул Буглак. — Твоя взяла: даю еще два дня прогулов. Попросишь больше — и низвергнется на тебя мой гнев.

Лис погрузился. Знать бы намного раньше, что так легко торговаться с Буглаком! Неделя без уроков была бы у Лиса уже в кармане.

— Вы очень щедры, сенсей, — повторил Лис. — Просить большего я не смею. И не могу взять даже того, что вы даете. Простите.

Жирные ладони завуча сжались в кулаки. Сказать Буглак ничего не успел — они вышли на большую поляну, полную детского гомона.

2

Десятки пятиклассников сидели на траве кругами друг за другом. Они шептались, смеялись, играли в Хлопалки ладошками. Чувствовали себя в безопасности.

Толпа на траве внезапно стихла. Малышня поворачивала головы туда, где встали Буглак с восьмиклассниками. Ни капли страха в детских глазах.

— Покажите мне гостей, — прошелестел из-за спин пятиклашек голос, мягкий, теплый, словно летнее солнце.

Круги пятиклассников разомкнулись перед завучем и восьмиклассниками. Малышня встала и отошла в стороны.

Посреди поляны на коленях стояла маленькая девочка. Тоже пятиклашка. Водопад длинных черных волос почти касался стоптанной жухлой травы. Волосы полностью скрывали худые колени, узкие плечи, плоскую грудь — все, кроме бледного лица с огромными глазами и вытянутой руки с вакидзаси.

Девчонка склонила голову перед Буглаком. По земле возле кончиков ее черных волос ползала желтая черепаха.

Толпа пятиклассников дружно повторила поклон.

На восьмиклассников девчонка даже не взглянула. Смирнова не задело — самурай не отрывался от игры темного блеска в ее волосах. Казаков же сказал:

— Эй, шавка-сан, никого не забыла почтить поклоном?

Девчонка подвинула черепаху кончиком вакидзаси ближе к себе. Она сказала:

— Это место не для таких, как вы, восьмиклассники-сан.

— Да? — сказал Лис. — И все же мы здесь.

— Только потому что были рядом с сенсеем, иначе не прошли бы барьер вокруг поляны, — сказала девочка.

— Какой еще, к демону, барьер? — вскричал Казаков.

— Видимо, она говорит о куче испражнений на том краю поляны, — сказал Лис, поморщившись. — Ее вонь отбивает всякую охоту быть здесь.

— Нет! — вскричал один из пятиклассников. — Нас всех защищает барьер из чар Провидицы-сан.

— Чары? Провидица? — переспросил Казаков и тыкнул пальцем в сторону девочки: — Ты, что ли?

Смирнов поднял глаза к небу и с улыбкой прошептал: «Как волшебные девы из легенд».

Большие глаза девочки взглянули на Казакова. Клинок в худой руке завис над панцирем черепахи.

— Других Провидиц здесь нет, — сказала девочка и повернулась к Буглаку: — Мы хотели провести обряд, сенсей.

— О, не обращайтесь на меня внимания, Скульдова-кун, — сказал завуч. — Представьте, что я — безмолвный свидетель, как луна над нами.

Как раз луны не было в черном заваленном тучами небе, только звезды сверкали в провалах косматого покрывала.

— Никаких провидиц и предсказательниц не бывает, — проворчал Казаков. Скульдова указала мечом на толпу пятиклассников и сказала:

— Рискнешь поспорить с моими последователями?

Десятки рук тут же легли на рукоятки вакидзаси. Прямо собственная гвардия из молокососов.

Казаков напрягся. Смирнов, словно впрямь плененный чарами, ничего не видел, кроме того, как небольшой ветер треплет волосы Провидицы.

Лис улыбнулся.

— Спорить нужно только с тем, с кем не согласен, — сказал изувеченный восьмиклассник. — Мы же пока не ведаем, что здесь происходит. Разреши нам хотя бы попробовать проникнуться твоей мудростью, Скульдова-сан.

Провидица пожала плечами. Большие, как линзы гляделок, глаза оглядели

пятиклассников.

— Пока вы на моей поляне, я защищаю вас, — сказала им девочка. — Никто не ранит вас, не помешает играть. Но за защиту нужно платить. Вы готовы?

— Да, Провидица-сан, — сказал хор из детских глоток.

Девочка резко опустила вакидзаси. Острие меча вонзилось в панцирь черепахи. Клинок пробил насквозь желтую кость, вокруг дыры по панцирю побежали трещины.

Провидица покачала меч, разламывая панцирь. Дыра в желтом панцире расширилась до кратера из костяных осколков по краям. Скульдова вынула меч, окровавленный клинок лег на стоптанную траву.

Черепашка, конечно же, издохла.

Из черного занавеса волос Провидицы вынырнула вторая рука — в два раза тоньше первой, старая, морщинистая, как голова черепахи. Все кости на ней просвечивались сквозь кожу. Казалось, прикоснешься к ней — рука распадется как сухие листья.

— Выпендривается, а сама калека, — прошептал Казаков Смирнову, тот ответил:

— Зато как развеваются ее волосы! Каждый ее локон живой!

— Это ветер их обдувает, — хмыкнул Казаков.

«Сухая» рука опустилась в кратер на панцире. Тонкие не разгибавшиеся пальцы ковырялись внутри черепахи, затем вынимали по очереди красные внутренности.

Правое легкое. Печка. Печень. Левое легкое. Еще одна почка. Сердце.

Каждый раз, вынув новый орган, Провидица клала кровоточащий шарик перед собой. Большие глаза закрывались, губы на бледном лице произносили:

— Сменов-сан — Большое дупло.

— Хвелин-сан — Злая береза.

— Родион-сан — Хвойная яма.

— Герасим-сан — Высокий клен.

— Черкасов-сан — Черный камень.

— Харахашан-сан — Кривой шалаш.

Услышав свое имя, пятиклассники вздрагивали и вставали перед Провидицей. Шесть учеников, шесть маленьких органов мертвой черепахи у их ног. Шесть мест, куда им предстояло идти.

Названия мест ничего не говорили Лису. Когда он был пятиклассником, то его одноклассники прятались на переменах от старших классов в Вишневом рве, либо внутри Полого дуба, либо под Лежачей сосной.

Прошли три года. Местность вокруг школы изменилась.

Провидица открыла глаза.

— Вас найдут, — сказала Скульдова шестерым. — Вас убьют. Не пытайтесь избежать платы. Вы ведь весело играли на моей поляне?

— Да, Провидица-сан, — ответили шестеро. Один из них смущенно поковырялся носком в печени черепахи и сказал:

— Провидица-сан, можем ли мы напоследок услышать Пророчество?

Скульдова улыбнулась и кивнула. «Сухая» рука скрылась обратно внутри волос.

Провидица запела:

Скоро! Скоро Волк выйдет за стены!

Когда Герои падут, Пророки ослепнут, Странники устанут искать, а Художники,

породив Чудовищ, зарекутся творить снова, — тогда Цикл Превращений прервется.

Из уст в уста бывших господ, из уст в уста новых рабов разойдется по свету одно слово.

Не цифра. Не тишина.

Одно слово заставит небеса разрыдаться кровавым дождем на руины мира.

Не муж. Не гвоздь, не крюк. Не бумеранг.

Одно слово, одна буква.

Месть.

Мрак.

Мор.

Чье время ушло — узнаем по трупам.

Чье время настало — укажет буква.

Меры не будет страданиям рабов.

Муки души не будут ведомы нам.

Море крови затопит дома бывших господ, красным окрасит спальни и детские комнаты.

Мир содрогнется от поступи Хромого Волка — того, кто возглавит Поколение Чудовищ.

М обозначит крах Мира.

Толпа запрыгала от восторга. Буйство откровения захватило пятиклашек. Шестеро избранных махали кулаками и кричали: «Да! Мы им всем покажем!» Остальные сталкивались задницами и хлопали друг друга в ладони.

Буглак вдруг поднял руки. Все взгляды обратились к завучу.

— Я вижу самураев, которых скоро зауважает весь мир! — провозгласил Буглак. Толпа молокососов загудела, а завуч вдруг посмотрел на восьмиклассников и сказал: — Но кто-то здесь этого не видит. Кто-то до сих пор не уважает вашу Провидицу.

Рев оборвался. Пятиклассники повернулись к Лису и дайме, маленькие ладони стискивали мечи. Скрип сжатых пластиковых рукоятей разнесся по поляне.

— Не касайтесь мечей — не будите лавину, — прошептал Лис дайме. Демон Буглак отошел в сторону и улыбнулся из-за спин пятиклассников.

Лис поднял голые руки вверх.

— Провидица-сан, твоя мудрость поражает. Мое сердце бурлит от восторга, — сказал он. — Прошу, разреши мне засвидетельствовать поклоном свое почтение тебе хотя бы на расстоянии вытянутой руки.

Бледное лицо Провидицы слегка порозовело. Глупые пятиклассники обожали ее, но таких лестных слов не говорили.

— Подойди, — разрешила девочка.

Лис опустил голову и зашагал мимо шеренг пятиклассников к их богине. Глаза его шарили взглядом по краю поляны. Почему-то здесь пятиклашки могли визжать и играть, ничего не боясь. Они даже испражнялись неподалеку, чтобы лишний раз не выходить в опасный внешний мир.

Старшие кланы в роще не могли не услышать пятиклассников. Эти сыкуны визжали на всю округу. Те же Черные Змеи, которых восьмиклассники с завучем встретили по пути на поляну, точно слышали. Но никто не устраивал тут облавы. Пятиклассники будто

находились в крепости. Или в загоне.

Лис склонил голову почти до травы, почти до органов черепахи на траве.

— Провидица, ты ведь видела его? — спросил Лис. — Видела Хромого Волка?

Скульдова вдруг отшатнулась назад. Она сказала:

— Что? Что ты сказал?

— Хромой Волк изуродовал твою руку, — сказал Лис и улыбнулся. — Скорее даже не Волк, а Хромая Псина или Хромая Шавка. — Он засмеялся. — Такая Маленька: Зубастенькая Хромая Псинка. Волк-то оттяпал бы всю руку.

Провидица затряслась, широкие волны побежали по ее шторам-волосам. Девочка закричала:

— Зарежьте его! Закройте навсегда его рот! Зарежь...

Лис резко схватил Провидицу за шею и прижал к себе. Вакидзаси Скульдовой сверкнул в трехпалой руке у ее горла.

— Не нужно спешить, — сказал Лис. Пятиклассники окружили их, жужжа как пчелы. Лис крикнул: — Назад, иначе я высыплю ее органы рядом с черепашьими.

Лис поднял меч выше. Провидица увидела его обрубленные пальцы, ее передернуло.

— Да, я тоже пощупал зубки Смерти, — сказал Лис, свободной рукой он сжал «сухую» руку Провидицы вместе с копной волос. — Ну и где псина перекусила так нерв, что твои пальчики теперь не двигаются? Здесь? Или здесь?

Провидица вскрикнула и чуть не сползла вниз. Лис сдавил тонкую шею крепче.

— Отпусти Провидицу-сан, — верещали пятиклассники. Казаков и Смирнов с клинками наголо возникли по сторонам от Лиса. Смирнов не удержался и провел ладонью по волосам Провидицы. «Мягкие», — прошептал светловолосый дайме.

— Провидицу? — сказал громко Лис. — Эта-то? Почему вы так решили, глупцы?

— Ее чары защищают нас, — сказал кто-то из пятиклассников. Казаков вырвал черный локон с головы Скульдовой и рассмеялся: «Их Провидица даже саму себя защитить не может».

— Вы думаете, эта дрянь вас спасает от мечей старшеклассников? — сказал Лис. — Каждый раз отдаете шестерых на заклятие — и дальше играете в Хлопалки?

— Это жертва, — сказал пятиклассник. — Чары Провидицы необходимо подпитывать.

— Какие же вы жалкие, — сказал Лис. — Вы не самураи. Вы — скот для забоя. Эта поляна — ваш загон.

Лис дернул ворот кимоно на груди Провидицы. Пятиклассники застыли, их нижние челюсти отвисли.

— А вот, знакомьтесь, — ваш пастух, — сказал Лис.

Кимоно запахнулось. Над самым краем тонкой голубой рубашки по бледной коже извивалась черная жирная полоска. Наколка змеи. Провидица попыталась закрыть наколку, Казаков перехватил ее здоровую руку.

— Черные Змеи вас пасут здесь как овец, — сказал Лис, — их посты вокруг поляны охраняют ваше поголовье от чужих кланов. А когда им хочется поиграть, Провидица требует от вас жертвы.

Казаков сказал Провидице: «Ты была права, шавка-сан. Это место не для таких, как мы. Мы-то не скот». Смирнов вздохнул: «Но ведь ее волосы трепетали совсем как живые».

Пятиклассники растерянно переминались с ноги на ногу.

— Ну и что с того, — сказал Провидица. — Вас не трогают на моей поляне, разве вы не

этого хотели?

Шестеро «избранных» учеников принялись давить сандалиями органы черепахи. Другие пятиклассники вынули вакидзаси и изрубили труп черепахи в капусту.

— Как тебе их ответ? — сказал Лис, улыбаясь. — Провидица-сан, теперь я тебя отпускаю.

Лис бросил девочку в траву. Провидица уперлась в землю одной здоровой рукой. Черные волосы растеклись по ее тонкой спине и траве вокруг, словно лужа смолы. Пятиклассники окружили свою богиню, в их поднятых руках сверкали клинки.

Казаков и Смирнов наблюдали, как пятиклассники убивают ту, кого минутку назад обожали больше жизни.

Лис подошел к Буглаку.

Брат, прости.

— Сенсей, — сказал изувеченный ученик, — простите меня за дерзкие слова. Не низвергайте на меня больше ваш гнев. Не натравливайте на меня других самураев.

— С чего бы мне прощать тебя, Исайкин-кун? — сказал Буглак.

Прости, брат.

— Дайте шанс заслужить прощение, — сказал Лис. — Позвольте убить Сингенина-сан.

Буглак ухмыльнулся. Тучная голова кивнула.

— Благодарю, — поклонился Лис.

Брат, прости. Мы с тобой могли бы жить совсем по-другому, если бы мы вообще жили. Нельзя скрыть от их глаз твой свет. Нельзя защитить тебя. Нам дано только уничтожать тех, кого мы желаем. Прости, брат.

Убийца оябунов

1

Андрей вогнал лопату в грунт, руки и спина снова напряглись, убитые мускулы взвыли как струны. На верху черенка лопаты чернел железный шар весом десятка катан. Под тяжестью этого шара колени Андрея согнулись, подошвы сандалий увязли в глинистом склоне рва. Руки опустились ниже колен. Кисть, что сильнее меча, почти уступила какой-то лопате.

На волосы и шею, в ноги, на спину летели комья земли. Песок скрипел на зубах. Мелкие камни резали лицо, рассекали кожу на щеках, скулах, рядом с глазами. Так же как голодные псы ищут спрятанные кости, восьмые и девятые классы рыли ров у восточной стены бешено, не останавливаясь.

Толстомясые тучи съели луну. Темно-синяя звездная дверь в черном небе захлопнулась, и ров с учениками погрузился во мрак.

Полезная работа на сегодня шла к концу.

Под ногами Андрея самурай на дне рва вогнал клин лопаты в каменистую почву, подперев черенок плечом. В его спине тихо хрустнуло. Никто не услышал, кроме Андрея. Но все увидели, как самурай медленно сполз на землю, цепляясь за железный шар.

Лопата повалилась следом. Железное навершие черенка хлопнуло по голове самурая. Из-под шара, оттуда, где торчал русский хвостик, по грунту побежала одинокая красная струйка.

Андрей перешагнул Риту. Наложница на коленях рыла землю руками и не подняла голову. Ее лопата валялась рядом — тяжесть, которую она не смогла даже поднять.

— Уборщики! — закричал Андрей в тучное небо. — Ученик ранен!

Чернота за краем рва исторгнула белых привидений с носилками. Никто из учеников не обращал на них внимания.

Зачем мы пытаемся жить достойно? Здесь учат: затем, что твой дух не должен сгореть в пламени стыда и позора.

Подожди гордость — фитиль величия, — и твой дух превратится в обугленного маленького черного уroda.

Это горелое ничтожество с запахом углей в следующей жизни пустят разве что в тело крысы или воробья. Для тебя не останется места в истории.

Уборщики спустились в ров. Белые руки скинули лопату с самурая. С красного низа шара капала кровь. Привидения быстро замотали самурая голову бинтами. Красная струйка прекратила течь по дну ямы. Бездвижное тело переложили на носилки и понесли по склону.

Тяжелые лопаты вокруг вгрызались в грунт, не останавливаясь ни на столовку. Глина, песок, камни летели над головами. Коричневые чешуйки облепили носилки и белые комбинезоны уборщиков, красные бинты самурая усыпала груда земли.

До самой смерти тебе дают выбор: убивать или быть ничтожеством.

Привидения с носилками становились все меньше, меньше, меньше, пока не исчезли за краем обрыва.

Тебе может повезти покататься на качелях в следующей жизни, если только в этой сохранишь великим свой дух. Нельзя сомневаться.

Карай, мсти, не жалей.

Возвращай долг сполна.

Не скупись на смертоносные взмахи.

И награда обязательно придет. Только неясно, на какие качели в итоге ты поместишь зад: оранжевые или кроваво-красные. А это важно?

Раздался звонок. Ученики побросали лопаты.

Весь мир должен тебе.

Забери у должников их жизни, и оскалы голых черепов перестанут отличаться от улыбчивых пухлых лиц живых детей. Для тебя. Трупы усеют дворы, дороги, поля — везде, где ты пройдешь.

Рита встала, сладко потянулась. Для нее безразлично, на чем рисовать. Так и новый ты в непогоду взамен облаков в форме кудрявых детских головок окружишь себя настоящими снятыми с плеч головами.

Внутренний волк поморщился: «Как это по-детски, человек. Не думал взять другую единственную незаменимую мечту всей своей жизни? Например, большой кусок сочной ветчины?»

Тому новому «ты» — великому, с чистым светлым без капли стыда духом — будет плевать, из чего собирать раму качелей: из металла, дерева или человеческих костей. Цель и смерть пойдут вместе рука об руку как лучшие подруги. Ну что, готов перестать быть ничтожеством?

Вместе с потоком учеников Андрей и Рита поднялись из ямы и добрались до крыльца школы за мечами. Окна классов светились мягким неживым светом.

Андрей убрал катану за оби и взглянул на волка во внутренней клетке.

Зверюга, не смей нашептывать больше про черепа и непогоду!

«Кто бы коня ни украл, все равно волк съел, — сказал волк, — и да, правда, непогода — самое кошмарное в твоих фантазиях».

— С кем ты разговариваешь, Сингенин-сан? — спросил Лютин. — Твои губы шевелятся, но слов не слышно.

Все, что мог Андрей, — с укором посмотреть на волка. Зверь свернулся клубком в клетке.

«Не глазей так на меня, — хмыкнул волк. — Это не я разговариваю с говорящим волком».

— Опять шевелит губами! — сказал Лютин. — Колдуешь, что ли, Железногрудый-сан?

Рита сказала:

— Лютин-сан, чем тебя так привлекли губы господина? Явно его рот не для тебя.

Рита улыбнулась. Глаза Глеба сверкнули из-под лохматых бровей.

— Ну, наложница... — начал дайме.

— Правильно, — сказала Рита. — Глаза такого самурая и мужчины, как Лютин-сан, должны смотреть только на женские губы.

Два лохматых куста над глазами Глеба взлетели почти до линии волос. Нижняя челюсть Андрея отвисла.

— Но ты и при моем брате мог только смотреть. Столько времени утекло. Лютин-сан уже восьмиклассник, — сказала Рита. — Не пора ли пойти дальше, Лютин-сан? Не хватит ли просто созерцать?

И Рита шагнула в сторону. Андрей и Глеб оказались друг напротив друга. У каждого катана торчала из-за оби рукояткой навстречу другой.

О сегун, что творится?

Волк приблизил морду к прутьям, принялся:

«Наложница захотела от тебя подвигов. Не разочаруй».

Амурова незаметно от Лютина держала руку близко к мечу. Нет, не ради подвигов другого. Если кому и надоело просто смотреть, то Рите.

Сегодня Рита впервые испробовала вкус чужой крови. И так скоро захотела еще.

«Заруби слабака, — рычал волк. — Затем возьми Амурову прямо на площади под школьным стягом. Хочу, хочу-у... А-а-ау-у-у-у-у!»

Андрей закрыл волка ширмой. Озабоченная псина.

— Неужели Лютин-сан не готов? — спросила Рита, и губы ее растянулись, как кимоно на распялке. — Я ошиблась?

Ты сам видел, как она обратилась в чудовище. Нечего теперь разевать рот, а то волк выбежит.

Рука Глеба потянулась к оби. Защуршало кимоно на локте и под плечом.

— Лису не понравится, — сказал Султанов. Смуглый самурай, Рябов и Коваль влезли между Андреем и Глебом. Лис со Смирновым и Казаковым куда-то исчезли.

Глеб пожал плечами.

— Амурова-сан впервые подала голос, как помню, — сказал он. — Забавно было узнать, какие мысли бродят в голове у наложницы моего клана.

— Лютин-сан, раз тебе достаточно, я разрешаю дальше смотреть на мои губы, — сказала Рита и облизнулась. Тонкие губы ее вытянулись трубочкой. Розовую мякоть сложило в нежные сахарные складки, влажный бутон заискрился, как кристально чистая роса на солнце.

— Амурова-сан, хватит, — сказал Андрей. — Лютин-сан — мой и твой соклан...

— Но Лису понравится, если я отсеку язык ведьме! — вскричал Глеб.

Дайме и Андрей встали на его пути. Глеб кинулся в сторону, в его руке сверкнул голый клинок. Резко восьмиклассник развернулся. Лезвие опустилось на голову девятиклассника, который как раз наклонялся поднять с земли свой меч.

Отрубленный шар покотился по паутине трещин на асфальте. Глеб встал ногой на замаранную челюсть и засмеялся.

— Вот так, — сказал короткостриженный дайме.

Рябов возразил, что Лютин отсек голову.

— Вместе с языком, — сказал Глеб и подмигнул Рите. — И губами!

Запахло кровью. Андрей сглотнул обильную слюну, почему-то захотелось есть. И не только ему — у Рябова тоже заурчало в животе.

Самурай в бусах из человеческих ногтей резко завопил, что Глеб разбудил его соклановца. Самурай с гнилыми черными ногтями на шее потянул катану из ножен. Он вызвал Глеба на поединок, сказал, что клан Когтей не прощает обид, потряс в доказательство веревкой на горле, черные костяные пластинки тихо шелестели. Самурай что-то говорил еще, но тут сзади из его открытого рта вылезло острое клинка Султанова. Несказанные слова вылились в хрипящий стон. Второй труп упал лицом на асфальт. Рядом с безглавым телом первого.

Невнимательные и болтливые — Черный металл ничтожеств очевиден. За слабостью всегда следует глупая смерть. Таков естественный отбор героев, о которых сложат легенды.

Никто больше не вопил и не нападал.

Глеб оглядел крыльцо и спросил: все?

— Недавно клан Райдэна напал на клан Когтей ради наложниц, — сказал Коваль. — Оставалось живых всего три самурая.

Где третий?

— В медпункте, — сказал Коваль. — Сингенин-сан раздробил ему ноги на кендо.

На уроке лупиндо, где сенсей кричал: «Живо бей! Так его!»

Глеб махнул рукой и повернулся к общежитию. Густая черная тень вдруг накрыла дайме. Перед Лютиным вырос огромный детина с костлявыми плечами, выпускник или десятиклассник. Этот ученик наклонился, но не для уважительного поклона. Детина приблизил лицо, все в россыпи глубоких шрамов, к лицу Лютина, посмотрел на восьмиклассника как на приметную букашку.

— Отвечай, — сказал детина, — ты сегодня разбудил двоих из клана Райдэна?

Андрей встал боком, ладонь его сжала рукоять катаны.

Самураев вроде костлявого детины немало встречалось в Михеевской школе. У таких красавцев не только лицо выглядело горой воска, истыканной шилом. Все их тело под одеждой покрывали белесые рубцы. «Кожа в шрамах — достойная оправа для Духа» — больше всего про них. Каждую ночь они решают самих себя ранами. Боль теряет власть над такими чудовищами. Отсеки детине кисть — он не завопит, не свалится на землю, как Пырей, а молча воткнет обрубленную кость в твою глотку.

Молния Райдэна не синела на рукаве костлявого. Значит, Черный Змей либо Они.

Детина плевал на голый красный клинок в руке Глеба в полушаге от своего колена. Самурай, который вместо мыла натирается перед сном лезвием меча, изучал чистое, без кровоподтеков и шрамов лицо Лютина.

— Учти, мой оябун велел разбудить Сингенина-сан, если тот будет отрицать, — сказал детина.

Вряд ли наколка змеи, символ самого могущественного клана, пряталась под воротом кимоно. Знаки кланов не скрывают, ими гордятся. Андрей вытянул шею, заглядывая за спину детине. У того на плече изгибалось чернильное ухо или рог демона.

С катаны Глеба капнула кровь на асфальт возле сандалии детины. Короткостриженный отвел меч чуть ли себе не за спину, чтобы не запачкать двухмордого.

— Сингенин? Я не Сингенин, — сказал Глеб и указал на Андрея. — Вот Сингенин-сан.

Двухмордый сказал:

— Он? Убийца двух оябунов-сан тащится позади воинов своего клана? — Детина посмотрел на Риту. — А! Воркуешь с наложницей.

Андрей спросил:

— Ты кто?

— Блуд, дайме клана Они. Все меня знают, — сказал двухмордый. — Ты слышал вопрос?

Дайме клана Охотникова отошли в сторону. Рита, наоборот, шагнула ближе.

Теперь рукоятки мечей двухмордого и Андрея указывали друг на друга.

Воевать с двухмордыми нельзя. Ради Риты найди вежливые слова. Ради нее юли хвостом, как Лис.

Андрей спросил:

— Какое тебе дело, я или не я?

Шрамы на лице Блуда пошли рябью, изодранный кулак потянулся к катане.

Демон! Вежливые слова, сказал же, вежливые. Сегун, где носит Лиса? Скажи что-нибудь про мощь клана Они.

Андрей сказал:

— Тот, кто разбудил двоих молниеносцев, уж точно легко пришибет какого-то двухмордого.

Белесые рубцы Блуда порозовели, двухмордый схватился за меч.

Легче заткнуться и зарезать его первым.

Ширма у внутренней клетки побледнела. Тень волка прорезалась на сером полотне, прорычала: «Остолоп, двухмордые задумали использовать тебя как меч, зарубить еще молниеносцев».

И Андрей сказал:

— Хотите больше трупов в клане Райдэна?

Блуд заморгал и убрал ладонь с катаны.

— Если «черные аспиды» напали бы на Хагена-сан и Пырей-сан, то одновременно ударили бы по всем «синякам», — сказал Блуд. — Решив так, мой оябун вспомнил о новеньком-сан, который уже разбудил глав двух мелких кланов. Мой оябун прав?

Изворачивайся, как Лис.

Андрей сказал:

— Перед смертью молниеносцы напали на меня и моего слугу.

Блуд улыбнулся, края губ столкнулись с розовыми шрамами на щеках, и рот будто растянулся до ушей.

— Мой оябун велит тебе: разбуди еще одного «синяка», — сказал Блуд, — затем нарисуй на его лице чернильную змею.

Используй людей, как Лис.

— А может лучше мой клан превратит тебя в ежа? — спросил Андрей. — Утыкает клинками как иголками?

Руки дайме клана Охотникова потянулись к оби. Глеб стряхнул кровь с меча.

Смерть дурманит сильнее браженного сока. Попробовав, хочешь снова. Восхитительное чудо власти, когда ты махнул острой палкой, и человек валится замертво.

Блуд захохотал. Он сказал:

— Воткни в меня меч, Сингенин-сан. А потом я протру мои новые иголки твоей шеей.

Этот двухмордый точно учился на «отлично». Его так и тянуло пробудиться от иллюзий.

Слушай чужие мысли, как Лис.

— Хотите боины двух кланов? — спросил Андрей

— Война между кланами неизбежна. Вопрос только — какими. Либо ты подтолкнешь «синяков» поиграть с «аспидами», либо мой клан заглянет в гости к «оранжевым повязкам», — сказал Блуд. — И тогда ежиком станет твоя наложница. Навтыкают в белое тельце и розовый ротик совсем не мечи. Или не только мечи.

Держи себя в руках, как Лис.

— Я жду ответа, — сказал Блуд.

Говори такую правду, какую сказал бы Лис.

— Одиннадцатиклассник пробудится от иллюзий, — сказал Андрей. — Обещаю.

Кивнув, Блуд переступил отрубленную голову Когтя и пошел прочь. Глеб и дайме посмотрели на Андрея как на мертвеца у их сандалий. Рита, зевая, чесала грудь.

Лужа крови на асфальте свернулась и запахла ржавчиной, солью и мочой. Есть

расхотелось. Нутро Рябова не прекращало урчать.

2

Три урочника Андрей стоял под запертой дверью могильника на седьмом этаже и глядел в дверь напротив. Доска покрылась слоем бело-серой грязи — смесью белого порошка и обычной пыли. Может, старый хозяин комнаты давно пробудился от иллюзий, а нового еще не заселили.

Андрей опустил голову. От воротника кимоно прямоком в ноздри понесло запахом земли и пота. Грязный рукав в белых порошковых хлопьях сиял в ртутном свете, как рука призрака или резиновая перчатка уборщика.

Может, за пыльной дверью просто обитал такой же грязнуля.

Когда Лис возник на другом конце коридора, Андрей крикнул:

— Сегодня ты был мне нужен.

Лис подошел и сказал:

— Был? Раз ждешь под моей дверью, я все еще тебе нужен.

Лис отпер дверь, и восьмиклассники вошли в могильник. Свертков оби, слава сегуну, не прибавилось. В окне купалась густая тьма, свет в нем умер до утра.

— На обеде на меня с Амуровой-сан напали двое молниеносцев, — сказал Андрей. — Мы их разбудили.

Лис сказал:

— То есть ты их разбудил?

— Нет, мы с Амуровой-сан, — сказал Андрей.

Лис пожал плечами.

— Клан Они узнал, — сказал Андрей. — Их оябун требует, чтобы я разбудил еще одного молниеносца.

Лис зевнул и погладил лоскутный холмик у двери. Тот, который выглядел самым чистым. Выглядел новым.

— Так разбуди, — сказал Лис. — Тебе не составит труда, раз с двумя молниеносцами смог разобраться один.

Андрей сказал:

— Не один, с Амуровой-сан.

— Возьми наложницу как группу поддержки, раз хочется, — сказал Лис. — Только как закончишь, намалюй змею на трупе чернилами из ручки. Так на тебя не подумают.

Незачем было что-то рассказывать, беспалая рука уже поковырялась в голове Андрея. И все-таки.

— Я возьму не наложницу, а тебя, — сказал Андрей. — И ты разбудишь одиннадцатиклассника. А я буду твоей группой поддержки.

Трехпалая рука вдруг смяла игрушечный склепик, разворотила комок ткани и бросила на пол.

Лис сказал:

— Мы явно пойдем за головой не воина клана Райдэна.

— Нет, — сказал Андрей. — Лис-сан, сегодня ночью ты тоже станешь Убийцей оябунов.

За урочник до полуночи Андрей и Лис спустились на третий этаж. В левом крыле было безмолвно и темно. Два восьмиклассника ступали по белым полоскам порошка, закрытые

двери провожали незваных гостей глухим смехом и тихими стонами.

Рука Лиса до хруста сжимала белую ручку с черными буквами «МШК». Увечный ученик молча кивнул на дверь под перегоревшей лампочкой. Там их скоро встретит оябун клана Они — Глеб Вихоркин, прозванный Губительным Вихрем.

Перед тем как отдать ручку Лису, Андрей привязал к ней длинный шнурок. Сам вложил белый цилиндр в здоровую руку Лиса обратным хватом, сомкнул его худые пальцы вокруг корпуса. Убийца оябунов легко коснулся заглушки, из белого пластика резко высунулся складной металлический стержень. С помощью этой ручки Андрей мог достойно умереть в брюхе монстра даже без меча.

Отойдя к стене, Андрей встал между лоскутными могилками, жилистые руки вытянули в сторону мытую жестяную крышку от рыбных консервов.

— Я киваю — ты бьешь, — сказал Андрей, — в выпуклый кружок на середине круглой крышки. Представь, что это приоткрытая дверь или глазок.

Лис ударил. Острый стержень застрял у края жестянки почти вплотную к большому пальцу Андрея.

— Не подумай, — сказал Лис, выдергивая за шнур стержень. — Я вовсе не так лишился пальцев.

Андрей только кивнул. Рука Лиса резко взмахнула, острый прут по косо́й оцарапал костяшку Андрея и впился в крышку.

— Если я промахнусь немного и пробью одно твое ухо, — сказал Лис, потянув на себя шнурок, — ты же все равно сможешь отличить поступь Вихря-сан от шажков его наложниц?

Андрей кивнул. Лис взмахнул стержнем. Натянулась и лопнула кожа между большим и указательным пальцами Андрея. Струя крови брызнула на жестянку, капнула с нее на игрушечные алтарики.

— Хоть мы и уничтожаем тех, кого желаем, я не специально, брат, — сказал Лис. — Ты мне веришь?

Андрей кивнул. Тут же стержень вскользь ударил по его пальцу, разодрал ноготь и ушел глубоко в красную жуть.

Лис улыбнулся и сказал: «Чувствую, ты бы не прочь поменяться со мной местами».

Новый кивок. Следом — удар, рваная кожа, кровавые брызги.

Лис сказал: «Когда я буду наказан за ломку двери Вихря-сан выговором и выселен на ночь в коридор, ты меня не бросишь одного?»

Кивок. Стержень рассек тыльную сторону ладони Андрея. Кривая рана вмиг наполнилась до краев.

«У меня ощущение, что ты сейчас думаешь о ком-то другом. Или другой».

Андрей кивнул. Сизый стержень тут же вгрызся в выпуклую сердцевину красной жестянки, прижав фалангу пальца убийцы оябунов. Лоскутья содранной кожи затрепетали, словно лепестки какого-нибудь полевого цветка.

«И ради него ты все это терпишь».

Кивок. Удар. Кровь.

«Что ж, плевать. Только не смей забывать, чей ты брат».

Кивок. Удар. Кровь.

«Ради друг друга мы должны быть готовы убить даже себя».

Кивок. Удар. Кровь.

Лис спросил: «Каково быть группой моей кровавой поддержки?»

Крышка упала на пол, звонко звякнула, облитый кровью кружок покотился, бетон между серыми свертками рассекла красная дорожка. Андрей оглядел изодранные истекающие кровью руки. Лис тяжело дышал.

Андрей открыл дверь. Красные отпечатки остались на вертушке замка.

— Смерть за оскорбление, так? — сказал Лис. — Вырвать око за косой взгляд. Отрубить кисть за случайное касание. Рассечь катаной из-за приятельской щекотульки. Столько трудов ради этой чести! Но стоит тебе умереть, и кто вспомнит твою неподражаемую честность?

Лис указал на грязную пыльную дверь в коридоре напротив и сказал:

— Никто из твоего клана даже не протрет больше дверь комнаты, где ты жил.

3

В левом крыле на третьем этаже было безмолвно и темно. Только закрытые двери смеялись над названными братьями, стонали под их взглядами — как стонет, наверное, Марина Ягодка, когда громадный Ахметов-сан терзает ее узкое лоно.

Из ручки в кулаке Лиса со щелчком вылетел стержень. Андрей прижался ухом к двери под перегоревшей лампочкой, присел на корточки. Постучал.

Внутри тяжелое тело зашуршало в постели. Поднялось, забухало к двери. Тонкая доска прогнулась под прижавшейся с той стороны тяжестью.

Подняв высоко подбородок, Андрей кивнул.

Кулак Лиса ударил от левого плеча, ладонь второй руки хлопнула вслед по торцу ручки. Стержень навывлет выбил глазок двери и провалился внутрь. Резкий крик боли выворотил уши и тонкое дерево. Шнур стрежня натянулся как струна между Лисом и дверью.

Лис слегка отвел руку со шнуром назад. В глазах поплыло от грохота нового рева. Дверь затряслась под градом ударов. Андрей слышал, как чудовищные ладони безумно шарят по доске, прогибая ее наружу. С хрустом пальцы оябуна стиснули ручку двери, поползли вниз. Щелкнула задвижка замка, открывая.

Андрей дернул дверь на себя и скользнул в комнату. Внутри, словно здоровенный лось, полуголый великан бодался головой в дверь. На привязи его держал шнурок, что тянулся из выколотого глаза в глазок двери. Огромные ручища как бешеные змеи скребли дверь, по свежим царапинам на доске текла кровь из содранных до мяса подушек пальцев. Великан был как проклятый.

Ребром ладони Андрей с размаху ударил в нижнюю челюсть двухмордого. Великан дернулся и без сознания повис на шнурке. Стержень медленно пополз вверх из липкого месива на месте глаза. Лис зашел внутрь.

— Добей, — шепнул Андрей. И Лис вдавил стержень обратно в глаз до самого мозга оябуна.

Андрей отвернулся от трупa на шнурке к окну. И только сейчас увидел, что до их прихода оябун двухмордых спал вовсе не один. Голая женщина, такая же здоровенная лосиха, как ее оябун, приподнялась на широком тюфяке и посмотрела сонными глазами на своего продырявленного в мозг господина.

Вон оно как. Тонким стройным наложницам, их маленьким шарикам и узким щелкам Губительный Вихрь предпочитал гигантскую онна-бугэйся Сомову-сан с ее огромными бултыхающимися грудями и волосатым колодцем между ног. Наверное, потому что там можно зарыть голову и хоть на ночь забыть обо всем этом кошмаре вокруг.

До Сомовой наконец дошло, что труп оябуна на шнурке ей не снится. Гигантка завывла

гневно, громко, вскочила с тюфяка, две горы с сосками-блюдцами трянуло. Андрей замороженно смотрел на них, а босые слоновьи ножища уже топали к нему.

Рука Андрея потянулась к мечу слишком поздно. Мощный удар под дых опрокинул его на пол. Желудок сдулся, пустой мешок прилип к позвоночнику. Андрей хватал ртом воздух, будто рыба, и смотрел, как лапищи Сомовой сгребли Лиса за голову и ноги. Перевернутый увечный ученик взлетел над Андреем, над волосатым колодцем гигантки, над двумя молочными горами, над лохматой черной головой. Над всем живым и мертвым в этой комнате.

Сомова вытянула вперед правое колено, выступ широкой ножищи оказался прямо под Лисом. Прежде чем эта бешеная лосиха переломала коленом хребет Лиса, Андрей прыгнул Сомовой на грудь. Гигантка вместе с двумя самураями рухнула на спину, Лиса отбросило назад на подоконник.

Падая, Андрей успел вынуть катану. Вскользь клинок полоснул по лошадиным зубам гигантки. На месте разрубленных губ, десен, зубов, языка, слюнных желез вмиг расцвела кровавая каша.

И эта красная мешанина дико завывала на весь этаж.

Андрей и Лис поднялись на ноги. Сомова корчилась и каталась по полу, брызгая ошметками ротовой полости.

— Добей, — шепнул Андрей и бросился к двери. В коридоре уже топали ноги и шуршали вынимаемые из ножен клинки.

А как будто кто-то, в самом деле, ожидал тихой вылазки.

Андрей захлопнул дверь, дернул замок. Сорвал со стены листок бусидо и залепил им разбитый глазок.

Вой сзади утих. Сомова замолкла навсегда. Слишком поздно.

В дверь забарабанил десяток рук. Снаружи кричали:

— Открывай дверь, трусливый говнюк!

— Я выпотрошу твое нутро!

— Подниму голову на клинок!

— Сделаю из его кишок ожерелье!

Прямо на просвечиваемом сквозь тонкую бумагу глазке тянулся пятый постулат Долга чести перед именем: «Ученик не успокоится до тех пор, пока не сведет все счета и не устранил оскорбление или пятно на имени, или поражение».

— Запри за мной дверь, — сказал Андрей и взялся за ручку двери.

«И ты еще называл местных безумными, человек?» — хмыкнул волк за ширмой.

Трехпалая рука легла сверху на истыканную стержнем ладонь Андрея.

— Брат, больше ты меня не оставишь, — сказал Лис. — Уйдем вместе.

В коридоре кричали: «Трусливые говнюки — мои! Я первый сдеру с них шкуры».

Другой крикнул: «С чего бы?»

Первый крикнул: «Долг мести: Сомову-сан тыкал я!»

Ливень криков: «Я тоже», «Я тоже», «И я»...

Громогласный бас вдруг всех заглушил: «А меня — Губительный Вихрь-сан!»

Все замолкли, затем первый голос сказал: «Лады, буду вторым».

Дверь тряслась, петли шатались, скрипя. Скоро ее выбьют, угроза никаких выговоров не остановит двухмордых. Скоро двое восьмиклассников возьмутся за руки и пойдут по брусчатке Истинного пути.

Андрей взглянул в окно и увидел звездное небо внутри своего отражения. Звезды мигнули и умерли под черным наплывом тьмы.

— Уйдем, но не через дверь, — сказал Андрей, — найди оби Губительного Вихря-сан.

Андрей нарыл оби Сомовой в ворохе одежды на полу у тюфяка. Длина пояса — три локтя. До кустов внизу — где-то десяток и еще пять локтей. Нужны хотя бы два оби.

Лис протянул второй оби. Андрей взял один конец и передал Лису конец оби Сомовой. Восьмиклассники разошлись к противоположным стенам. Андрей сложил концы двух тряпок вместе и стал их быстро закручивать, шагая вперед. Когда Андрей вплотную приблизился к Лису, между ними болтался клубок жесткого каната — слитый лоскутный алтарик двум убитым любовникам.

Андрей привязал канат к батарее и распахнул окно. Ледяной свежий воздух оцарапал кожу.

— Снимай оби, — сказал Андрей Лису.

В коридоре кричали: «А давайте: когда снимем головы с плеч этих говнюков, запихнем им по самые гланды наши клинки из плоти? Ха-ха!»

Зычный бас снова перекрыл согласные крики: «А вдруг у них воняет изо рта?»

Все замолкли, затем первый голос сказал: «Лады, просто отрубим им головы».

Андрей привязал один конец оби Лиса к канату, а второй бросил в окно.

— Почему ты не сделал еще один канат? — спросил Лис, указывая на красный оби Андрея.

Странно и приятно было видеть, что Лис слышит не все.

— По моему оби двухмордые опознают убийц, — сказал Андрей. — Да, один твой оби может лопнуть. Но упав с восьми локтей, не умрешь, если расслабишься и упадешь на ноги.

В коридоре кричали: «Освежуем говнюков, и наложницы соткут нам кожаные куртки к зиме!»

Зычный бас возмутился: «Куртки закроют морды Они на спинах».

Пауза, затем голос первого:

«Тогда переименуем наш клан в Потасканные Шкуры. Лады?»

Лис покосился на дверь:

— Расслабиться? Запросто.

Лис полез по канату первым. Несколько вытянок Андрей смотрел, как дверь выгибалась и качалась. Петли пели скрипучую панихиду.

В коридоре крикнули: «Самураи внутри! Слышите меня? Того, кто сам откроет дверь, мы пощадим. Тебя одного не станем пытаться. Разбудим так быстро, что даже всплакнуть не успеешь».

Андрей вынул стержень из глаза Губительного Вихря и забрался на подоконник.

«Завтра уроки. Говенный демон, да уроки всегда. Не выйдете — каждого за прогул выселят в коридор. И тогда, трусливые говнюки, я заставлю вас откусывать друг у друга языки и уши, а затем глотать все это дерьмо».

Андрей пополз вниз по канату. Локти и пальцы ног терлись о холодную шершавую стену. Темнота прижигала открытые участки кожи студенными поцелуями. Светлое пятно окна скрылось вверху за языком отлива.

Из окна доносилось: «Вам некуда бежать. Вы в ловушке. Открывайте говняную дверь и падайте ниц».

Оби Лиса лопнул в середине, и Андрей с куском ткани в руках упал в кусты. Тонкие

ветки пронзали одежду и расслабленные мышцы. Деревянные руки — беспалые, трехпалые, сотнепалые — хлестали по губам и щекам. В наказание.

За то, что так и не выбрал, кем быть: воробьем или человеком.

За то, что снова убивал не убивая.

За то, что вместо — встать, отряхнуться, пойти зашить и постирать одежду, помыться самому — проваливался в обморок от кровопотери и ушибов.

И вообще за то, что слабак.

1

Рита указала на бадью на полу. Полная горячей воды ржавая железяка дышала жаром. — Я часто мыла брата, — сообщила наложница. — Господин, позволь раздеть тебя?

Над водой поднимался пар, в тусклом свете желтовато-белым маревом окутывал стены с рисунками. У Круга жизни пар съел черное колесо-лицо, осталась только улыбка цвета засохшей крови. Исчезла и на другой стене морда рыжей лисы во все полотно, оставив лишь янтарные глаза. Между улыбкой и глазами стояла Рита без хакамы, в одном кимоно, который отсвечивал золотом под ярким костром ее волос. Рита шагнула к Андрею. Вся рыжая с золотом.

На пороге над ней высился Андрей, грязный, изодранный и полуголый, в дырявых лохмотьях, в которые превратились выглаженные кимоно и хакамы. Корка грязи облепила его волосы и шею. Песок и листья торчали из прорех в кимоно. То ли удары веток, то ли пощечины, которыми Лис привел Андрея в сознание, разукрасили щеки багрово-фиолетовыми синяками.

— Да я и так чистый, — сказал Андрей, потрогал синяк на скуле, поморщился. — Помойся сама, Амурова-сан.

На негнущихся ногах Андрей прошагал к янтарным глазам и вдруг уткнулся в них лбом. Захрапел.

Рита спросила:

— Господин?

Андрей отдернулся от стены, увидел янтарные глаза, закричал на них:

— Как вы достали!

Рита спросила:

— Господин, позволь раздеть тебя?

— Амурова-сан, твой господин уже сказал тебе, что делать, — сказал Андрей. — Мойся. Ты должна выглядеть идеально, чтобы не получить замечания.

Андрей сел на пол, синие глаза уставились на бадью.

Пожав плечами, Рита начала развязывать оби, разрез кимоно увеличивался, показывая все больше белой-белой кожи.

— Так странно, — сказала наложница. — Я никогда не мылась прежде брата.

Она распахнула кимоно.

Под ним открылось ослепительно белоснежное тело. Белое и голое, как обнаженный клинок. Голое, нежное и совсем рядом. И его очень даже можно было.

Нижняя челюсть Андрея отвисла чуть ли не до пупа, торчавшего в прорехе кимоно.

Внутренняя клетка зашаталась, железные прутья затрещали и посыпались одна за другой. Передние лапы волка перешагнули порог клетки.

Золотые плечи Риты сбросили кимоно и стали белоснежно-голыми. Она выпрямилась, статная и слабая, как молодое дерево. Округлые грудки, раз в десять меньше молочных гор Сомовой, уставились розовыми пуговками вверх. Нежный воинственный лисенок.

Пульс Андрея поскакал галопом к демонам, ребра затрещали от бешеных ударов сердца.

Волк взял пастью ширму перед клеткой и отбросил ее прочь. Лапы зверя ступили в комнату с бадьей и рисунками. Длинные когти зацокали по бетонному полу. Волк

приблизился к Андрею, заглянул ему в открытый рот, проследил за взглядом человека.

Кимоно золотой мантией ниспадало сзади Риты, свисая с ее локтей. Только согнутые руки оставались в кимоно.

Задние лапы волка подломились, зверь сел подле человека. Огромная пасть распахнулась, длинный красный язык выпрыгнул наружу. Красные свирепые глаза, как и синие, уставились в горячий треугольник, в котором соединялись Ритины ноги. Там мягкий пушок на небольшом бугорке светился капельками осевшего пара.

Кимоно Риты упало на пол, и наложница залезла в бадью. Из глаза Андрея потекла жгучая, как гнев сенсея, слеза. Сейчас Рита сядет, и ржавый железный панцирь скроет изгиб молочной талии, вода поглотит животный запах груди и горячего треугольника. Волк заскулил. Андрей утер рукавом слезу.

Рита сказала:

— Господин, а я такая же красивая, как румяная сакура в том стихе? Такая же красивая, чтобы быть чей-то целью? Настолько красивая, чтобы кто-то жил ради меня?!

Нижняя челюсть Андрея обратно не поднималась, поэтому он только кивнул. Волк кивнул следом.

Рита сказала:

— А я достаточно красивая, чтобы кто-то умер ради меня?

Андрей кивнул, волк тоже.

— Господин, а ты? Ты бы умер ради меня?

Андрей с волком кивнули. Рита улыбнулась. Раз подтвердил, теперь это будет правдой, даже если до этого было не так. Самурай ведь не врет.

Рита села в воду. Лицо ее порозовело от жара и горячо засияло в бледных сгустках пара.

— Господин, раз ты даже умереть ради меня готов, можешь намылить мне спину? А?

Андрей с волком кивнули. Какое-то время они сидели недвижно, пока волк не боднул головой Андрея в плечо. Рот восьмиклассника захлопнулся, Андрей поднялся. Рита тоже встала, подала ему мыло. Но спиной не повернулась.

Теперь ее напаренная розовая кожа пахла только влагой. Мокрые пуговицы груди так скукожились, что Андрею стало их жалко. В этом мире жестоких иллюзий с наложницами все так: либо они покорно кукожатся и терпят, либо их тела ломают и выбрасывают.

Рита сомкнула ноги так плотно, что ее светлый пушок на треугольнике почти исчез. Она сказала:

— Давай же сам раздвинь мои колени. Я знаю, что господин хочет. Давай зарой пальцы вглубь моих теплых ножен. Ты знаешь, что я знаю, что ты хочешь.

В этом мире самоубийц под маской школы либо наложницы угождают своим господам, либо их дерут на мясо.

Рита закричала:

— Почему на твоих глазах снова слезы? — Она кричала. — Сколько можно? Прекрати реветь как девчонка и ударь меня наконец!

В этом мире ненадолго задержится наложница, не способная угодить господину.

Рита кричала:

— Или ты хочешь, чтоб я тебя ударила? Тебе нравится, когда тебя самого дерут и избивают? Когда самого смешивают с грязью?

И наложнице точно конец, если она забудет свое место. Если она вконец оборзет.

Крик Риты оборвался на середине.

— Прости, мой господин, — сказала Рита, — конечно же, тебе нравится самому все делать. И бить, и драть, и втаптывать других в дерьмо.

Андрей растерянно показал Рите мыло.

Наложница выхватила мыло у Андрея и бросила его прочь, едва не попав по длинному носу волка. Рита положила руку Андрея себе на грудь, стиснула его изодранные пальцы вокруг плотного шарика. Медленно отпустила.

— Не сдерживайся, — прошептала Рита. Когтистая лапа волка вдруг вцепилась сверху в пальцы Андрея и не позволила отпустить тугой шарик, который бы давно треснул по швам от переполнявшей его скрытой энергии, будь у него эти швы.

Рита потянула вторую руку Андрея себе между ног, воткнула его порезанные пальцы во влажный шелковистый пушок и бархатную кожу.

— Покажи, какое ты бесчеловечное чудовище, — шепнула Рита. Волк второй черной лапой надавил на горячий треугольник Риты. Сквозь кисть Андрея. Сквозь его покрытые засохшей красной коркой пальцы. Рита застонала.

— Да-да-да-да, — зашептала Рита, и голос ее с каждым новым «да» становился глубже. Она схватила Андрея за волосы.

— Да... Не жалея... Да, — прошептала Рита и горько улыбнулась. — Не жалея меня... Как не жалел моего брата.

Она притянула лицо Андрея себе к плечу, ее мокрая тонкая ключица ткнулась ему в зубы. Мягкая кожа пахла только чистотой, только влагой.

Да, в самом деле, ее брат. Где он? Я с ним знаком?

Волчья морда приблизилась к лицу Андрея. Алая пасть зверя распахнулась, и небо с десятком острых кинжалов нависло над белым девичьим плечом. Сверху над ухом постанывала Рита.

Теперь от чистой кожи всюду понесло цветущими ландышами. В комнате не пахло ничем, кроме мыла и воды, а внутри головы Андрея смердела страшная вонь химических цветов. Потому что внутри брата Риты тоже сейчас цвели драные ландыши.

Волк лизнул красным языком плечо Риты, она вздрогнула и застонала громче. Все трое почти боролись друг с другом. Трое — это Андрей, Рита и волк.

— Ни за что, — сказал Андрей, — пока я тебе должен.

Он вырвал руку из когтей волка и толкнул Риту. Вскрикнув наложница плюхнулась в бадью. Бело-розовое тело ее окунулось в воду. Голые ноги задрались выше головы.

— Ты все-таки ударил меня? — сказала Рита.

— Ты все-таки ударил ее? — сказал волк.

Цветущими ландышами больше не воняло.

Андрей сказал: «Амурова-сан, прости. На тебе сидело что-то черное и большое».

— Муха? — спросила Рита.

Молча Андрей дернул морду зверя к себе и захлопнул обеими руками алую пасть. Волк зарычал сквозь сжатые клыки.

Андрей сказал: «Убирайся с глаз моих». Затем швырнул черное мохнатое тело в кучу железных обломков внутренней клетки. Новые толстые прутья вмиг выросли из земли и плотно окружили волка. Из остатков водяных паров соткалась серая ширма, закрыв клетку.

Слипшиеся медные пряди накрыли Рите пол-лица, наложница сдула их с глаз. Она сказала:

— Ты сказал: должен? Но это я должна моему господину. О, я должна тебе столь много!

— Пока Амурова-сан не отслужит мне, я должен защищать ее. Затем мы с тобой сразимся, и один из нас пробудится, — ответил Андрей. — Помойся сама, пока постою в коридоре.

И он отвернулся от нагого тела. Зашагал к двери, потому что был слаб. Интересно, промокают ли воробьиные перья под дождем, спасают от морозов? А от знойного солнца? Быстро привыкаешь клевать жуков и червей?

2

Запах фальшивой морской свежести грыз Рите горло. Она слила воду из бадьи в кабину моетжопника и повернулась к писельнику. Наложница задрала полы кимоно, голые белоснежные ягодицы опустилась на холодную сидушку. В коридоре все еще сторожил господин. Можно было не опасаться, что громкие пук-пук Риты привлекут посторонних в туалет.

Из разбитого зеркала над умывальником улыбался брат. Ее преследователь, ее мучитель, ее владетель, как всегда, пылал пылким пылом рыжего демона.

Рита писала, сидя пред братом. Ее ноги были разведены широко в стороны, она задрала кимоно выше пупка. Брат увидел ее от бедер до лодыжек полностью голой. Голыми брат с сестрой спали в объятиях друг друга под раскрытыми окнами. Голыми из материнской утробы вместе вылезли два маленьких рыжих чуда.

Родились они вместе, умрут порознь.

Из Риты перестало течь. Она поднялась с писельника, смыла воду. Трещины на зеркале расходились из улыбки брата по всему его лицу и мускулистой шее.

— О брат! Как ты позволил так себя унижить? — сказала Рита. — Как ты позволил разбудить себя такому слабаку, как Сингенин Широкоротик?

Брат молчал. Теперь он всегда молчал.

— Продул такому жалкому неряхе. Спустил такому вонючему сопляку, — сказала Рита. — Смотри, брат, какому ничтожеству ты просадил честь, клан, свою собачку Бесхвостого. И меня!

Рита ударила кулаком в зеркало. Стекло осколки посыпались в умывальник, сверкая как брызги дождя.

— Я думала, Сингенин — невообразимый, сильный, неподражаемый, — сказала Рита и вынула острый осколок, воткнувшийся между костяшками. — Думала, Сингенин желал владеть Апостоловой-сан, как мной, а у этого гнусного плаксы просто щемило сердце от того, что увидел ее труп. Разбудил Апостолову-сан не этот глупый сыкун, я тебе точно говорю! Наш грустный мальчик ни за что бы так не поступил.

Красный сок стекал из руки Риты. Она нарисовала пальцем на битом зеркале красную улыбку поверх губ брата. Она не ощущала подушечкой пальца острых краев и трещин разбитого стекла. Изогнутая черта на зеркале становилась все краснее, все ярче, а она водила пальцем по треснутому стеклу и не ощущала ничего, кроме злости.

— Наш нежный недотрога, — сказала Рита, — наш ранимый мальчик и ударил-то меня, только когда я засунула его в себя, и ему оставалось либо взять меня полностью, либо оттолкнуть. Сильный бы взял, так ведь, брат?

Брат молча улыбался двумя улыбками, язвительной своей и сочно-красным рисунком Риты. Огненно-рыжие вихры на его голове торчали во все стороны.

Всегда, когда брат омывался в бадье, Рита намачивала эти вихры, делая послушными, и

расчесывала мягкими-мягкими неторопливыми движениями. Брат садился низко в бадью, спина его прижималась к борту, срубленному сверху случайным ударом катаной во время вечерних упражнений. Острые зубья ржавой жести торчали рядом с огненным затылком брата, и Рита постоянно сдирала об них кожу с руки, когда чесала книзу рыжую гриву. Красный сок капал с ее запястья в теплую воду, омывал тело брата, а Рита продолжала чесать мягко-мягко, бесконечно долго, неторопливо.

Но вот некоторые, видите ли, слишком честолюбивы и хотят только сразиться с ней.

— А наш трусливый Широкоротик, конечно, оттолкнул, — сказала Рита. — Он хотел меня, но оттолкнул, потому что всего боится. Ты, брат, не боялся ни крови, ни драк, ни голых наложниц. Кого хотел мой брат, того пытался получить, а кого не мог получить — убивал.

В последний раз, когда Рита омывала брата, к ним в комнату постучался сэме Неуместосан. Сэме поклонился и передал от Бесхвостого, что клан Красоткина хранит на верхних этажах общежития запасы еды. Сидя в бадье, брат слушал. Нагой и сильный.

— Ненавижу мыться в холодной воде, — сказал брат. — Пока ты говорил, вода остыла. Потрогай ее.

Это был приказ оябуна. Сэме наклонился и коснулся рукой водной поверхности между торчавшими из нее коленями Стаса. Тогда брат и схватил его за плечи. Брат со всей силы дернул сэме вниз. Окунул головой в воду. Насадил горлом на ржавые зубья содранной сверху жести.

В туалете Рита говорила:

— А этот трусливый недотепа дрожит, когда видит меня голой! Если наш недотепа не хочет желать меня, я мечтаю тоже не желать его. Хочу, чтобы он умер грязным, вонючим, пугливым и таким же скромным. Нет, брат, только подумай: Широкоротик оттолкнул меня!

Сэме рухнул на колени, руки его бешено молотили по бортам бадьи, по воде, по голым плечам Стаса. Брат навалился на его плечи и вдавливал открытое горло в острую жечь. Вдавливал, вдавливал, вдавливал, вдавливал... Пока кипящие красные фонтаны не разорвали шею.

Кровь летела повсюду, вместе с ней в воздухе разлилось тепло. Рита сбросила с себя кимоно и закружилась в горячих струях, бивших в нее. Кровавые лучи грели ее кожу как поцелуи летнего солнца. Рита кружилась и хохотала. Она поднимала руки, чтобы ее холодным подмышкам тоже досталось тепла. Жар растекался по телу, щекотал груди и промежность, затекал внутрь нее. Так счастливо она смеялась в последний раз.

В туалете Рита говорила:

— Дух грязного Широкоротика — не сталь, не меч, как твой, брат. Этого недотепу словно вылепили из хлипкой глины, настолько он во всем не уверен. Нет, на самом деле его вылепили из говенной кучи. Из жидкого дерьма, настолько вонючего, что даже мухи на него не садятся. Иначе бы он разве оттолкнул меня?

Брат выдавил из сэме остатки крови в воду. Отбросил дохлую тушу на пол. После того как закончит мыться, брат откроет окно, выкинет мертвого сэме в холодную ночь и скажет: «Ра-аз птенчик».

Колени брата торчали из темной воды как два скалистых острова из розового камня. Широкая грудь лоснилась от брызг крови. Сестра подошла к желанному брату; оба с живота до головы красные, словно их усыпали багровыми лепестками дикой розы. Два комка разделанного мяса с белыми белками глаз. Два голых рыжих чуда, что исторглись из утробы

давным-давно. Прошлое зашептало на ушко с настоящим.

Хлопнув по борту бадьи, Стас сказал: «Лезь сюда».

Рита взобралась на брата, уместила бедра между его согнутых коленей. Теплая вода накрыла ее красные ягодицы и ноги. Брат обнял сестру, вдавил ее в воду, в себя под водой. Рита закашлялась. Ей в рот затекла вода, солоноватая, сладковатая, вкусная, и Рита не прочь была бы ее попить, но ей в глотку залило слишком много сразу.

Стас сказал: «Тихо ты». Из его рта пахло прокисшим молоком, которое давали на завтрак.

В воде, верхом на брате, Рита закрыла глаза. Влажно, тепло, теперь еще и темно — так наверно было внутри материнского лона до того, как оно выплюнуло Риту с братом наружу. До того как их изгнали из черного покоя в жестокий мир, где смерть разлучает братьев и сестер.

В туалете Рита сказала:

— Почему слабый Широкоротик, а не мой гордый брат сделал меня сильнее? Почему не ты, а этот слизняк, этот муравей убедил меня не стыдиться короткого меча? Почему пугливец голых грудей обратил меня в чудовище? Я больше ничего не боюсь только благодаря ему, стыдись, брат!

В бадье, в их железном лоне, в сладко-солоноватой воде брат сдавил внутренности Риты и назвал ее «моей дыркой». Рита даже не могла представить, что может быть лучше.

Брат сдавливал сестру все крепче и крепче, пока Рита почти не потеряла сознание. Она сказала, что ее сейчас стошнит. Тогда Стас слегка отпустил Риту, отвернул ее лицо в другую сторону от себя, затем снова стал давить так же крепко. Он всегда был таким внимательным, ее брат.

Рита говорила зеркалу над умывальником:

— Как такой слабый трус может побеждать сильных самураев? Между его волей и поступками копится столько сомнений, что, пока он сквозь них продерется, годы пройдут. Но он легко справляется с теми воинами, кому для действий не нужны никакие усилия. Неужели и я так могу, брат? Я тоже слаба, но разбудила дайме клана Рейгена. Видел бы ты, как качался мой вакидзаси в его промежности! Словно черный цветок на сером стебле! Ничего прекраснее я не создавала.

Со дна ржавого лона поднялось что-то твердое, что-то упругое, будто бадья отрастила пуповину и искала у Риты пупок, чтобы соединиться с ней и начать кормить. Брат цепко держал Риту, а это твердое нечто копалось в ней, шерудило внутри, толкалось, вело себя по-хозяйски. Железные борта под Стасом скрипели. Кровь сэме на теле Риты свернулась. Вязкие красные сопли облепили ее волосы и лицо. Заклеили рот. Она хотела крикнуть, позвать на помощь брата, и не смогла разомкнуть губы.

Рита сказала призраку брата:

— Я не смогла зарезать Широкоротика ночью, — сказала Рита. — Днем со спины тоже. Он так безмерно боится смерти, что всегда осторожничает. Он всегда слышит мои движения, даже когда спит. Жалкий трус.

Лежа в бадье, брат терся лицом об шею Риты. Если бы он отпустил ее, она бы выскочила вон — подальше от твердой штуки внизу. Но он не отпускал. Сжимал крепко, до синяков.

Брат закричал: «Ах, да!» — прямо в ее склеенные губы и откинулся назад с такой силой, что борты стали ломаться и падать на пол один за другим, как от землетрясения. Вода

растеклась по всему полу. Их одежда, их мечи, их спальные тюфяки — все промокло. Промок труп сэме, который через пять столовок будет сброшен в темноту за окном. Навстречу птичкам.

Рита снова ударила по зеркалу. Дождь осколков осыпал ее кулак. Забавно было бить брата теперь, когда он только улыбался и не давал сдачи. Как замороженный. Как мертвец.

— Я должна Широкуртику так много, — сказала наложница, — хочу раскромсать его на куски. Издырывать насквозь мечом. Бросить в окно как птичку. Будет знать, как отталкивать меня.

Вода схлынула из бадьи и обнажила шланг, который только что копался внутри Риты. Кожаный отросток поник и обмяк. Белый сок капал с его кончика. И эта терзавшая ее штука росла прямо из паха желанного брата. Вот что ужасно. Сказка кончилась.

Рита разодрала ногтями корку на губах. Из мертвого сэме с глухими хлопками пошли газы. Его хакама в промежности была более темной. Воняло кислым, воняло мочой.

Стас скинул Риту с себя и поднялся. Она с укором посмотрела на обожаемого брата. А он сказал только: «Уберись». И потащил труп к окну. Рита потрогала себя между ног. Оттуда текла ее собственная кровь. И белый сок брата.

Вода на полу хлюпала под сандалиями брата. Труп не прекращал пускать газы.

— Я сравила его с Красоткиным, и Красоткин мертв, — говорила Рита призраку. — Пыталась поспорить с Лютиным, но тот оказался дрессированной шавкой Бесхвостого. Что бы я ни придумывала, Широкуртик никак не подойдет. Как мне его разбудить, брат?

В тот день их тюфяки промокли насквозь. Провоняли запахом избитого до смерти животного, его кровью, мочой, говном и болью. Сколько бы Рита не стирала их, не сушила на батареях, не проветривала, свесив в окно, — каждую ночь брат и сестра будто спали на великанских тряпочных затычках, подобных тем, которые наложницы засаживают внутрь своих лохмушек, чтобы в дни краски не прыскать повсюду кровью. Еще много ночей брат и сестра зажимали носы прищепками перед сном.

Призрак исчез в разбитом зеркале туалета. И оказался рядом с дверью. Ладонь брата рубанула по воздуху. Рита пошла за ним в коридор.

Стоя у стены, Широкуртик спал. Синие глаза сразу открылись, только Рита переступила порог туалета. Он ведь всегда все слышит. Жалкий трус.

Брат прошагал мимо Широкуртика, не взглянув на него. Как храбрец с трусом несхож, хоть оба воины! Один достоин владеть любой и погиб. А Рита досталась живому, который и жить-то по-настоящему не смеет.

На лестнице брат рубанул ладонью в сторону высокого прямоугольного окна над ступенями. В уличной тьме мигали десятки далеких желтых огоньков. Кирпичные бараки начальной школы.

— Вот как его убить... — прошептала Рита. Сзади Андрей спросил:

— Кого убить?

А не догадаешься, тупица!

Рита повернулась к Андрею и сказала:

— Для моего господина кого угодно. Хоть саму себя.

— Лучше уж рисуй желтоглазую лису, — сказал Андрей. — Ты слила воду? Идем спать?

Брат улыбнулся и рубанул ладонью воздух рядом с шеей господина. И Рита засмеялась. Таким остроумным желанного брата она еще никогда не видела.

Ее смех струился вниз по лестнице до самого дна их мира — школьных подвалов.

Желтые огни по одному затухали в окне над узкими ступенями.

Андрею снова снились пальцы Риты.

Мягкие подушечки погладили лезвие катаны. Раз, другой. Кожу содрало с пальцев сразу. Во все стороны стрельнуло маленькими комками мяса. Красный сок потек по клинку. Рита не отпрянула. Ее ладони страстно натирали меч, алые обрезки сыпались, кусок за куском. Слой за слоем. Голая кость скрежетала по металлу.

Нужно остановить ее.

Нужно остановить ее.

«Остановить меня? — сказала Рита, — но ведь ты сам тычешь в мои руки своей острой палкой».

Клинок рос из чресел Андрея, теперь он видел. Его бледная кожа плавно переходила в твердую сталь. Никаких разрывов или швов, никаких следов сварки. Просто железный изогнутый дрын торчал из него как гвоздь из досок.

Рита подняла кисти вверх. Обглоданные мечом кости сияли белизной. Руки скелета. Костные фаланги сужались к кончикам и торчали острыми когтями. Лапы чудовища. Обрывки человеческой кожи высывались из-под рукавов кимоно как кисточки бахромы. Как слипшиеся макароны на снежно-белой костяной посуде.

«Сначала ты зарезал моего брата, — сказала Рита, — а теперь делаешь меня виноватой в том, что заставил дергать твою штуку?»

Она сжала все костяные пальцы в кулаки, все, кроме указательных. Два тонких перста целили в лицо Андрею.

Прошу, прекрати делать себе больно.

Прошу, прекрати дергать эту мою штуку, если она в самом деле моя, потому что я ее впервые вижу.

Рита сказала:

«Все равно моя очередь. Давай теперь я потыкаю в тебя свои палки».

Она шагнула вперед к Андрею, острое клинка ткнулось ей в живот. Алое пятно выступило на сером кимоно.

Стой!

Она шагнула второй раз. Клинок со смачным хлюпаньем погрузился в нее. В ответ наружу брызнула кленовая краска. Много кленовой краски.

Назад!

«Так стоять или назад?» — спросила Рита и снова шагнула вперед. Лужа краски на ее животе стала пузыриться, синеватые бледные черви в прожилках всплыли на поверхность и обвили кольцами клинок.

Прекрати это делать.

«Если тебе так не нравится, — сказала Рита, — почему сам не отойдешь?»

Если я двинусь, эта штука выйдет из тебя, и ты истечешь кровью.

«Одни отговорки», — хмыкнула Рита. И еще глубже насадила себя на сталь. Венозные черви вылезли из нее полностью и стали мотками прямой кишки. Серые внутренности Риты повисли резиновым венком на клинке, который захватил промежность Андрея, болтались на этой стальной палке, которая сожрала его тыкалку вместе с двумя шарами, а наложница даже не морщилась. Спокойно шагала вперед. Толкала вглубь себя острую железку. Целила

голыми костяными фалангами в лицо Андрею.

Раз, только раз нужно до усеру испугаться, чтобы внутри тебя что-то обмерло и ты стал бесстрашным.

«Хватит просто глазеть», — сказала Рита и воткнула костяные когти в синие глаза. Рой звездочек в ярко-красном ореоле боли сверкнул в глазах Андрея, прежде чем они вытекли ему на лицо.

Пора умирать. Очень кстати. Умираю. Умираю. Все, умер. Ура.

Достойно порви с этой жизнью, чтобы тебя пустили на тропу, которая ведет к вечной жизни. Этот сраный порочный круг бесконечен?

Как бы то ни было, ты снова не спишь. Ты проснулся.

Окно снаружи словно заливало струями черного молока. Андрей поднялся с тюфяка. Сквозняк пролезал сквозь щели в стенах и прикасался к его голому телу. Только по коже пробегал не холод, а нестерпимый жар.

Будто в печи сидишь.

Разодранная школьная форма серела на полу распластанным трупом. Андрей перешагнул ее и прижался горячим лбом к холодному окну.

«До чего ты себя довел, человек, — проскрежетал волк за ширмой, — ты заболел».

Андрей закашлялся и прохрипел: «Не дожدهшься».

«Такое чувство, что ты рад этому, — сказал волк, — и кошмарам, которые не дают тебе спать, ты тоже радуешься. Будто, страдая, ты наказываешь себя за то, что все еще жив».

Андрей снял соплю с лица, вытер руки об окно и сказал: «Тогда почему я не радуюсь тебе, мой самый мерзопакостный кошмар?»

«Потому что я напоминаю о тех, кого ты убил», — сказал волк.

Завали! Это ты их убил, не я.

«Их убил Сингенин Андрей, — сказал волк, — сейчас ты — Сингенин Андрей».

Ошибаешься, волк. Ты напоминаешь мне не тех, кого я убил. А тех, кого я потерял.

«Ах, да, ты же у нас слабачок, я как-то позабыл», — хмыкнул волк.

Андрей смотрел в окно. Сквозь стекло и зеленые сопли на нем, в мокрой тьме осенней ночи Андрей искал свет, который не должен был умереть. Ведь без света нет тени.

«Подари свою мечту врагам. И она точно их прикончит», — сказал волк.

Четыре маленьких желтых прямоугольника тускнели в уличной тьме. Свет горел внизу, в школе. Возможно, сейчас он только начал зарождаться, этот свет. Возможно, скоро он загорится ярче, полыхнет из всех окон школы, и тени испугаются, побегут, зарюются глубоко в подземелье. Возможно, это произойдет скоро.

О сегун, прошу, пусть это произойдет сейчас!

Первый источник света

Ноги Кирилла ПИРОЛИЗИРОВАЛИ.

Кирилл Степов ковылял из угла в угол по первой палате медпункта. Делая очередной шаг, Кирилл сжимал зубы и шипел. До мяса натерлись концы перебинтованных культей — теперь это его голени. Вместо сандалий и пальцев ног из-под штанин хакамы торчали две черные металлические палки, загнутые в форме вопросительного знака — теперь это его ступни. Лезвия консервных ножей.

Ступни Кирилла ПИРОЛИЗИРОВАЛИ.

Так сказал Сошин-сенсей, когда Кирилл проснулся два дня назад в первой палате. Значило это, пояснил Сошин-сенсей, что отпиленные ступни Кирилла положили в железную камеру, выкачали из камеры весь воздух, а затем нагрели ее до такой высокой температуры, что ступни Кирилла превратились в тлен.

Медицинские отходы класса «В», сказал Сошин-сенсей.

Кирилл в ответ только безостановочно хлопал глазами. Кто отпилил его ступни? Зачем? Как Кирилл мог это пропустить? А главное, должен ли Кирилл отомстить тому, кто забрал у него пятки и пальцы ног?

Сошин-сенсей сказал, что жалеть о потере не стоит. Лечили бы переломы Кириллу около месяца, с тяжелым гипсом он бы не смог резво ходить, и боль при сгибе голеностопного сустава постоянно мешала бы.

Нет сломанных костей — нет боли.

Кириллу дали три дня, чтобы научиться ходить, бегать и сражаться на шарнирных протезах. Послезавтра его выпустят из палаты.

Послезавтра наступит время мести. «Синяки» клана Райдэна полягут под ударами мечей клана Когтей. А следом лишится головы «черный восьмиклассник» за то, что отсрочил месть Кирилла. За то, что победил Кирилла на кендо. Унизил перед сенсеем.

Качаясь, Кирилл шагал по палате. Протезы нещадно натирали обрубки ног. Нитки свежих послеоперационных швов вылезали и рвались. Бинты на культях пропитались насквозь потом и кровью. Красный сок стекал с бинтов, при каждом шаге хлюпал в культеприемных гнездах протезов.

Еще шаг, и Кирилл вцепился в стену. Гляделка на потолке бесстрастно уставилась прямо в шипящий рот ученика.

*Ударить, рискуя жизнью,
Жить, чтобы ударить.*

Кирилл терпел боль, терпел муки, терпел жизнь, только чтобы ударить твердым клинком по мягкой плоти своих врагов.

Послезавтра сбудется долгожданная месть. Послезавтра трупы «синяков» и «черного восьмиклассника» унесут в железную камеру без воздуха и ПИРОЛИЗИРУЮТ. Как ступни Кирилла. Нужно только еще немножко потерпеть жизнь.

Второй источник света

Молибога Матвей натянул покрепче узел пут из грязных тряпок на пятикласснике. Пленник лежал на учительском столе спеленатый как гусеница. Матвей резко дернул мальчика за хвостик на голове, заставляя его вытянуться по всей столешнице. Пятки и макушка пятиклассника не зашли за края стола. Мальчик уместился как раз по всей длине столешницы.

Это озадачивало.

Матвей задумчиво потеревил шнур из серых ниток на запястье. Взгляд восьмиклассника скользнул по плакатам с иероглифами на стенах класса. Острые крюки иероглифа «подчиняться, покоряться, признавать» сейчас бесили его как никогда. Пятиклассник молча смотрел снизу вверх на Матвея круглыми блюдцами-глазами. Бледные щеки пленника дрожали.

Дверь класса распахнулась. Внутри вошел ученик в мятом кимоно, катана в ножнах со стуком задела косяк рукояткой. В классе запахло дикими травами.

— Яценко Тимур, — сказал вошедший, кивнув. Запах диких трав, видимо, исходил из двух мешочков, что свисали с его оби.

— О, тебя ко мне послала сама судьба! — сказал Матвей. Он развел руки, указывая на пятиклассника. — Я не знаю, что делать.

— Для начала поздоровайся, — предложил Тимур и покачал катаной в ножнах. — Поверь, вежливые живут дольше.

Матвей молча заморгал. Пятиклассник попытался по-тихому скатиться на пол с другой стороны стола. Не глядя на пленника, Матвей опустил кулак ему на голову. Ни звука не издала спеленатая человеческая гусеница, только скрученные в узлы тряпки дернулись судорожно и замерли.

Матвей сказал:

— Всех, кого судьба посылает мне, я кладу на этот стол.

Он пошел вдоль учительского стола, поглаживая пластиковую поверхность. Ободренные края сияли белым твердым нутром.

— Я не ради дурацких росказней искал тебя, Молибога-сан, самурай из клана Зотова, — сказал Тимур. — Что делал твой клан позавчера ночью?

Матвей отодвинул учительское кресло и загадочно улыбнулся Тимуру поверх связанного пятиклассника.

— Кладу на этот стол, — повторил Матвей. — Дальше все зависит от их роста. Высоким я отрубаяю ноги. Ровно настолько, насколько они торчат за стол. А низкорослым разбиваю кости до тех пор, пока ноги не дотянутся до края.

Тимур шагнул вплотную к пластиковому жертвеннику и крикнул:

— Это ведь ты живешь в угловой комнате в правом крыле на девятом этаже? Рядом с... — Тимур сглотнул и сказал тише: — Рядом с комнатой Видждан-сан.

Матвей погладил по волосам пятиклассника, разделявшего его и Тимура.

— Этот ученик не высокий и не низкорослый, — прошептал Матвей. — Этот мальчик идеальный. Мне больно расставаться с ним вот так, не оставив подарка. Завтра он уже не вспомнит меня, ведь его ноги не будут отрублены или расколочены. Никакого следа, никакой памяти о нас с ним. Но у меня нет выбора.

Матвей развязал узлы тряпок на пятикласснике. Мальчик хлопал белыми кругляшами с синими зрачками и не двигался.

— Прощай, — сказал Матвей, и слезы стояли в его глазах. Пятиклассник медленно сбросил с себя скрученные тряпки. Спрыгнул на пол. Шагнул раз, второй.

— Пстой, — сказал Матвей, голос его дрожал. — Возьми хотя бы эти веревки. На память.

Матвей протянул грязные тряпки. Пятиклассник побледнел, но вернулся к учительскому столу. Маленькие руки обхватили ворох обрезков кимоно и хакамы.

— Эта рваная школьная форма больше не связывает тебя, — сказал Матвей, — но ты по-прежнему носишь форму школы Катаны. А значит, пути достойного поведения, пути бусидо остаются на тебе. Всегда плюй в лицо смерти и возвращай долги, ученик-кун. Стань идеальным во всем.

Прижимая обрезки тряпок к груди, пятиклассник поклонился и повернулся к двери. Острие холодного клинка коснулось его носа.

— Ты мне все расскажешь, — сказал Тимур, — иначе я снесу голову твоему идеалу.

Руки Матвея потянулись к ножнам.

— Вынешь меч — и я укорочу его на полчерепа, — пообещал Тимур, поглаживая острой сталью бледные щеки пятиклассника. — Тогда тебе придется разбивать ему ноги, чтобы снова доставали до края стола.

Матвей опустил руки и прорычал: «Что тебе рассказать?»

— В ночь с воскресенья на понедельник на нас напал клан Зотова? — спросил Тимур. — Живя рядом с нами, ты как-то пронюхал, что у нас есть коробки «Сердечного» и «Именинного»?

Вытянку Матвей глядел перед собой. Затем резко засмеялся.

— Ха-ха... Нет, не мы, — сказал он, хватаясь за стол, чтобы не упасть от смеха. — Каково это... ха-ха... быть должным смерть, но даже не знать кому?

Тимур дернул клинок. Кровь брызнула с разрезанной щеки пятиклассника на учительский стол. Смех Матвея оборвался.

— Паршиво, — сказал Тимур. — Теперь ты отвечай: знаешь напавших?

Матвей медленно опустился на колени и сказал: «А ведь ты даже не спросил, чем я разбиваю ноги слишком низким».

Тимур потянулся через стол, не отводя острие меча от хлещущей кровью щеки пятиклассника.

— Что ты бормочешь там? — спросил Тимур. — Кто на нас напал? Красный мононокэ? Или одиннадцатиклассники?

Его ударили из-под стола. Тимур упал и схватился обеими руками за ушибленную голень. Новый тяжелый удар в плечо распластал восьмиклассника на полу.

Встреча с бетонным полом разбила губы, воющее плечо не дало опереться рукой и встать. Двумя пинками под ребра Тимура перевернули на спину.

Матвей тяжело дышал стоя над ним. В руках он держал лопату, одну из тех, которыми копали сегодня на Полезной работе. Черный шар лежал на черенке тяжелым облаком.

— Сама судьба послала тебя взамен идеального ученика. Чтобы я утешился, — выдохнул Матвей, — и даже на глаз вижу, что ты слишком высокий.

Матвей рывком поднял лопату. Железный шар взмыл в воздух. Еще миг, и Тимуру раздробят колено. Тимур облизал разбитые губы. Кровь на них имела почти тот же

солончатый привкус, что и поцелуи с Ридой. Поцелуи с ее стертым до мяса розовым языком.

Тимур перевернулся назад через голову. Черный шар грохнул по полу.

Ушибленные плечо и нога Тимура болтались как у веревочной куклы, восьмиклассник, шипя, пополз к партам. Сверху свистнул воздух. Штык лопаты воткнулся восьмикласснику в бедро. Его пригвоздили к полу.

— Ты прав, — сказал Матвей, — раз высокий, надо тебя рубить, а не плющить.

Кровь текла из раны в бедро. Кисловатая, солончатая, вкусная, как влажные поцелуи убитой Риды, кровь. Тимур не смог отомстить за то, что истерзали ее смуглое тело. Он нашел ее среди трупов сразу после того, как утром очнулся в лужах крови и разлитой мочи. Очнулся с откусанным кончиком языка.

Нижняя челюсть Риды была вывихнута — так широко заставляли ее раскрывать рот. Руки сломали, чтобы она не могла отбиваться. Ноги развели в стороны настолько сильно, что паховые связки порвались. Смуглая кожа стала красно-синей от кровоподтеков и ран.

— Не-е-ет! — закричал Тимур. — Рида-а-а! Не-е-ет!

Матвей вынул штык лопаты из ноги Тимура. Кровь текла, источая приторный запах. Вот все, что ему оставили, — напоследок утешиться кисловатым привкусом самого себя. Без нее.

— С кровавыми обрубками ты проживешь недолго, — сказал Матвей. — Но поверь: стать на мгновение абсолютным идеалом стоит всего на свете.

Матвей поднял лопату.

Кончик катаны вышел из его груди. Ребра треснули, ломаясь. Глаза Матвея закатились, изо рта пошла кровь. Восьмиклассник рухнул мешком рядом с Тимуром. Лопата упала на бетон, громыхнуло как раскат весеннего грома.

Тимур приподнялся над мертвецом. Из спины Матвея торчала катана Тимура.

— Как и просил, возвращаю тебе долг, — сказал пятиклассник и смачно харкнул на труп. — Еще плюю на твою смерть.

Сквозь кровавую дыру в щеке пятиклассника сверкали белые зубы. Тимур схватился за край ближней парты и быстро стал тянуть себя вверх.

Пятиклассник вынул из-за оби вакидзаси и потерял рваные края дыры в щеке.

— Еще я должен тебе, — сказал пятиклассник, — пырну-ка твой зад.

Тимур навалился грудью на парту и весь сжался, ожидая острый тычок сзади.

— Малыш-кун, позволь ему сначала встать на обе ноги, — послышался хриплый голос, — иначе все закончится слишком быстро, и я не успею насладиться зрелищем.

Тычка не было. Тимур облокотился здоровой рукой о парту и поднялся. Раненое бедро свело острой судорогой, Тимура пошатнуло. Восьмиклассник снова оперся о парту и повернулся.

Ява Гера ухмыльнулась Тимуром сухими желтыми губами. Острие катаны в ее руках целило в щеку пятиклассника — в ту, что не покрывала рваная дыра.

— Дорогие мои, — сказала Ява, — раз я так вовремя сюда заглянула, то правила будут мои. Сейчас вы подеретесь, и победитель проведет со мной остаток ночи.

Ява тряхнула чахлым облезлым хвостиком на макушке и огласила:

— Я — приз!

Пятиклассник и Тимур переглянулись. Все неоплаченные друг другу долги они были готовы простить тут же, лишь бы не связываться с таким «призом».

— А может это... Я лучше пойду? — предложил пятиклассник.

— Ты хоть юн, — Гера сверху вниз посмотрела на ученика с вакидзаси, — да и не высок, но сумел впечатлить меня. Так что дам тебе шанс выжить и получить приз.

— Этот сопляк убил члена твоего клана, — сказал Тимур. — Ты должна прирезать его.

Девочка-скелет потеряла рукояткой меча грудь, на которой кимоно обвисало грустным мешком. Истощенное лицо, похожее на желтую черепашку, игриво подмигнуло пятикласснику.

— Ну все так быстро произошло, что я не уверена в увиденном, — сказала Гера. — Лучше буду считать убийцей того, кто проиграет ваш бой.

Тимура передернуло от лихорадочного блеска в глазах Геры. Самурай голодал по ласкам Риды, но не настолько, чтобы лечь с этим сучковатым чучелом.

— Что за бред? — крикнул Тимур. — Какого демона ты вообще сюда забрела?

— Когда ученик в руках Молибога-сан приобретает идеальный рост, Молибога-сан возбуждается как вулкан, — Гера быстро взглянула на труп Матвея и поправилась: — Возбуждался. И тут появлялась я, мы раздевались, кидались друг на друга и...

— Кончай, я понял, — сказал Тимур. — Сегодня пира не будет, проваливай.

Руки Геры дернулись, вместе с руками — клинок катаны, вместе с клинком — голова пятиклассника. И на его здоровой бледной щеке от уголка рта расцвела новая рана. Кровавая косая гримаса рассекла пол-лица до уха.

— Я не ранена и сейчас намного сильнее тебя, — прорычала Гера Тимуру. — Либо делаешь как говорю, либо не выйдешь отсюда.

Гера стряхнула кровь пятиклассника с клинка и прошла к двери. Оттуда она приказала: «Деритесь».

Тимур оттолкнулся от парты и прыгнул в сторону трупа Матвея. Бедро резануло болью, восьмиклассник заорал еще в полете. Орал он и когда упал на колени. Пятиклассник подбежал, вакдзаси перекрыл путь к мертвецу и катане в его спине. Но Тимур стремился не к своему мечу, пятиклассник слишком глубоко засадил клинок в тело, чтобы быстро высвободить.

Тимур поднял с пола лопату. Черный шар на длинном черенке рассек воздух, отогнав пятиклассника к учительскому столу. Маленький противник выставил короткий меч перед собой и не отводил от железного набалдашника широко раскрытых глаз. Обе кровавые дыры на его лице влажно блестели.

Тимур оперся на лопату, как на посох, и встал. Он схватил черенок у самого штыка и стал махать железным шаром, надвигаясь на противника.

Широко шагнул к пятикласснику.

Взмах. Шаг. Взмах. Шаг.

Железный черенок скользил в мокрых руках. Пот со лба натек на глаза. Колени дрожали. Хор из рассеченного бедра, избитых плеча и голени не затыкался, все части тела голосили тягучую сонату боли. Тимур потерялся, забыв: он машет лопатой или эта неподъемная железяка им? Главное — трясти проклятую лопату и делать вид, что можешь сделать еще не одну сотню шагов. Даже если сил едва осталось на последний.

В последнем взмахе шар почти достал изуродованного лица пятиклассника. Но не достал. Все, Тимура можно брать тепленьким и голыми руками.

Только пятиклассник не знал, глупый испуганный мальчишка отскочил прочь от страшной тяжелой штуки.

Лопата выпала из рук Тимура, грохот литого железа заглушил стон, с которым самурай

навалился на учительский стол. Если бы малолетний уродец не побежал без оглядки, если бы повернул дырявое лицо чуть вбок, то сразу вернулся бы и добил Тимура.

Но бестолковый несмышлениш решил драпать из класса не оглядываясь. Изрешеченный сосунок не видел ничего, кроме открытой двери, кроме зеленой стены коридора в ее прямоугольнике. Поэтому не заметил катаны Геры, которая разрубила его от плеча до пояса.

Идеально гладкая поверхность пластикового жертвенника холодила щеку Тимура. Самурай распластался на столе и смотрел, как Гера извлекла клинок из мясного рагу пятиклассника. Как девочка-скелет с улыбкой на желтых пленочных губах подошла к Тимуру и прошептала: «Трусиска проиграл. Приз — твой». Как она наклонилась к Тимуру близко-близко, касаясь его ресниц своими.

Ее горячее дыхание коснулось его губ, и Тимура зазнобило. Холод продрал его израненное тело, стол под животом словно покрыла ледяная корка.

— Приз — твой, — повторила Гера, ее терпение кончалось. — Хочешь пережить эту ночь — ты должен взять его. Как следует взять.

Тимур выдохнул: «Я ранен. Давай в другой раз».

Гера потрясла катаной перед глазами восьмиклассника. Затем убрала меч в ножны.

— Не пойдет, — сказала девочка-скелет. — Либо сейчас со мной, либо ни с кем никогда, ибо тогда я отсеку твои причиндалы.

Ее руки развязали оби Тимура.

Закон мира иллюзий не победить. Чтобы когда-нибудь получить желаемое, приходится всю жизнь терпеть мерзости. Все приспособливаются.

Гера стянула с бедер Тимура хакаму и сказала:

— Мне и дальше все самой делать?

Чтобы отомстить за смерть желанной Риды, придется удовлетворить голод отвратной Геры.

Не без стога Тимур сел. Со злостью схватил Геру за тонкие плечи и бросил возле себя на столе.

Через все бедро Тимура сверкал алый полумесяц раны. Только бы во время этой мерзости не истечь кровью. Иначе все зря.

— Брин ми ту лайф... — прошептал Тимур и впился в сухие тонкие губы Геры.

Третий источник света

В классе девять изогнутых тонких спин закрывали пол. Бледные лица с нарисованными на нежных щеках кошачьими усиками не смели поднимать глаза. Наложницы недвижно стояли на четвереньках, а Выгузов Авраам переступал их маленькие нагие тела осторожно, медленно — чтобы не наступить на хрупкие позвоночники и ломкие пальчики, чтобы не поломать имущество клана Черных Змеев.

Усами Ахметов развалился в учительском кресле. Курчавая борода оябуна с растрепанными во все стороны завитками нависала над поникшими телами наложниц как косматая туча, которая вот-вот взорвется молниями. На столе подле оябуна в ржавой клетке с откинутой сверху крышкой визжали крысы. Восемь крыс, на одну меньше, чем наложниц.

Перед учительским столом два самурая Черных Змеев сдвигали положенные на бок парты, смыкали вместе столешницы, образуя просторный загон. Все готовилось к развлечению могущественного оябуна.

Авраам низко поклонился господину. Сидя в кресле, Ахметов ростом почти не уступал самураю. Если же оябун поднимется, все вокруг почувствуют себя карликами. Или детьми.

— Сегодня ночью Губительного Вихря-сан разбудили от иллюзий, — сказал Авраам. — Неизвестные проникли в его комнату и прикончили Вихря-сан вместе с Сомовой-сан.

Черные глаза Ахметова сверкнули быстрым пламенем. Огромный кулак оябуна ударил по клетке с крысами. Ржавая железка улетела в загон, перевернулась, крысы выбежали визжа.

— Кисочки, — сказал оябун, — подходит время кормежки. Поглядите, мои пушистики, какой роскошный пир приготовил заботливый хозяин.

Наложницы подняли лица с чернильными кошачьими усиками и носиками. Крысы носились вдоль стенок загона, серые узкие морды и когтистые лапки пытались протиснуться между партами на волю. Двое самураев били палками крыс там, где у тварей почти получалось сбежать.

Аврааму было плевать на крыс и наложниц. Пусть хоть перегрызут друг друга, лишь бы оябун продолжал сидеть. Лишь бы Ахметов не вставал во весь невообразимый рост. Лишь бы Аврааму снова не превратиться в слабого ребенка перед огромным высоким папой.

— Когда-то до того, как меня призвали в школу Катаны, я голодал, — сказал Ахметов. — Я умирал, запертый во тьме и холоде, крысы шерудили вокруг, но я не видел ничего, не мог поймать ни одну тварь за лысый хвост и съесть. Еще немного, и крысы грызли бы мой ледяной труп.

Наложницы взирали на бородатого оябуна круглыми глазами. Руки и ноги, на которые они опирались, дрожали. Дрожали подбородки с нежными ямочками и без, дрожали губы — пухлые, сочные или тонкие, изящные. Дрожали щеки с чернильными усиками.

Но пусть лучше наложницы. Пусть кто угодно, только не Авраам, чувствует себя беззащитным и слабым перед кем-то огромным и чудовищно сильным, как оябун. Или папа.

— Кошка спасла мне жизнь, — сказал Ахметов. — Я лежал полумертвый на земляном полу. Дворовая облезлая кошка как-то проникла внутрь. Видно, она хотела погреться там, где я замерзал до смерти. Кошка поймала крысу. Положила сочащуюся кровью тушку мне на стылые руки. Я впился зубами в подаренный мне комок шерсти и мяса. И выжил.

Оябун махнул огромной рукой в сторону загона. Авраам едва сдержался, чтобы не

отпрянуть.

Ахметов сказал:

— Теперь я оплачиваю долг той кошке, — черную густую бороду прорезала белозубая улыбка, — кормлю своих кисочек.

Наложницы молчали. Чтобы сдержаться, кто-то кусал губы, кто-то зажимал рот руками. На коленях перед оябуном им разрешалась только мурчать и мяукать. Иные звуки из их уст разгневали бы Ахметова. Кошки не разговаривают, и, найдись такая среди «кисочек», оябун сразу вышибет ей мозги.

Или вынет из ножен тати. Тогда одной смертью ночь не кончится.

— Быстро жрать, — приказал Ахметов.

Наложницы бросились в загон. Каждая перелезала через парты, пыталась голыми руками схватить крысу и свернуть ей голову. Мертвая крысья тушка — единственный пропуск на свободу.

Визг отбивавшихся крыс смешался с воплями «кисочек». Крысы грызли гладкую кожу «кисочек», уродовали когтями их ноги и руки. Наложницы пинали крыс, а крысы впивались им в стопы, роняли, накидывались сверху, бегали по их голым грудям и бедрам. И дорожки красных укусов разукрашивали бледные тела.

Две наложницы сцепились на полу. Одна «кисочка» лупила костяшками кулаков по зубам другой. Мертвая туша крысы валялась под их спинами. Тоже вариант — отобрать чужой пропуск на свободу.

В загоне бегало на одну крысу меньше, чем «кисочек». Та наложница, что останется без пропуска, станет «ручной кошечкой» Ахметова. Будет каждую ночь проводить с оябуном до тех пор, пока ему не захочется заменить ее на новую. Либо пока он случайно не свернет ей шею. Варианты — раздавит, задушит, разобьет голову, выбросит в окно, хотя последнее, если произойдет, то вряд ли случайно.

— Значит, днем прибили двоих «синих», ночью — двоих «рылистых», — вдруг сказал Ахметов. — Никто не видел таинственных убийц, и сами они не торопятся похвастаться.

— Могу предположить, господин, что это не резня «синих» и «рылистых» между собой, — сказал Авраам. — Иначе бы их кланы сражались целиком.

— Похоже, кто-то из обиженных ими восьмиклассников или семиклассников подросток, — хмыкнул Ахметов. — Врагов надо либо подчинять, либо истреблять полностью.

Авраам низко поклонился.

— Господин, ваши мудрые слова напомнили мне о новеньком восьмикласснике — о переведенном из другой школы Катаны Сингенине-сан. Он еще учится в одном классе с Ягодкой-сан.

— Ягодка-сан, ко мне! — проорал Ахметов во всю широченную, словно водоотводную трубу, глотку. Авраам стиснул зубы, иначе бы из его собственной глотки вырвалось жалкое: «Папочка!»

Из загона вылезла тоненькая белокурая наложница. На четвереньках Марина подползла к учительскому столу.

— Подойди, — велел оябун «кисочке». Тяжелая волосатая рука поднялась и погладила размазанные на бледном лице наложницы черные усики. «Кисочка» схватила себя за нагие плечи, худые в кровотокающих укусах ноги дрожали.

— Расскажи о твоём однокласснике, — сказал Ахметов, — об этом Сингенине. Расскажи о нём все.

Пухлые потресканные губки Марины приоткрылись и сказали:

— Мяу...

Марина хорошо усвоила: кошки не разговаривают. Оябун посмотрел на Авраама и велел:

— Умой ее.

Авраам вздернул Марину на ноги и задрал ее голову вверх. Дайме поплевал ей на лицо, намозоленные ладони быстро стерли с гладких щек «кисочки» остатки усиков.

Пахло от наложницы кровью и крысами. В голубых глазах застыл стыд от унижения. Закончив, Авраам толкнул Марину к оябуну. Бледными руками наложница коснулась натертых красных щек.

— Говори! — рыкнул оябун. Авраам снова стиснул зубы, чтобы не закричать.

Папочка!

Теперь, стоя позади Марины, Авраам видел, что ее волосы — не сплошь белокурые, не сплошь светло-русые. Если как следует всмотреться, то кое-где видны седые пряди. Белые, как снег, нити говорят всем вокруг о ее постоянном страхе, о ее позоре.

О позоре Авраама никто не ведал. Свои седые волосы он вырывал с корнем.

Марина зататорила:

— Сингенин Андрей-сан всегда очень грязный, неопрятный, его ноги воняют как ушная сера. Его хвостик растрепан, кимоно, хакама — вся форма — измяты так, будто каждое утро он топчет их, прежде чем надеть. — Уголки губ Марины слегка дрогнули. — Но оби на нем совсем не мятый. Нет, гладкий и скользящий, словно зеркало. И красный, но не как кровоточащая рана, а красный, как вишневая заря на глубоком синем небе. Глаза Сингенина-сан тоже синие, тоже глубокие. А иногда острые, словно мечи. Когда они такие, кажется, что его взгляд пронзает твою грудную клетку до самого сердца...

— Мою грудную клетку? — оборвал ее Ахметов. Красные щеки Марины вмиг стали белыми как мел. Как седые пряди в ее волосах.

— Нет, господин, нет, нет, нет, все знают, ваше тело несокруσιμο, — жалобно сказала Марина. Поднявшись с кресла, Ахметов приказал Аврааму: «Держи ее».

Дайме схватил наложницу сзади за холодные плечи. Его твердые пальцы глубоко впились в мягкую кожу. Если бы руки Авраама не вцепились в Марину, он все равно за что-нибудь держался бы. Чтобы оябун не увидел, как Авраам трясется.

— Тогда речь о твоём сердце, Ягодка-сан? — Ахметов ткнул волосатым пальцем в грудь наложницы. Марина вскрикнула, руки ее обхватили толстый палец оябуна, давивший в нее.

Ахметов сказал:

— Ягодка-сан, в твою плоть, в твоё лоно, в твой маленький ротик могу входить только я. И ещё дайме, которым я позволю. Захочу — и выну твоё трясущееся сердце. Прошу, запомни, Ягодка-сан.

— Да, господин, — простонала Марина. Ахметов надавил на нее сильнее. Колени Марины подогнулись. Руки Авраама перехватили наложницу за мокрые подмышки, иначе бы она расстелилась на полу.

Ахметов сказал:

— Так ты расскажешь что-нибудь об этом Сингенине-сан, что мне стоит выслушать?

Потресканные губы Ягодки прохрипели:

— Его называют Железногрудым-сан, потому что его тело покрыто красной кожей, которую не могут пронзить катаны. Говорят, он — демон и способен летать. Говорят,

Сингенин может сбрасывать красную кожу как ящерица или змея. Говорят, он разбудил оябуна чистоплюев Красоткина-сан. Сама я видела, как он разбудил оябуна «оранжевых повязок» Гардеробщика-сан.

Ахметов усмехнулся и сказал:

— В школе завелся шкодливый демон, а я и не знаю? Ягодка-сан, еще поведает что-то забавное о краснокожем Железногрудом-сан?

Волосатый палец вдавился глубже сквозь мякоть ее груди в щель между ребрами, и наложница простионала:

— Говорят, он несокрушим... — Наложница закрыла глаза и хрипела: — Говорят, он хочет собрать в своем шкафу головы всех оябунов школы... Еще... Еще он рассказал чудесный стих о сакуре...

— О чем?

— О волшебном дереве, цветущем всего пять дней в году белыми и розовыми цветами, которые по описанию похожи на цветы вишни возле стены, только Сингенин-сан сказал, что они совсем не похожи на цветы вишни... — Слезы потекли из-под закрытых век Марины, она сказала: — Я не знаю, клянусь, я не знаю, он так и не сказал, как цветы сакуры могут быть красивее цветов вишни... Клянусь, господин, я не знаю, как это возможно...

Ахметов убрал палец с груди наложницы. Марина выдохнула, без сил повисла на руках Авраама.

— Хочу встретиться с этим линияющим демоном, — сказал Ахметов. — Значит, катаны его шкуру не пробивают? Хочу узнать, а как насчет моего тати.

— Как пожелает господин, — склонил голову Авраам. То, как Ахметов выпустил из железной лапы Марину, вызвало у Авраама такую же дрожь, которая сотрясала его, когда папа прекращал месить тяжелыми ботинками его лицо, чтобы взять за шкуру и бросить в кирпичную стену.

Папа избивал Авраама. Молотил твердыми, как камень, кулаками, хлестал кожаным ремнем, шпарил кипятком, подвешивал за ноги. Но чаще всего хватал за шкуру, а потом бросал в кирпичную стену, снова хватал, снова бросал и так до бесконечности, пока Авраам не терял сознания.

Непонятно, за что его наказывали. Непонятно, как давно и где его кидали в кирпичную стену. Непонятно даже, почему Авраам называл того страшного человека «папой». Всего две вещи запомнил Авраам: папа казался ему огромным, и Авраам всегда кричал «Папочка!», когда его поднимали за шкуру.

Кричал как резаный, словно этот «папа» не нависал над ним и не услышал бы его.

«Кисочки» по одной вылезали из загона и вставали на четвереньки вокруг учительского стола. Между коленок они клали мертвых крыс. Пропуск был у каждой. Кроме Марины.

— Ягодка-сан, — объявил Ахметов, — отныне ты моя ручная киска.

Запахло обреченностью.

Глаза Марины открылись. Звуки ее приговора не позволили наложнице забыться. Она дернулась, но Авраам все еще держал ее потные подмышки. Ему просто нужно было за что-то держаться. Оябун нависал над ними обоими как гора.

«Возьми ее, — мысленно взмолился Авраам. — Возьми их всех, только не трогай меня».

Дайме толкнул Марину вперед, словно приносил в жертву кровожадному богу.

Огромные ладони смели легкое голое тело из его рук. Мир перед глазами Авраама на миг размазался серыми пятнами. Плечевые мышцы так резко освободились от тяжести, что

обмякли. Авраам растерялся и брякнул:

— Папочка!

Огромные руки бросили наложницу поперек стола, серый пластик хрустнул под ее грудью.

Размазанный мир обрел четкость. Оябун повернулся ко всем спиной, бородатое лицо наклонилось над распростертой Мариной. Горящий взгляд черных глаз шарил по ее телу. Бог изучал дар ему.

За спиной Ахметова «кисочки» осмелели и улыбались в кулачки. Пройдя у края пропасти, они смеялись над той, кто в нее упала.

Авраам не мог улыбнуться. Потому что для него пропасть никуда не делась, пустота всегда холодила его ноги.

Слава сегуну, его трусливый стон никто не услышал. Позор Авраама по-прежнему тайна для всех. Пропать по-прежнему у него под ногами.

— Все вон! — крикнул оябун. «Кисочки» бросились к двери. Двое Черных Змеев последовали за ними — проводить в общежитие.

Авраам поклонился оябуну, прежде чем уйти. Ахметов взглянул на него и сказал:

— Выгузов-сан, сегодня ты пропустил седой волос.

Авраам застыл в полупоклоне. Эти слова звучали как новый приговор. От них тоже пахло обреченностью. Но, демон, днем не было никакого седого волоса!

Ахметов криво усмехнулся и сказал:

— Хотя, может, этот волос поседел сейчас, когда ты звал «папочку»?

Ноги Авраама замерзли, словно их лизнула пустота. Колени затряслись.

— Кого ты так называл? — спросил оябун.

Нет, тайное не стало вдруг явным. Тайны никогда и не было.

Ахметов все знал. Ахметов давно чуял его страх. Просто забавлялся, выжидая, когда Авраам сломается. И выждал.

— Вас, — сказал Авраам. Горло пересохло. Слово прозвучало мощно и сильно, как будто не было жалким признанием, как будто не значило: «Ты можешь делать со мной все что угодно, и я только что сам это сказал».

Марина подняла голову и со стоном поползла к краю стола. Ахметов схватил ее за волосы и накрутил их на кулак. Светлые локоны натянулись как струны.

Наложница закричала. Еще заплакала. Еще вздернула руки к волосам. Еще замолила отпустить ее. Еще изогнула спину как ласка. Как взъерошенная кошка.

— Удивительно, насколько искренними становятся люди, когда им причиняют чудовищную боль, — сказал Ахметов. — Согласен?

Вот он, единственный шанс не лечь на этот стол следующим. Нужно продать себя таким, какой ты есть, — трусливым и жалким. Тоже вариант — превратить свой позор в достижение.

— Страх лучше, — сказал Авраам.

Ахметов поиграл пальцами свободной руки по натянутым на кулак волосам Марины. Слышно было, как лопаются тонкие пряди.

Ахметов спросил:

— Страх? Почему же?

— Страх делает людей послушными, — ответил Авраам, — и преданными.

Ахметов засмеялся. Ответ ему понравился.

— Выгузов-сан, ступай, — велел оябун. — Какой я тебе папочка, обсудим в другой раз. Сейчас мне нужно выдрессировать эту киску.

Мысли оставили Авраама. Как будто он забыл, что такое думать. Ноги несли его прочь от учительского стола, прочь от края пропасти. Только на пороге, закрывая дверь класса, он обернулся.

Маленькая Марина тряслась в тисках бородатого гиганта. На ее белых щиколотках крысиные укусы алели словно лепестки дикой розы.

Добро пожаловать в мир нескончаемого страха. К утру жди новых седых волос...

Светлые локоны Марины сверкали золотом на огромном кулаке Ахметова.

...если оябун их все не вырвет.

Авраам захлопнул дверь.

Четвертый источник света

Той ночью Лис снова спустился в подвал. После того как он возбуждался, его всегда тянуло сюда пройтись в одиночестве под переплетениями ржавых труб на потолках, послушать вопли и смех из-за закрытых дверей, вдохнуть тухлый сырой воздух без цветочных освежителей.

Это вполне естественно. У каждого есть обожаемое место, где ты на время просыпаешься от иллюзий. Проснулся, хотя еще не умер. Ты идешь в узком коридоре, капли ржавой воды падают из тьмы сверху тебе на лицо. Касаясь ручек дверей, ты отсчитываешь четвертую. Тыходишь внутрь. Ты смотришь на ученика, привязанного к стулу. Взгляд на его черные волосы и синие глаза заставляет твое сердце биться чаще.

— Знал бы ты, как я ненавижу себя за то, что ты здесь, — сказал Лис. — Ненавижу себя за то, что ты мне нужен. Брат!

Желтая лампочка под потолком тихо шипела, в высоком узком окне играли оранжевые блики.

Пленник поморщился:

— Мокро.

— Что? — спросил Лис.

Ученик закатил синие глаза.

— Вы не вытерли с сиденья кровь предыдущей жертвы, — сказал он. — Мои булки сидят прямо в луже.

Лис обошел полукругом пленника. Новая жертва была старше рыжего пятиклассника, но почти такой же щуплой и низкой. Видимо, разница в возрасте на год — это несущественно.

— Забудь, — сказал Лис, — совсем скоро ты будешь весь сочиться как сжатая губка.

Синеглазый шестиклассник сказал:

— Тогда закрой пасть и приступим.

Не только волосы и глаза, но и сам бесстрашный как брат. Глеб принес подходящую игрушку. Лис потеревил обрубки пальцев и сказал:

— Прости, но не ты задаешь темп нашей беседы. А я никуда не спешу.

Пленник попытался пожать плечами. Он сказал:

— Думаешь, один такой особенный? — Шестиклассник хохотнул. — Позволь угадать, что мы тут делаем. Есть некто, этот Брат, кого ты боишься до тряски в ляжках. И я чем-то на него похож, так? Он слишком страшен, чтобы у тебя хватило смелости его прикончить. Ты так боишься и ненавидишь этого некто, что притащил меня сюда, чтобы представлять на моем месте его. Будешь избивать меня? Калечить? Унижать? И называть его именем? Ха, ты был прав: сейчас, правда, начну подсачиваться от смеха!

Пока его маленький рот хохотал, он стиснул вместе ноги, сжимая бедром промежность. Лис медленно, почти нежно погладил обрубки пальцев. Он улыбнулся и сказал:

— Почему же смех сотрясает твое лицо?

Шестиклассник сказал:

— Думаешь, ты необычный? Не-а, ты — простак. Seriously, лучше закончи все быстро, пока есть шанс. Будет идеально, если сразу чиркнешь клинком мне по горлу. Без своей нудятины. Иначе, обещаю, мы поменяемся местами. Давай уже вынимай меч, если не хочешь

сам сесть на этот стул и сочиться под себя от страха.

Лис шутливо поклонился шестикласснику:

— Мне впервые попадается такой великодушный господин, — сказал Лис. Его искалеченная рука поднялась и указала на гляделку высоко на стене.

— А если бы не было ее? Если бы не было постоянного повсеместного надзора и ты знал бы, что тебя не будут потом прилюдно стыдить, если попросишь пощады? Какой путь ты бы выбрал?

Правый глаз Лиса подмигнул. Шестиклассник вздохнул:

— Неужели ты связал меня, только потому что никто не хочет с тобой болтать? Дай мне меч — я сам сделаю сэппуку.

— А если бы вдруг все стражи исчезли? — сказал Лис. — И гляделки бы ослепли. Остались бы только ученики и учителя. И никакого надзора, никакой угрозы.

— А если бы ты стал срать яйцами, ты бы их ел? — сказал пленник. — Трупный запах ударил в твой мозг.

— Разве тебе не хочется сказать правду хоть раз?

Зеркальная линза гляделки мерцала оранжевыми всполохами. Справа и слева одновременно раздались вопли сквозь стены. Соседи вовсю жгли веселье, а Лис с шестиклассником все еще разогревались разговорами.

— Я всегда говорю только правду, — сказал шестиклассник. — Самураи не врут, тупица.

— Брось, свобода близка, — Лис постучал ногтем по деревянным ножнам. — Сегодня последний день в твоей жизни. Не будет больше замечаний, выговоров, никто не отчислит. Никто не накажет. Оторвись. — Резкий взмах ладони в сторону гляделки. — Отпразднуй — скажи им все, что думаешь. И так, ни гляделок, ни стражей, только ты с мечом и безоружные учителя. Что бы ты сделал? Вылей наружу настоящие чувства, которые никакое бусидо никогда не вытравит в тебе.

Шестиклассник молчал. Бежали вытяжки, прошла столовка, одна, две, три. Улыбка не сходила с лица Лиса, наконец, он потянулся и сказал: «Ну как хочешь. Даже завидую тебе. У меня нет такой свободы. Я — по-прежнему раб».

— Да, — сказал пленник, — демон, ДА! Вырезал бы всех до единого. Каждого. Ох, как я хочу этого! Вырезать. Каждого.

Лис опустил на колени. Ладони его легли на связанные руки шестиклассника. Синие и бесцветные глаза оказались близко-близко друг к другу. Их носы почти касались кончиками.

— Спасибо, — сказал Лис. — Если бы я сказал такие слова, меня бы наказали. Но они были мне нужны. Услышать их радость для меня.

— Сделай все быстро, тогда успеешь выспаться до уроков, — сказал пленник. — Если решишь тянуть — удовольствия не получишь. Потому что я не испугаюсь. Меня уже пытали. И тот тоже называл меня чужим именем, тоже вел беседы ни о чем. Теперь он мертв. Вынь меч, не рискуй.

Ногти Лиса впились в кожу шестиклассника.

— Ты разбудил его от иллюзий? — спросил Лис и сам ответил: — Ты. Как у тебя вышло?

Лампочка шипела. Быстрые искры плясали в плене огня и стекла. Сквозь стены пробивались плач и просьбы о пощаде. Чужая боль обтекала Лиса и шестиклассника как

теплый дождь. Здесь было очень уютно.

— Тот говнюк схватил меня и еще двоих моих одноклассников, — сказал шестиклассник, — привязал к батарее каждого за одну руку. А во вторую всунул глубокие тарелки с овсянкой. Похоже, стащил в столовой.

В дверь постучали. Лис не отрывал взгляда от глаз шестиклассника. Стуки прекратились. Снова одни.

В этом прелесть подвальных комнат. Закрытая изнутри дверь защищала их от чьего-либо беспокойства. Запрись и слушай вопли, зная, что тебя не тронут. Наслаждайся чужой драмой.

Лис улыбнулся и сказал:

— Твой пленитель кормил тебя с ложечки? Ужасная пытка, я бы не смог.

— Говнюк объявил, что отпустит того, кто первым съест всю овсянку, — сказал шестиклассник. — Одноклассник рядом тут же сгреб почти всю кашу в рот. Щеки его раздулись. Тарелка выпала из рук, разбилась, из глаз потекли слезы. А рот снова раскрылся, там в разжеванной каше блестели осколки стекла и кровь.

Лис медленно погладил связанные руки шестиклассника. Синеглазая игрушка сказала:

— Он плевался стеклом и красно-коричневой мешаниной, а говнюк смеялся. Называл нас «непослушными сиротами», нес бред типа: «Каждый в «Теплом приюте» заботится о вас, а вы, неблагодарные беспризорники, не хотите кашу тети Тамары?» Второй мой одноклассник жевал овсянку осторожно. Я тоже отделял сваренные хлопья от маленьких острых осколков. Весь мир сузился до моего рта. И все равно пара стекляшек попала мне на язык. Пара порезов рассекла мое небо. Тогда я дотянулся до треугольного осколка разбитой тарелки и сказал, что все съел.

— Ты соврал, — сказал Лис.

— После мне дали выговор, — поморщился шестиклассник. — Когда говнюк подошел ко мне, я вогнал осколок ему в глаз. Говнюк обеими руками схватился за лицо, а я одной сумел вынуть его катану из ножен и насадить его живот на клинок. Даже умирая, говнюк болтал чушь. Истекающим кровью ртом попросил доесть кашу, пока не остыла.

Вопли за стенами прервались. Все игрушки вокруг умерли, сломались. И только игрушка Лиса все еще дышала.

Голова шестиклассника дернулась вперед, его зубы клацнули у самого кончика носа Лиса. Восьмиклассник отшатнулся, глядя на маленькие клыки, высунувшиеся из-под розовых губ. Теперь мир Лиса сузился до рта шестиклассника.

— Его каше не удалось пережевать меня, — сказал пленник, — и тебе не удастся. Руки связал? Так я перегрызу тебе глотку. Тот, кого ты боишься, не будет сегодня умолять о пощаде.

Поднявшись и отряхнув хакаму, Лис сказал:

— Не будет.

Лис вдруг запрыгнул ему на колени. Старый пластиковый стул закрипел. Руки Лиса обхватили голову шестиклассника и оттянули ее назад, прежде чем маленькие клыки вспороли кожу на его шее.

— Маленький старший брат кое-что не понял, — улыбнулся Лис. — Я не боюсь старшего брата. Да, ненавижу, но не боюсь. На самом деле я обожаю его. Мы с братом связаны до скончания веков. Эта школа исчезнет, руины зарастут лесом, а наша связь только окрепнет. Чем больше я его узнаю, тем больше обожаю.

Шестиклассник дернулся, но ногти Лиса вонзились ему в щеки. Обрубленные пальцы накрыли синий глаз.

— Брат отсек часть меня, — сказал Лис, — поэтому я его ненавижу. То обожаю, то ненавижу. Туда-сюда.

Шестиклассник зашипел:

— Я не боюсь...

— Прямо как брат, — сказал Лис. — Мне и не нужно, чтобы ты боялся. Наоборот, презирай, ругайся, проклинай. Ненавидь меня, так же как я тебя.

Лис провел пальцем по верхней губе шестиклассника, слегка касаясь зубов. Было почти тихо, только лампочка шипела над головами, скрипел стул, вода журчала в трубах. Тихий восторг бурлил в сердце.

Губы Лиса приблизились к белой в красных крапинках царапин щеке пленника. Лис сказал:

— Так вышло, что Андрей стал моим ненавистным идеалом.

Губы Лиса коснулись бледной щеки. Между ними проскочила электрическая искра. Может, одна из тех, что шипели внутри лампочки. Может, кому-то, или чему-то, все же удалось сбежать из своего плена.

Лис прошептал:

— Поэтому ты здесь, — сказал Лис. — Поэтому я отгрызу тебе щеки и губы.

Свет так и не прогнал тьму. По одному четыре желтых прямоугольника потухли, ночь завладела школой. Их миром.

«Так же и твоя глупая мечта завладела тобой, — сказал волк. — У тебя столько власти. Столько рыбки в консервах. А ты даже не попробовал ее. Костлявая или сочная — мы до сих пор не знаем».

Андрей вспомнил, когда волк поселился внутри. Почти сразу после того, как заплевали свинцом учеников в Михеевской школе. Тогда Андрей возненавидел часть себя, эта-то часть стала волком. Похоже, ночь постепенно завладевала и Андреем.

Вокруг резко зажегся свет. Черное окно обратилось в зеркало, внутри в оранжевом ореоле стояла Рита. Слуга и будущий палач.

— Господин, — сказала она, — почему ты не спишь?

Андрей закрыл лицо руками:

— Мне снятся смерти. Стоит закрыться моим глазам, как сразу же вижу убийства, прошлые и будущие. Их больше сотни, их столько...

— Сколько ни я, ни господин не умеем считать, — сказал Рита. Наложница взяла его руки в свои. — Всем здесь снится смерть. Но далеко не всем это не по нраву.

Далеко не у всех здесь сердца из глины.

— Я больше так не могу! — выпалил Андрей. Более жалко нельзя сказать. Глаза Андрея вдруг намокли. Хотя нет, можно — если произнести то же самое ревя.

Рита погладила его по волосам. Нежно, мягко, неспешно.

— Чья смерть печалит тебя больше всего? — спросила она.

Андрей сел на подоконник. Сетка зеленых соплей тянулась из его носа по всему лицу.

— Много смертей, — сказал он. — Все мои предыдущие одноклассники убиты из-за меня. Их изрешетил горячий свинец. Все из-за того, что они жаждали крови учителей. Не бунт захлебнулся их собственной кровью, потому что я влез. Мои одноклассники наплевали на долг. За это их тела набили свинцом.

Андрей хлюпнул мокрым носом. Зеленый пузырь раздулся из ноздри и лопнул.

Рита все это видела и сказала:

— Но твой наставник жив, так? Тот, который рассказывал стих о сакуре?

Андрей кивнул. Где — то далеко отсюда Сугияма-сенсей сейчас спит. Его-то точно не мучает бессонница.

Рита улыбнулась. Она сказала:

— Тогда ты не зря мучился. Смерти должны были случиться. Неизбежное неизбежно случится. Главное, твой наставник не стал жертвой позора тех учеников. Если бы все вернулось вдруг назад, если бы та иллюзия повторилась, ты бы допустил смерть наставника, господин?

Андрей сказал, что не имел на это права. Улыбка Риты стала шире.

— Теперь ты не имеешь права допустить моей смерти, господин, — сказала наложница. — Чтобы завтра не закрывать ладонью веки на моих мертвых глазах, ты должен быть сильным, выспавшимся и... — Рита стряхнула с ладони липкую соплю Андрея, — ...здоровым.

Волк зевнул. Алая пасть провыла: «Наложница права: будешь копаться в прошлом —

прозеваешь будущее. А в нем ведь есть не только смерть — еще рыбка в консервах».

Рита потянулась вперед, мягкие ладони обхватили голову Андрея и прижали его лицо к груди. Ее тонкая голубая рубашка мгновенно промокла от его соплей. Она обнимала его затылок и говорила:

— А если будет наоборот? Если я буду закрывать веки на твоих мертвых глазах? Я не хочу этого снова.

Слезы потекли из глаз Риты по лицу и дальше, срываясь с подбородка, чертили мокрые следы на голове Андрея. Соль жгла его кожу под волосами.

Сидя на холодном подоконнике, Андрей ощущал на лице жар ее тела, ее маленькой груди. Сквозь мокрую тонкую ткань твердый сосок уткнулся ему в щеку. Свежий запах чистого тела просочился в забитые ноздри Андрея.

Внезапно он понял: в комнате светло. Рита включила свет, просто щелкнув выключателем. Такой выключатель должен быть внутри черепа каждого ученика. У Риты свет включен, у других вырублен. Но если Андрей ослабнет, то свет потухнет и в ней вместе с жизнью.

Андрей оторвался от груди Риты. Вытер рукой слезы с ее лица.

— Амурова-сан, давай поедим рыбки? — предложил он.

Улыбка появилась на соленых губах Риты.

— Если тебе этого хочется, господин.

Понимают ли наложницы разницу между тем, чего они хотят по-настоящему, и тем, чего хозяева принуждают их хотеть?

Принуждают болью и страхом.

Рыбные консервы они вскрыли металлической стрелкой в ручке Андрея. В тонкой рыбе почти не было костей, только скользкий хребет, который чуть ли не сам выпрыгивал из тела. Поев, Рита слизывала масло с лица и рук, как кошка. Андрей намочил в бадье два обрывка от кимоно Михеевской школы. Один обрывок передал Рите, другим вытерся сам. Заодно смыл соплю.

Волк свернулся клубком на полу клетки и разочарованно сказал, что рыба не мясо.

Пора было ложиться. Рита подвинула свой тюфяк вплотную к тюфяку Андрея.

— Господин не может уснуть. Если это проблема, я решу ее, — сказала она. Андрей бросил взгляд на вакидзаси возле ее тюфяка. Рита с улыбкой покачала головой и сказала:

— Я буду держать господина за руку.

Андрей не знал, желает ли этого она сама или, по мнению Риты, желает он, ее господин. Но, кажется, выбора ему не дали. Раз так, нечего спорить: неизбежное неизбежно случится.

Пальцы Риты тонкие и теплые, в обертке из мягкой кожи, а не обглоданные до костяшек, как во сне. Держать их уже удовольствие, а, ощущая их ответноежатие, ощущая поддержку Риты, наполняешься верой в завтрашний день. Стирается черта между возможностями человеческих костей с мышцами и невозможными подвигами. Переломить хребет скале? Запросто. Сорвать луну с неба? После завтрака сделаю. Ну и все в таком роде.

Андрей водил большим пальцем по линиям на ладони Риты. И она крепко держала его. И это было прекрасно.

Напряжение в теле растаяло. Когда все прекрасно, легко приходит то, о чем даже и не мечтал больше. Легко приходит спокойный сон.

1

Когда Андрей проснулся, еще не рассвело, Рита целовала его лицо, а в дверь колотили. В дверь колотили, и не ясно было, целовала Рита его лицо во сне или наяву, пока он спал.

Ножны с катаной лежали рядом вдоль тела. Андрей взял их и поднялся. Босые пятки пошлепали прочь от теплой постели и близости Риты, приликая к холодному бетону.

За дверью переступали с ноги на ногу двое тяжелых. Еще дальше в конце коридора кто-то смывал писельник. Пускал свистящие газы.

Если натренировал острый слух, уже никогда его не выключишь. Отныне мир иллюзий всегда что-то кричит тебе на ухо. Либо смеется. Либо плачет. Либо пускает свистящие газы. Стучит деревянными подошвами. Хлопает дверями. Лязгает сталью.

Вздыхнув, волк сказал: «То же самое с моим нюхом». Это он, видимо, о запахе из туалета.

Андрей открыл дверь. За порогом ждали Блуд и незнакомый двухмордый. Клинок каждого сидел в ножнах. Андрей склонил голову перед ними.

— Сейчас ночь, — сказал он, то ли приветствуя, то ли возмущаясь поздним приходом. — Вы посетили меня с какой-то целью?

Блуд нахмурил брови. На лице — паутина из свежих кровоточащих и засохших порезов. Когда умываешься лезвием меча, кожа раскалывается как старый асфальт. Через неделю вид поприятнее. Раны начинают покрываться розовой одеревенелой рубцовой тканью. Если только не умываться так каждый вечер.

Блуд сказал:

— Целью? Скорее узнать твою. Когда ты сегодня обещал разбудить одиннадцатиклассника, кто бы мог подумать, что нашего оябуна прикончат. И тоже сегодня.

Второй двухмордый ухмыльнулся. Его лицо было гладким, лощеным, с пощипанными бровями, чистым, не то что кровавая гримаса Блуда.

— Оставим пока за занавесом вопрос, хватило бы у тебя для этого силенок, — сказал лощеный двухмордый.

Голые плечи Андрея расправились.

Два сильных старшекласника. Угрюмость и насмешка. Дикость и лоск. Страстная тяга к боли и неприязнь к самомордованию. Разные по характеру напарники завернули на восьмой этаж.

— Не я разбудил вашего оябуна, — сказал Андрей. И это была правда. Их оябуна разбудил Лис.

Блуд встал на порог. Теперь дверь не захлопнуть, если разгорится бой.

— А как насчет твоего клана? — спросил лощеный двухмордый.

Пора выключить прямодушие. Это ведь не слух и не нюх, проблем не должно возникать. Хитри, как Лис.

Андрей сказал:

— Дайте моего клана не убивали вашего оябуна.

— Нелепп-сан спросил не это! — рявкнул Блуд. Кожа на кровавом лице наморщилась, свежие порезы вокруг глаз смялись, брызнули красным соком. — Кончай играть и отвечай ясно.

Ищи доводы, которые разьедят им мозги. Так делает Лис. Все их мысли должны быть твоими.

— Я ответил, — сказал Андрей, — ни я, ни дайме моего клана не убивали Губительного Вихря-сан. И с другими кланами мы ради этого не сговаривались. — Андрей попытался улыбнуться так ехидно, как улыбался Лис. — Может, вы думаете, что великого оябуна выпускников смог бы достать жалкий сэме из клана восьмиклассников? — Улыбка резко отстала от губ. — А может, вы думаете, я вру?

Сейчас главное — не дать им задуматься. Сказать такое, чтобы их воображение зачало. Полностью омертвело. Нужны любые звуки, которые отвлекут внимание.

И Андрей засмеялся. Глаза Блуда вытаращились, усмешка лощеного увяла.

— Если вы из тех, кто допускает невозможное, — сказал Андрей. — Если допускаете, что самурай может соврать, дождитесь завтрашнего дня. Когда я так и не получу выговора, вы станете меньше подозревать других в подлости.

— Допустим, — сказал Нелепп. — Тогда кто рискнул?

В голове каждого постоянно звучит чей-то голос. Чей-то смех, чей-то плач, чьи-то громкие газы. Пусть же в головах двухмордых звучат слова Андрея.

— Так нагло напасть в самое сердце великого клана решился бы только тот, кто мнит в себе такое же величие, — сказал Андрей. — Тот, кто недавно утратил часть силы и позавидовал вашему совершенству.

— Клан Райдэна, — прорычал Блуд, — ты разнес Хагена-сан, так «синяки» сразу решили уравнивать численности наших кланов.

— Страх перед кланом Они загнал «синяков» в угол, и они посмели укусить нас, — сказал Нелепп.

Вот так, без слова лжи, в чужом сознании распыляют ее запах. Вот так Лис убедил Андрея напасть на клан Красоткина. Теперь-то ясно, каким Андрей был дураком.

— В кланах Райдэна и Они снова поровну сил. Пять самураев в каждом клане, — сказал Андрей. — Чаши весов снова уравнились. По-моему, силу великого клана ничто не должно сдерживать. Нужно разогнать вашу судьбу как ржавые качели. Нестись неудержимо вперед — вот предназначение великих.

Больше шума. Вот что действительно нужно. Сыграть на гордыне двухмордых, занять их головы тем, что хочется Андрею.

Блуд сказал:

— За такую наглость «синяки» ответят.

Нелепп сказал:

— За дерзкий укус «синяки» не доживут до выпускного.

Блуд уставился на Андрея. Рот в кривой рамке из алых порезов сказал:

— Сингенин-сан, ты все-таки разбудишь одиннадцатиклассника. Убей «синяка».

Сердце Андрея бросилось вскачь. Из посеянных им мыслей в голове Блуда вырос ядовитый цветок. Ядовитый — для Андрея.

Андрей сказал:

— Конечно, если на то воля будущего оябуна клана Они. Ведь только величайший из великих может такое приказать.

Нелепп дернулся всем телом как от удара розги и сказал:

— Круг дайме этого не решал. Никакой он не оябун.

Блуд резко отступил на расстояние длинного шага от Нелеппа.

— Пока нет, — сказал Блуд и схватился за рукоять меча, — есть пара несогласных.

— За этим ты позвал меня с собой к Сингенину-сан? — крикнул Нелепп. — Ударить в спину по дороге назад?

Потеряв общую цель, напарники на глазах Андрея превращались в свирепых врагов.

Блуд ухмыльнулся и сказал:

— Не совсем, — он кивнул на Андрея. — Сингенин-сан обещал мне голову одиннадцатиклассника. Хотел поручить тебя ему.

Андрей стиснул ножны до деревянного треска. Каждый ученик пытался оседлать другого ученика, чтобы нестись на нем верхом к своей цели, как в легендах самураи скакали на конях. Как копейщик из рассказа Лиса добирался домой на спине волка. А зверь в ответ отгрыз ему ногу.

Блуд обнажил катану. Блеск голой стали отогнал Нелеппа от открытой комнаты между ними на несколько шагов.

— Ну что, Синегнин-сан, забьем его вдвоем? — сказал Блуд. — Когда я стану оябуном, щедро отблагодарю тебя. Ласки наших наложниц сладки, как вишневый сок...

Блуд медленно наступал. Нелепп вынул меч, отходя вглубь коридора.

Не двигаясь, Андрей смотрел, как два самурая плюют на верность своему клану, обещая друг другу смерть.

Блуд быстро взглянул на него, заметил, что клинок Андрея по-прежнему в ножнах. С тихими словами: «Ну держись потом» двухмордый прошагал мимо открытой двери.

Андрей посчитал про себя: раз, два, три. Расстояние в три шага вполне достаточно, чтобы подкрасться и убить со спины. Ножны соскользнули с клинка на пол.

Нельзя не использовать этот случай. Нельзя не использовать людей, как их использует Лис, если хочешь выжить в этой драной школе.

— Закрой дверь за мной, — приказал Андрей за спину. Приказал Рите. Приказывал ли он ей что-нибудь раньше? Неважно.

Ноги Андрея перешагнули порог, и восьмиклассник, согнув колени, поступью крадущегося заскользил к Блуду. Андрей настиг спины Блуда, когда Блуд настиг Нелеппа.

Меч Блуда рассек воздух, катана Нелеппа отбила удар. Клинки разлетелись в разные стороны. Но руки Блуда остановили откат раньше. Сталь свистнула, возвращаясь. Лезвие разрубило ткань, кожу и плоть на правом плече Нелеппа, металл заскрежетал по кости.

Рука Нелеппа повисла плетью, меч выпал из нее, запрыгал по полу. Блуд усмехнулся и кончиком меча разрезал Нелеппу бедро. Лощеный дайме сполз по стене на пол.

Достаточно ждать, Нелепп теперь не боец. Время прикончить второго.

Андрей поднял катану над головой очень медленно, чтобы железо не свистело в воздухе. Широкая спина Блуда раскинулась перед ним, перед его клинком, невозделанным, девственно чистым полем. Бей куда хочешь. Андрей нацелился в середину спины лезвием по всей длине. Если попить что-то кровью, так целиком.

Андрей вдыхал и выдыхал ртом. Нос был заложен, и если бы Андрей дышал через него, то хрюкал бы как толстый хряк. Но Андрей дышал ртом и двигался тише тени.

А Блуд все равно его почуял. Как натасканный зверь чуёт облаву.

Выпускник резко развернулся, длинные руки выстрелили голой сталью. Андрей опустил поднятый меч. Клинки звонко сшиблись, отдачей самураев отшатнуло друг от друга.

Отбитый назад меч Андрея вонзился в косяк двери справа. Андрей дернул рукоять. Тщетно — лезвие застряло.

Потеряв меч, самурай следом теряет жизнь.

Воздух над головой Андрея свистнул. Восьмиклассник прыгнул вбок. Катана Блуда описала сизый полукруг там, где только что была голова Андрея. Завершая взмах, клинок попал по застрявшему мечу и вместе с половиной косяка снес катану на пол.

Пятки Андрея только коснулись холодного камня после прыжка — меч Блуда уже летел в голую грудь. Андрей отскочил назад. Острие клинка чиркнуло его по коже, от соска до соска.

Блуд усмехнулся, покрытые коркой раны вокруг рта треснули и брызнули кровью.

Никто не произнес ни слова. Слова — это время. Время — это победа.

Андрей отступил. Блуд перешагнул меч под ногами и снова атаковал. Восьмиклассник метнулся спиной к противоположной стене коридора. Лезвие вспороло воздух прямо перед носом — и не достало его.

От стены Андрей сразу оттолкнулся ногой и кулаком. Прыгнул на Блуда, пока клинок двухмордого опускался в другой стороне.

Руки Блуда попытались дернуть меч навстречу Андрею. Неимоверная сила нужна, чтобы остановить катану в полете.

И Блуд обладал такой силой.

Тяжелый меч врезался Андрею в плечо, восьмиклассника отбросило назад. Он покатился кубарем вглубь коридора. Тут же вскочил, весь в белом порошке, избитый, но целый. Блуд ударить ударил, но лезвие не развернул. Махнул клинком плашмя словно дубиной.

Пот смешался с пылью на лице Андрея, жидкая грязь потекла в глаза и рот. Ударенное плечо мгновенно распухло.

Застонали петли. Дверь между Андреем и клинком Блуда приоткрылась и тут же испуганно захлопнулась. Шестиклассникам этой ночью не сходить в туалет.

Андрей быстро шагнул к двери. Нога поднялась и зависла в воздухе. Будто для второго шага. Меч Блуда метнулся навстречу, рассек воздух перед глазами Андрея. Длинный клинок унесло вниз. Обманный рывок сработал.

Андрей знал, куда будет бить Блуд, но Блуд прогадал, куда нацелился Андрей.

Резкий прыжок вбок — и Андрей у противоположной стены. Глотка Блуда взревела, меч в его вздутых руках снова развернулся, понесся на худого восьмиклассника.

Тело Андрея целиком растянулось в прыжке. Впереди среди обломков косяка сверкал на полу сизый клинок, притягивая словно магнит. Другой клинок настигал Андрея сзади.

Остро укололо правую голень. Брызги крови окрасили пол, икроножная мышца будто взорвалась. Андрей упал на обломки косяка, его катана вдруг возникла в руках.

Бежать от меча, чтобы в конце концов к нему вернуться. Так же мы стараемся поскорее умереть, чтобы заново возродиться.

Сзади бежал Блуд. Андрей вскочил на колени, высокий одиннадцатиклассник закрыл собой свет. Клинок в его руках почернел. Черный металл.

Блуд вскинул меч над головой. Нога Андрея истекала кровью — больше не отпрыгнуть, не увернуться от удара. Только бить наперед.

Всем корпусом Андрей вытянулся в линию. Левая рука отпустила меч, правая резко выпрямилась вверх. Клинок ударил в подмышку Блуда. Лезвие глубоко вогналось в тело. Прошло навывлет.

Теперь вытащить меч можно будет только оперев ноги в труп.

Катана выпала из поднятых рук одиннадцатиклассника. Блуд посмотрел на Андрея и вдруг улыбнулся ртом, окруженным ранами. У Андрея похолодело в груди.

Это не конец. Ужасная боль только рассмешила чудовище.

2

Блуд рухнул на Андрея, здоровая тяжелая рука чудовища схватила восьмиклассника сзади за шею.

Вдвоем они расстелились на полу. Катана в плече Блуда лязгнула сталью о бетон.

Восьмиклассник упал на руки. Под ним, прямо под горлом, тянулся клинок из разорванной плоти Блуда. Острое лезвие жадно смотрело в глотку Андрея.

Рука Блуда давила в затылок. Локти Андрея медленно сгибались. Клинок и глотка сближались. Андрей врезал коленом в живот Блуда. Съездил ему по промежности. Долбанул в грудь. Андрей слышал, как хрустнуло ребро чудовища.

Кровавое лицо Блуда все так же улыбалось. Тяжелая рука не отпускала. Андрей уже не видел клинка, холодная сталь коснулась подбородка.

Во внутренней клетке волк сунул морду между прутьями.

«Выпусти меня, — сказал волк, — и я спасу нас».

Нет!

Глаза Андрея не видели клинка под собой. Зато увидели Риту. Наложница медленно шагала к ним, белые руки вытягивали вакидзаси из ножен.

Волк сказал: «Спасу ее. Ты знаешь, ты видел, я не наврежу ей».

Да, только залезешь к ней на тюфяк.

Лезвие чиркало по коже Андрея туда-сюда. Пока не вглубь. Блуд сипел и ухмылялся.

«А он навредит, — сказал волк. — Помнишь, он обещал, что навтыкает в Риту совсем не мечи? Или не только мечи».

Рита шла от двери. Почему она не послушалась приказа Андрея? Почему не заперлась?

Волк сказал: «Потому что не хочет закрывать веки на твоих мертвых глазах».

Руки Андрея дрожали, локти почти согнулись полностью. Меч почти вошел в глотку. Драная иллюзия почти закончилась.

И Андрей сказал: Выпускаю!

Прогремел железный гром. Внутренняя клетка провалилась внутрь себя. Из обломков прутьев в тусклый коридор общежития выполз черный волк. Широкая красная пасть ухмыльнулась. Андрей ухмыльнулся.

На согнутых лапах зверь подобрался к двум сцепившимся самураям. Мощное тело в черной плотной шерсти нависло над Блудом

Волк поднял заднюю лапу.

Андрей поднял правую ногу.

Желтая струя брызнула на кимоно Блуда. Одиннадцатиклассник перестал ухмыляться и тихо вскричал. Боль не властна над ним, но позора страшится каждый ученик в школе Катаны.

Блуд отдернулся от теплой струи. Рука ослабила хватку, совсем немного, на несколько мгновений. Но этого достаточно.

Волк взял в челюсти предплечье Блуда. Андрей поднял одну руку и схватил врага рядом с пастью зверя.

Волк сомкнул клыки. Андрей резко выкрутил руку выпускника вверх и назад. Сустав переломился и треснул. Кость вылезла из лопнувшей кожи и натянула рукав кимоно. Блуд

зарычал.

Волк выпрямился, следом встал и Андрей. Кровь стекала по щиколотке из рассеченной икры. Хромая, Андрей подошел к своему мечу, знакомая стертая рукоять легла в руки. Волк шел рядом, зверь тоже хромал.

Приблизилась Рита. Она сказала:

— Ты все же встал.

Обнаженный вакидзаси в белых руках поник острием вниз, слово увядший цветок.

Не оборачиваясь, Андрей сказал: «Рано просыпаться, одна наложница все еще не расплатилась со мной».

Блуд перевернулся на спину, длинные ноги в сандалиях бешено колотили по полу. Совсем недавно сильные руки висели безвольными плетями. Из подмышки торчал меч.

— Блуд-сан, утром ты не возражал, чтобы я превратил тебя в ежа, — сказал Андрей, — так начнем.

Андрей вонзил катану в сломанную руку Блуда, туда, где твердая кость натянула ткань формы. Волк тут же вогнал клыки в кровавое месиво вокруг клинка.

Блуд закричал, крик сразу перетек в львиный рев. Прибитый к полу двумя клинками, одиннадцатиклассник все еще оставался хищником.

Андрей прохромал к Нелеппу, волк ковылял возле ноги. Лощеный двухмордый сидел в луже крови и безучастно посмотрел на восьмиклассника, когда Андрей сказал:

— Нелепп-сан, дай свой меч.

Нелепп моргнул раз, второй, сплюнул кровавую слюну и сказал:

— Чего?

— Твой меч, — повторил Андрей и протянул руку, — живо дай.

Пожав плечами, Нелепп указал на клинок у ноги. Андрей подобрал меч, вернулся к Блуду. Волк не отставал.

— Еще одна иголка, — сказал Андрей. Острие меча пробило коленную чашечку Блуда насквозь, сталь звякнула о пол под ногой. Блуд стиснул зубы. Казалось, все раны на его лице шипели как гнездо змей.

Волк бросился грызть расколотое колено.

Андрей повернулся к Рите и сказал:

— Амурова-сан, дай свой меч.

Рита посмотрела на кровавую гримасу Блуда под ногами и отдала вакидзаси.

Андрей воткнул меч вниз не глядя. Вторая коленная чашечка хрустнула под ударом короткого клинка. Брызжа изо рта кровью, Блуд засмеялся-залаял как собака.

— Все еще голосит как хищный зверь, — сказал Андрей. — Амурова-сан, принеси мою белую ручку.

Рита глянула так, словно это ее Андрей пытается:

— Куда девалось твое глиняное сердце?

— Живо иди, — сказал Андрей.

Рита пожалала плечами и ушла, напевая свою Песню смерти. Андрей навис над Блудом и спросил:

— Все, что ты делал с лицом, — так ты готовился к этому дню, к этой боли? — Андрей покачал головой. — К таким дням нельзя подготовиться. Они как буря, которая сдувает цель твоей жизни в пропасть.

Так ведь, сенсей? Верный вопрос — это «А не пойти ли тебе в задницу, старый

узкоглазый пердун?»).

Сзади застучали сандалии Риты.

— Господин, а ведь ты согласился умереть ради меня.

Андрей обернулся, заостренная металлическая стрелка коснулась плоской гранью его горла. Волк прекратил грызть второе колено Блуда и посмотрел на Риту.

Рита вдавила глубже стрелку в горло Андрея и сказала:

— Не хочешь снова попробовать оттолкнуть меня?

Вспоминается последний сон, где клинок из чресел Андрея вонзился в Риту, а Рита всадила пальцы-кости в его глаза. Вспоминается экстаз смерти из сна, опьянение от двойного самоубийства. Мы все хотим восхитительного конца. Рита и Ява, Видждан и Апостолова, Красоткин и Губительный Вихрь, Блуд и Лис. Мы все убиваем друг друга, чтобы в итоге кто-нибудь подарил нам такой конец. Мы все смертоголики. Жизнь — наш враг.

— Нет, — сказал Андрей, — хочу быть ближе к тебе. Настолько близко, насколько это вообще возможно. Даже если наши тела не выдержат и разорвутся. Даже если придется убить тебя или умереть самому.

Брови Риты взлетели вверх, наложница крепче сжала стрелку. Андрей резко ударил плечом по ее руке. Кисть Риты сползла ему на грудь, Андрей захватил белую руку, твердые пальцы вывернули тонкое запястье и забрали стрелку.

Рита стояла перед ним безоружная. Она не отступила, не убежала или не бросилась к мечу, торчавшему в колене Блуда. Потому что Андрей только что пообещал ей восхитительную смерть.

Андрей взял лицо Риты и поцеловал ее губы. Во рту Риты словно растаял сахар, такой сладкой была ее слюна.

Наложница в его руках расслабилась, стала чудесно мягкой. Не отрываясь от ее губ, он гладил Риту по шее, щекотал за ухом.

Язык Андрея глубоко вошел в ее глотку, и она ахнула. Где-то по ее белому телу под одеждой одновременно елозил шершавый язык волка.

Губы Андрея стиснули нижнюю губу Риты. Оба они застонали, а волк внизу подвыл их Песне страсти.

Спустя века или тысячелетия Андрей оторвался от Риты, а она жадно спросила:

— Уже все?

— Мой язык когда-нибудь обязательно перекроет доступ воздуха к твоей гортани, а ты обязательно раздерешь зубами мне горло, — сказал Андрей. — Когда-нибудь мы восхитительно убьем друг друга, но не сегодня.

И Андрей повернулся к Блуду. Выпускник уже закрыл глаза и еле слышно сипел.

Андрей толкнул рукоятку катаны в его пробитом колене. Веки на глазах Блуда распахнулись, глухой рык вырвался из глотки.

— Нет, нет, — сказал Андрей. — Ежики не рычат.

Андрей сел Блуду на грудь, сломанное ребро хрустнуло под задницей восьмиклассника.

— Рычат медведи, львы, тигры, рыси, — сказал Андрей, наклонив лицо близко-близко к окровавленному лицу Блуда. — Рычат волки, но не ежики.

Андрей ударил по рукоятке меча в подмышке Блуда. Растревоженная рана вокруг клинка закровоточила. Волк наклонился к ней, шероховатый алый язык стал лкать кровь.

Блуд распахнул рот и заорал. Андрей резко вонзил металлическую стрелку ему под подбородок. Ладонь восьмиклассника хлопнула сзади по стержню, железное острие пробило

язык и воткнулось в небо.

Рычащий крик Блуда превратился в сдавленный жидкий вопль. Тонкий стержень торчал через весь его раскрытый рот.

Андрей сказал:

— Вот так — теперь ты правильный ежик.

Одинокая слеза выкатилась из глаза Блуда. Соль разъела засохшую кровь на щеке, обнажив старый белесый рубец.

Андрей поддел пальцем слезу со щеки и сказал:

— Теперь ты годишься в пищу настоящему хищнику.

Андрей слизал слезу с пальца. Ее соленый вкус смешался во рту с сахарным послевкусием поцелуя с Ритой.

Глаза Блуда наполнила влага, слезы одна за другой покидали их. Паутина из мокрых соленых дорожек накрыла паутину из красных порезов.

Андрей сказал:

— В ничто тебя превратила боль, которую ты так страстно обожал.

Мы уничтожаем все, кроме того, что желаем. А то, что мы желаем, уничтожает нас.

Так с тобой расплачивается Черный металл.

Так приходит восхитительная смерть.

Так учат в школе Катаны.

Андрей и волк одновременно приблизили рты к мокрым щекам Блуда.

Андрей сказал:

— Поздравляю, сейчас тебе снова будет больно. — Волк лизнул кроваво-соленое лицо Блуда, и Андрей сказал: — Сейчас тебя сожрет настоящий зверь.

Слезы бежали по щекам Блуда, а волк их слизывал. Вместе с кровью на порезах. Катаны по сторонам качались, словно высокие стебли травы. Сломанное ребро хрустело под задницей.

Андрей широко раскрыл рот. Лицо Блуда пахло солью и кровью. Пахло мясом.

Андрей сказал:

— Итак, позволь сожрать тебя?

Слезы все бежали и бежали по порезанным щекам Блуда. Волк их слизывал.

Больше книг на сайте — Knigoed.net